

ISSN 2074-9201

ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

№ 2 (63) 2021

Учредитель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Журнал издается с 2001 года

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 сентября 2007 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 марта 2010 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью А.С. Попова

Редакционная коллегия:

Главный редактор
д.э.н., к.ф.н., доц. Делия В.П.
Заместитель главного редактора
к.ю.н. Милов П.О.
Компьютерная верстка
Савеличев М.Ю.
Корректор
Игнашина А.А.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» – Я6743
Подписку можно произвести на сайте агентства.
Минимальный период подписки – 3 месяца

Издатель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Адрес редакции и издателя:
117105, Москва, Варшавское ш., д. 23, каб. 203
Тел.: +7 (495) 782-52-73, +7 (916) 909-73-56
<http://ideka.ru>
e-mail: nauka@ideka.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768 от 11.02.2015 г.

НАУЧНЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

SCIENTIFIC INFORMATIONAL-ANALYTICAL
MAGAZINE

АККРЕДИТОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ:
120001, 120002, 120008, 120009, 120013, 080005

В НОМЕРЕ:

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ,
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ,
Трибуна молодого ученого

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал «Вестник Академии права и управления» обязательна.
Журнал отпечатан в типографии «Юника», тел. 8 (343) 364-55-24

Подписано в печать 13.07.2021. Формат 60x84/8. Усл.-печ. л. 8.
Печать цифровая. Заказ № 224 от 06.08.2021 г. Тираж 2000 экз.

ISSN 2074-9201

12+

Члены редакционного совета:

08.00.00 Экономические науки

Рагулина Юлия Вячеславовна, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный работник науки и техники Российской Федерации;

Салихов Борис Варисович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство.);

Солодуха Петр Викторович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики, декан экономического факультета Российского государственного социального университета;

Шкодинский Сергей Всеволодович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра отраслевой экономики, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, заведующий кафедрой Экономической теории, Московский государственный областной университет.

12.00.00 Юридические науки

Агапов Павел Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного управления и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации;

Бажанов Станислав Васильевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного университета технологий и управления, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, старший советник юстиции в отставке;

Гаврилов Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

Краснова Кристина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия;

Кузнецов Петр Уварович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета;

Минбалеев Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Республиканского НИИ интеллектуальной собственности;

Нарутто Светлана Васильевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве

РФ, профессор Московского городского педагогического университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Полякова Татьяна Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, заведующая Сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации третьего класса, почетный работник юстиции;

Радько Тимофей Николаевич, Радько Тимофей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, действительный член Академии гуманитарных наук, академик Российской академии адвокатуры, заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник юстиции первого класса, генерал-майор внутренней службы в отставке;

Тарасов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Чернявский Александр Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного (государственного) и международного права Военного университета Министерства обороны РФ.

Зарубежные члены редакционного совета:

Анил Сарвал, доктор наук, профессор Пенджабского университета (г. Чандигарх, Индия);

Дэвид Рейнольдс, доктор наук, действительный член Британской академии наук, профессор истории Колледжа Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;

Мкртумян Арман Юрьевич, заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;

Пол Смит, доктор наук, профессор Университета Претории, Южная Африка (ЮАР);

Уоррен Кимбол, доктор наук, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;

Ю Синода, доктор наук, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).

Эксперты:

Меськов Валерий Сергеевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Высшей школы образования, профессор кафедры теологии филологического факультета, директор Учебно-научного центра междисциплинарных проблем образования и когнитивистики Московского педагогического государственного университета;

Тихонов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук;

Шеремет Игорь Анатольевич, доктор технических наук, профессор, член Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации, заместитель директора по науке, Российский фонд фундаментальных исследований, член-корреспондент Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации третьего класса.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Акатов Александр Александрович, Филимонова Анастасия Игоревна, ЧУВСТВА КАК КОЛЛИЗИОННЫЙ ФАКТОР ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ Alexander A. Akatov, Anastasia I. Filimonova, FEELINGS AS A COLLISIONAL FACTOR OF LEGAL REGULATION.....	6
Бажанов Станислав Васильевич, ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) И ДРУГИХ УЧАСТНИКОВ СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ Stanislav V. Bazhanov, STUDYING THE IDENTITY OF THE SUSPECT (ACCUSED) AND OTHER PARTICIPANTS IN THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE.....	11
Давитадзе Мевлуд Демуралович, Баканов Максим Александрович, ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ Mevlud D. Davitadze, Maxim A. Bakanov, CONSTITUTIONAL LEGAL PROTECTION OF ENTREPRENEURSHIP	19
Давитадзе Мевлуд Демуралович, Иваньшина Ольга Валерьевна, СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ Mevlud D. Davitadze, Olga V. Ivanshina, CONSTITUTIONAL LEGAL PROTECTION OF THE FAMILY	24
Демченко Татьяна Сергеевна, Кубанов Эльдар Баширович, Гостев Александр Николаевич, ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ: СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ Tatyana S. Demchenko, Eldar B. Kurbanov, Alexander N. Gostev, EXTREMISM AND TERRORISM IN RUSSIA: SOCIAL AND MANAGERIAL ASPECT.....	29
Долгова Ирина Владимировна, Жамборов Анзор Анатольевич, РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ Irina V. Dolgova, Anzor A. Zhamborov, ROLE OF CULTURE IN COMBATING CRIME.....	41
Егоров Вадим Алексеевич, Макаров Иван Николаевич, Иванова Виктория Игоревна, ВЫСОКОАВТОНОМНОЕ ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО ВНЕ ЗАКОНА Vadim A. Egorov, Ivan N. Makarov, Victoria I. Ivanova, HIGHLY AUTONOMOUS VEHICLE OUTLAWED	47
Кондратюк Сергей Викторович, ДОКАЗЫВАНИЕ ЛИДЕРСТВА В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ Sergey V. Kondratyuk, PROVING LEADERSHIP IN THE CRIMINAL HIERARCHY	51
Майстренко Григорий Александрович, Майстренко Анна Григорьевна, К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТРУДОВЫМИ МИГРАНТАМИ В РФ Grigory A. Maistrenko, Anna G. Maistrenko, TO THE QUESTION ABOUT THE REASONS OF CRIMES COMMITTED BY LABOR MIGRANTS IN THE RUSSIAN FEDERATION.....	58
Муртузалиев Али Муртузалиевич, ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ РАССЛЕДОВАНИЯ	

Ali M. Murtuzaliev, FUNCTIONAL GUIDELINES IN THE ACTIVITIES OF THE BODIES OF INQUIRY FOR THE IMPLEMENTATION OF THE INVESTIGATION.....	62
Тарасов Евгений Александрович, ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ С АППАРАТНО-ПРОГРАММНОГО КОМПЛЕКСА АВТОМОБИЛЯ ПРИ МОДЕЛИРОВАНИИ РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ С НАЕЗДОМ НА ПЕШЕХОДОВ	
Evgenii A. Tarasov, THE POSSIBILITY OF USING OBJECTIVE INFORMATION FROM THE CAR'S HARDWARE AND SOFTWARE COMPLEX IN MODELING THE DEVELOPMENT OF THE MECHANISM OF AN ACCIDENT WITH A HIT-AND-RUN ON PEDESTRIANS	69
Фадеев Илья Александрович, ОРГАНЫ ДОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ МВД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
Ilya A. Fadeev, INQUIRY BODIES IN THE SYSTEM OF THE MIA OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	73
Шевелева Ксения Владимировна, О НОРМАТИВНО-ПРАВОВОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ПОНЯТИЙ «НАЦИЗМ» И «ФАШИЗМ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	
Kseniya V. Sheveleva, ON THE NORMATIVE-LEGAL CONSOLIDATION OF THE CONCEPTS OF "NAZISM" AND "FASCISM" IN THE DOMESTIC LEGISLATION.....	78

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Авцинова Анна Александровна, Дробот Елена Валерьевна, Колесников Виктор Викторович, Макаров Иван Николаевич, Назаренко Владислав Сергеевич, РОЛЬ ТЕХНОСТРУКТУР И СЕТЕВЫХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ДИВЕРГЕНЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СИСТЕМ	
Anna A. Avtsinova, Elena V. Drobot, Viktor V. Kolesnikov, Ivan N. Makarov, Vladislav S. Nazarenko, THE ROLE OF TECHNOSTRUCTURES AND NETWORK FORMS OF ORGANIZATION IN THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE WORLD ECONOMY: DIVERGENCES OF MANAGEMENT SYSTEMS	85
Алиева Светлана Викторовна, Жамборов Анзор Анатольевич, РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОДЕЛИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	
Svetlana V. Aliyeva, Anzor A. Zhamborov, IMPLEMENTATION OF A SOCIALLY-ORIENTED LAW ENFORCEMENT MODEL IN MODERN RUSSIA.....	90
Гостев Александр Николаевич, Демченко Татьяна Сергеевна, Орлов Александр Александрович, СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УСЛОВИЙ ТРУДА СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ: СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
Alexander N. Gostev, Tatyana S. Demchenko ; Alexander A. Orlov, IMPROVING THE WORKING CONDITIONS OF POLICE OFFICERS: SOCIAL AND MANAGERIAL ASPECT	95
Делия Виктор Павлович, Кульгачев Иван Петрович, Романова Марианна Михайловна, ФАКТОР «COVID-19» И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ТУРИСТСКУЮ ИНДУСТРИЮ РОССИИ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	
Viktor P. Delia, Ivan P. Kulgachev, Marianna M. Romanova, THE COVID-19 FACTOR AND ITS IMPACT ON THE RUSSIAN TOURISM INDUSTRY: STATISTICAL ANALYSIS	105

Лебедев Никита Андреевич, НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРИОРИТЕТОВ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ МАШИНОСТРОЕНИЯ	
Nikita A. Lebedev, ORIENTATION OF PRIORITIES OF INNOVATIVE MODERNIZATION OF RUSSIAN MACHINE-BUILDING ENTERPRISES	111
Лисова Екатерина Валерьевна, КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	
Ekaterina V. Lisova, COMPARATIVE ANALYSIS OF THE STANDARD OF LIVING OF THE POPULATION OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT	116
Медик Ирина Николаевна, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
Irina N. Medik, ECONOMIC SECURITY OF THE COUNTRY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION.....	120
Салихов Борис Варисович, ДОСТОЙНАЯ ЖИЗНЬ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ФУНКЦИЯ ПРОГРЕССИВНОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (ЧАСТЬ III)	
Boris V. Salikhov, DECENT LIFE AS AN INTEGRAL TARGET FUNCTION OF PROGRESSIVE SUSTAINABLE DEVELOPMENT (PART III)	126
Трофимова Наталья Николаевна, УСТОЙЧИВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ	
Natalia N. Trofimova, SUSTAINABLE TRANSFORMATION OF RUSSIAN ENTERPRISES IN THE CONTEXT OF THE TRANSITION OF INDUSTRY TO A GREEN ECONOMY	134

Трибуна молодого ученого

Туманян Гарник Вагинакович, ВАЖНОСТЬ «ОТКРЫТОГО ГОСУДАРСТВА» ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПАРТИСИПАТИВНЫХ ИНСТИТУТОВ И СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО (ГОСУДАРСТВЕННОГО) УПРАВЛЕНИЯ	
Garnik V. Tumanyan, THE IMPORTANCE OF THE "OPEN STATE" FOR THE DEVELOPMENT OF PARTICIPATIVE INSTITUTIONS AND MODERN PUBLIC (GOVERNMENT) GOVERNANCE.....	139

Акатов Александр Александрович,

студент 1 курса Юридического института, Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, город Владимир,
aka-alex1209@mail.ru

Филимонова Анастасия Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Теории и истории государства и права,
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, город Владимир,
filimonova_ai508@mail.ru

ЧУВСТВА КАК КОЛЛИЗИОННЫЙ ФАКТОР ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Предметом настоящей работы выступают чувства, прямо или косвенно упоминаемые в правовых нормах, приводящие впоследствии к появлению явных деструктивных противоречий в системе права, именуемыми коллизиями. В данной статье через анализ действующего законодательства авторами доказана детерминирующая сущность чувств для коллизий, и делается вывод, что право может нести в себе субъективный окрас, ввиду наличия человеческого фактора при его создании, поскольку оно представляется обусловленным феноменом правовых чувств, так или иначе соответствующих культуре конкретного общества на определённом этапе её развития. Также в данной работе авторами в результате анализа законодательства доказано наличие коллизионности между первой частью статьи 148 УК РФ об оскорблении чувств верующих с некоторыми статьями Конституции РФ и КоАП. Предложены методы по устранению выявленной проблемы или же сглаживанию нежелательных последствий, возникающих при правоприменении данной коллизионной нормы УК РФ.

Ключевые слова: коллизии, чувства, право, норма, классификация, конституция, УК, КоАП

Alexander A. Akatov,

1st year student of the Law Institute, Vladimir State University A.G. and N.G. Stoletovs, Vladimir,
aka-alex1209@mail.ru

Anastasia I. Filimonova,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law,
Vladimir State University A.G. and N.G. Stoletovs, Vladimir,
filimonova_ai508@mail.ru

FEELINGS AS A COLLISIONAL FACTOR OF LEGAL REGULATION

Abstract. The subject of this work is feelings that are directly or indirectly mentioned in legal norms, which subsequently lead to the appearance of obvious destructive contradictions in the legal system, called conflicts. In this article, through the analysis of the current legislation, the authors prove the determinative nature of feelings for conflicts, and conclude that the law can carry a subjective color, due to the presence of the human factor in its creation, since it is considered to be due to the phenomenon of legal feelings that somehow correspond to the culture of a particular society at a certain stage of its development. Also in this work, the authors, as a result of the analysis of the legislation, proved the existence of a conflict between the first part of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation on insulting the feelings of believers with some articles of the Constitution of the Russian Federation and the Administrative Code. Methods are proposed to eliminate the identified problem or to smooth out undesirable consequences arising from the enforcement of this conflict of laws rule of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: collisions, feelings, law, norm, classification, constitution, Criminal Code, Administrative Code

Основная часть. Чувства в праве существуют априори ввиду того, что каждый субъект общественных отношений предстаёт перед нами именно человеком, который способен испытывать эмоции и различного рода чувства, иметь мнения касательно различных ситуаций в обществе и позиций по наиболее (и не только) насущным вопросам. В рамках настоящей темы нас будут интересовать именно чувства в правовом регулировании, которые априори приводят к появлению коллизий нормы права. О чувствах в праве писал Смоленцев А.В., определяя их как «правовые чувства», то есть –самоорганизующуюся систему установок правового (обязательно-притязательного) характера, основанную на общепризнанном идеале добра и справедливости [9]. Таким образом правовое чувство для конкретной страны, учитывая её культурную специфику, составляет субъективную сторону права, что впоследствии выявляется в несовершенстве правовых конструкций и появлении коллизий.

Конечно, данная проблема лучшим образом будет поставлена, если мы отойдём от позитивистского определения права и примем дефиницию, даваемую философом права Е.Н. Трубецким в его энциклопедии права: «Право есть совокупность норм с одной стороны предоставляющих, а с другой стороны ограничивающих внешнюю свободу лиц в их взаимных отношениях» [10]. Эта дефиниция позволяет нам понять, что право по своей сути должно регулировать исключительно действия, которые естественным образом являются результатом выражения именно внешней свободы человека. Чувства и их ощущение представляются именно частью внутренней свободы, потому в том числе они не могут и не должны регулироваться правом.

Установив дефиницию, нам видится необходимым разъяснить суть проблемы коллизий, а также установить их виды и формы, причины их появления.

Коллизии в праве предстают перед нами одной из самых главных и частовстречающихся проблем в юридической технике. Сами коллизии возникают в процессе правотворчества и правоприменения, затрагивая тем самым всю юридическую систему, нанося ей при этом большой вред. Так, по мнению Матузова Н.И, правовые коллизии являются следствием различного рода противоречий в современном российском обществе, в число которых входят столкновения в экономической, социальной и прочих сферах общественной жизни [6]. Тут можно также отметить и позицию Т.А. Щелокаевой, являющейся заместителем председателя второго судьи апелляционного арбитражного суда о том, что коллизия затрагивает три области права: правопонимание, объективное право (коллизия нормы права), правовая практика [11]. Из этого мы можем вывести следующее определение правовой коллизии, под которой стоит понимать

столкновение противоположных концепций о праве, норм права или государственно-правовых актов индивидуального характера, - и возникновение вместе с ним деструктивного противоречия, нарушающего саму логику права и мешающего процессу правоприменения абсолютно во всех сферах общественной жизни, которые попадают под предмет регулирования правовой коллизии.

Коллизии норм права делятся на определённые виды: иерархические (связаны с иерархией нормативно-правовых актов (далее – НПА)) и их юридической силой), темпоральные (связаны со временем принятия нового НПА с одновременным действием старого), пространственные (регулирование одних и тех же общественных отношений производится различными нормами права на различных территориях). Причины появления коллизий можно разделить на два типа: объективные и субъективные. Первый зависит, как следует из названия, от факторов, не зависящих от воли законодателя, ярким примером могут послужить темпоральные коллизии. Второй тип зависит процесса правотворчества с ошибками, допущенными при его проведении законодателем, например: использование пространственных терминов в тексте НПА, именно коллизии принятые по субъективным причинам являются последствием невозможности полной объективации права из-за наличия феномена правовых чувств в нашем обществе.

Теперь в качестве примера особенно опасных коллизий, связанных с чувствами, в современном российском праве будет представлена коллизия части первой статьи 148 УК РФ [3] об оскорблении чувств верующих с некоторыми статьями Конституции РФ: ст. 13 частью 1, ст. 29 частью 1 [2], мы докажем наличие противоречия и отнесём его к конкретному виду коллизий нормы права, а затем предложим пути решения данной проблемы.

Данная коллизия нормы права опасна тем, что использует термин «чувства», который не фигурирует в юридических словарях, находящихся в открытом доступе. Тут мы уже не можем применять термин «правовые чувства», ввиду того, что данная норма опирается на представления не всего российского общества и его культурного поля как такового, а строго определённой группы населения, состоящей из определённых частных лиц, связанных лишь своим отношением к религии и не более. Потому, для определения термина «чувства», мы обратимся к одному из крупнейших и одному из самых авторитетных словарей, содержащему около ста тысяч слов, который написал С.И. Ожегов. Чувство, по данному в словаре определению, является способностью ощущать, испытывать, воспринимать внешние воздействия, а также само ощущение [7]. Психологи, например А.Н. Леонтьев, выделяют чувства в отдельный эмоциональ-

ный процесс [5]. Сами по себе чувства и способность чувствовать уникальны для каждого человека, тут мы уже можем говорить о том, что они отражают именно субъективные оценки абстрактных или конкретных явлений. К абстрактным явлениям относятся и то что относится к метафизике, куда, исходя из логики, и стоит относить бога или богов. Следовательно чувства субъективны и уникальны для каждого человека, потому норма права, которая их затрагивает вступает в коллизии с вышеприведёнными статьями Конституции РФ. Так, часть первая статьи 148 УК РФ нарушает принцип идеологического многообразия, установленный в первой части статьи 13 Конституции РФ, поскольку наказание за оскорбление субъективных чувств определённой группы людей несоизмеримо выше (что следует из того, что эта норма регулируется УК РФ): штраф до трёх тысяч рублей, штраф в виде изъятия двухгодичного заработка либо же лишение свободы вплоть до года, когда за простое оскорбление, которое также является противозаконным и относится уже к административным правонарушениям с санкцией в виде штрафа от трёх до ста тысяч рублей. Далее мы рассмотрим коллизии с первой частью 29 статьи Конституции. Свобода слова относится к личным конституционным правам и свободам человека и гражданина провозглашаемым в РФ, сама она предполагает, опираясь на Конституцию РФ, что человек может свободно изъяслять свою позицию и мнения по самым разным вопросам общественной жизни, но при этом не затрагивая честь и достоинство других граждан, не призывая к расовой, социальной, религиозной и национальной ненависти и вражде, не пропагандируя превосходство отдельных социальных групп над другими. Тут мы можем заметить конкретность и чёткие рамки свободы слова в нашей стране. Однако как же входят в эти рамки чувства? Так мы можем наблюдать, что оскорбление, под которым как раз и понимается уязвление чести и достоинства человека, уже отрицается рамками свободы слова в РФ, однако существует статья 5.61 Кодекса РФ об административных правонарушениях [1], уже регулирующая этот вопрос. Какая же статья может должна быть применена в случае оскорбления верующего, если оскорбление уже предполагает затрагивание определённых чувств? Тут мы также можем видеть пример коллизии данной нормы права, не только с Конституцией РФ, но и с кодексом об административных правонарушениях.

Вернёмся к свободе слова и чувствам. Чувства, как частных лиц так и правовые, являясь субъективной характеристикой, не позволяют объективно их оценить. Так мы понимаем, что чувства одного верующего могут быть оскорблены самым простым образом, даже когда «оскорбляющий» не желал этого, а могут быть вовсе не оскорблены, даже при намерен-

ной попытке оскорбления их чувств. Следовательно свобода слова становится опасной для гражданина и труднореализуемой на практике ввиду того, что какая-то группа людей может быть оскорблена простой шуткой или же тем, что кто-то не разделяет их веру. Тут мы и видим яркое противоречие статьи 148 УК РФ с частью первой статьи 29 Конституции РФ.

Установив коллизионность данной нормы авторы видят необходимым отнести её к конкретному виду коллизий нормы права, а в дальнейшем установить наиболее эффективный метод решения данной проблемы.

Итак, как описывалось выше, коллизии по причинам своего появления делятся на объективные и субъективные. Авторы, опираясь на приведённую классификацию причин, считают, что необходимо относить данную коллизию нормы права именно к субъективному типу причинности. Это следует сделать из-за того, что использование термина «чувство» является ошибкой законодателя. Такие коллизии А.Р. Лаврентьев также называет аномальными [4], которые также в свою очередь делятся на явные (сознательное допущение ошибки, которые предполагается преодолеть в процессе дальнейшего совершенствования законодательства) и скрытые (тщательно подготовленная норма, которая в силу правотворческих ошибок, ошибок в юридической технике и юридической терминологии вступает в противоречие с другими нормами права). Данная классификация субъективных коллизий нормы права авторам настоящей работы видится весьма разумной и наиболее подходящей. Таким образом мы можем относить рассматриваемую коллизию именно к субъективным коллизиям скрытого аномального характера. Далее мы видим уже явную иерархичность рассматриваемой авторами коллизии, поскольку в противоречие вступают норма УК РФ и Конституции РФ, которая обладает высшей юридической силой в нашем государстве.

Следом мы рассмотрим методы решения данной проблемы и сглаживания последствий правоприменения, пока данная проблема не будет решена. Для начала следует выявить основные способы борьбы с коллизиями и сглаживания ущерба, который они наносят. Так А.А. Петров в своей научной статье, посвящённой стратегиям преодоления коллизий в праве, указывает на следующие методы/стратегии [8]:

- уклонение от принятия решения (указ правоприменителя на коллизионность норм права и перенаправление судебного или иного дела в высшие инстанции для решения проблемы);
- примирение коллизирующих правил (маскировка коллизии и её отрицание с целью поддержания мифа о идеальности рукотворного позитивного права);

• применение одной коллизирующей нормы и игнорирование других.

Данные методы подходят в большей степени для сглаживания последствий применения той или иной коллизийной нормы, однако в рассматриваемой нами ситуации наиболее разумным авторам настоящей работы видится применение третьего способа либо первого, поскольку ввиду общественной опасности коллизии части первой статьи 148 УК РФ с Конституцией РФ мы не можем полагаться на простое скрывание и поддержание мифа о идеальности современного позитивного права, которое априори не идеально, ввиду того что произведено руками человека, принадлежащего к определённой культуре, которой свойственны определённые правовые чувства. Первый способ подходит для единичных применений в самом начале борьбы с настоящей коллизией, второй же способ необходимо будет использовать до того момента пока коллизия не будет устранена вовсе. Как мы уже могли понять, под устранением коллизии понимается именно отмена первой части статьи 148 УК РФ. Это необходимо сделать, во-первых, из-за того, что оскорбление как правонарушение уже зафиксировано в законодательстве нашей страны, потому нет необходимости даже сохранять данную норму УК путём перевода её в кодекс об административных правонарушениях, - а во вторых из-за нерелевантности Конституции РФ данной нормы права, что было доказано во время разбора коллизийности настоящей нормы. Таким образом авторы полагают необходимым применение двух из трёх способов предложенных А.А.

Петровым для сглаживания последствий применения данной нормы вплоть до окончательной её отмены.

Подводя итоги представляется необходимым сказать, что коллизии норм права, как норм обуславливающих и ограничивающих внешнюю свободу, являются достаточно серьёзной проблемой в общественной жизни. Они олицетворяют всё несовершенство правовых конструкций, они провоцируют развитие правового нигилизма в обществе, а за правовым следует и политический, что уже впоследствии приводит к краху любую попытку построить наиболее справедливое и благоденствующее общество, поскольку если население в этом не заинтересовано, то это не представляется возможным, априори. Чувства же людей не могут регулироваться нормами права, поскольку те индивидуальны, а право при всей своей наличествующей субъективности из-за правовых чувств российского общества должно стремиться к максимально возможной объективности для достижения максимально возможной справедливости. *Dura lex sed lex*, но необходимо вмешиваться в эту суровость и быть более суровым по отношению к таким правовым проблемам как коллизии нормы права и устранять их постфактум, либо же ещё в процессе правотворчества при проверке нормы перед её вступлением в силу, что требует значительного профессионализма от законодателя. Приведённые в работе анализ и методы разрешения противоречия в своей перспективе могут стать универсальными способами для преодоления коллизий норм права и дальнейшего совершенствования законодательства Российской Федерации.

Список литературы

1. Кодекс об административных правонарушениях «Кодекс об административных правонарушениях» от 30.12.2001 №195 // Российская газета. 31.12.2001 № 256.
2. Конституция Российской Федерации «Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)» от 12.12.1993 // Российская газета. 04.07.2020 № 144.
3. Уголовный Кодекс Российской Федерации «Уголовный Кодекс Российской Федерации» от 13.06.2006 № 63 // Российская газета. 25.06.1996 № 118.
4. Лаврентьев А.Р. Коллизии норм права: понятие и основание классификации // Юридическая техника. 2017. №11. С. 196-198.
5. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции.. М.: Издательство Московского университета, 1971. 8 с.
6. Матузов Н.И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения // Правоведение. С.Пб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2000, № 5. – С. 225.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
8. Петров А.А. Стратегии преодоления коллизий в праве: понятие, виды, эффективность. // Юридическая техника. 2017. №11. С. 262-264.
9. Смоленцев А.В. Правовое чувство : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 : Н. Новгород, 1999 188 с.
10. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. М.: Русский труд, 1907. 224 с.
11. Щелокаева Т.А. Коллизийные нормы: теория и опыт построения в конституционных актах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2003. №1. С. 109-114.

References

1. The Code of Administrative Offenses "Code of Administrative Offenses" dated 12.30.2001 №195 // Rossiyskaya Gazeta. 31.12.2001, № 256.
2. The Constitution of the Russian Federation "The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020)" dated 12.12.1993 Rossiyskaya Gazeta. 04.07.2020 № 144.
3. The Criminal Code of the Russian Federation «Criminal Code of the Russian Federation» dated June 13, 2006 № 63 // Russian newspaper. June 25, 1996, № 118.
4. *Lavrentyev A.R.* Collisions of norms of law: concept and basis of classification // Legal technique. 2017. № 11. S. 196-198.
5. *Leontiev A.N.* Needs, motives, emotions .. M.: Publishing house of Moscow University, 1971. 8 p.
6. *Matuzov N.I.* Collisions in law: reasons, types and methods permissions // Jurisprudence. S.Pb.: Publishing house of St. Petersburg. Un-ta, 2000, № 5. - P. 225.
7. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Explanatory dictionary of the Russian language / Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian language named after V.V. Vinogradov. 4th ed., Add. M.: Azbukovnik, 1997. 944 p.
8. *Petrov A.A.* Strategies for overcoming conflicts in law: concept, types, efficiency. // Legal technique. 2017. № 11. S. 262-264.
9. *Smolentsev A.V.* Legal sense: Dis. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.01: N. Novgorod, 1999 188 p.
10. *Trubetskoy E.N.* Encyclopedia of Law. Moscow: Russian labor, 1907. 224 p.
11. *Shchelokayeva T.A.* Conflict norms: theory and experience of construction in constitutional acts // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2003. № 1. S. 109-114.

Бажанов Станислав Васильевич,

доктор юридических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств,
полковник юстиции в отставке, город Москва,
svb-1956@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) И ДРУГИХ УЧАСТНИКОВ СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы, касающиеся изучения типологических психологических черт (свойств, качеств) личности различных участников уголовного процесса, и, прежде всего, подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего. Автор акцентирует внимание на том, что при всей важности данной проблемы переоценивать её в прикладной плоскости не стоит. Иное к ней отношение в состоянии привести к неоправданному расширению предмета криминалистики, а, в конечном итоге, – к загромождению методологического (общетеоретического) раздела названной науки.

Ключевые слова: личность, психология, качества, свойства, участник уголовного процесса, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, криминалистика, опрос (беседа), допрос, наблюдение

Stanislav V. Bazhanov,

doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Academician Peter's Academy of Arts and Sciences,
retired colonel of justice, Moscow,
svb-1956@mail.ru

STUDYING THE IDENTITY OF THE SUSPECT (ACCUSED) AND OTHER PARTICIPANTS IN THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE

Abstract. this article discusses issues related to the study of typological psychological traits (properties, qualities) of the personality of various participants in the criminal process, and, above all, the suspect, the accused and the victim. The author focuses on the fact that for all the importance of this problem, it should not be overestimated in the applied plane. A different attitude towards it can lead to an unjustified expansion of the subject of forensic science, and, ultimately, to clutter up the methodological (general theoretical) section of the named science.

Keywords: personality, psychology, qualities, properties, a participant in a criminal process, a suspect, an accused, a victim, forensic science, interrogation (conversation), interrogation, observation

На необходимость изучения личности подозреваемого (обвиняемого) неоднократно обращалось внимание в учебниках криминалистики самых разных лет издания [9]. В тоже время правовое положение названных участников уголовного процесса в юридической литературе интерпретируется неоднозначно в обход прямых указаний уголовно-процессуального законодательства на сей предмет.

Так, в ряде случаев под подозреваемым предлагается считать лицо, «в отношении которого имеются основания полагать о его причастности к совершению преступления» или «в отношении которого избрана мера пресечения» [10].

Автор настоящей статьи в своих научных трудах уже не единожды подчеркивал, что при упоминании строго определенных участников уголовного

процесса в теории криминалистики руководствоваться следует «сухими» формулировками закона; в обсуждаемом контексте – установлениями пунктов 1-4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ. В этом смысле о подозреваемом правильнее говорить в тех случаях, когда в отношении соответствующего лица до предъявления обвинения избрана *любая*¹ (а не только заключение под стражу) мера пресечения; комментируемое упущение просматривается в ч. 1 ст. 100 УПК РФ, гласящей, что:

«В исключительных случаях при наличии оснований, предусмотренных статьёй 97 настоящего Кодекса, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 настоящего Кодекса, мера пресечения может быть избрана в отношении *подозреваемого*. При этом об-

¹ Здесь и далее курсив автора.

винение должно быть предъявлено подозреваемому не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения, а если *подозреваемый* был задержан, а *затем заключен под стражу* – в тот же срок с момента задержания. Если в этот срок обвинение не будет предъявлено, то мера пресечения немедленно отменяется, за исключением случаев, предусмотренных частью второй настоящей статьи».

Приведенные нормативно-правовые послы некорректны, поскольку мера пресечения может избираться в отношении лица, совершившего преступление, и без его уголовно-процессуального задержания. Сюда же относимы ситуации, когда ФИО предполагаемого преступника не указана в резолютивной части постановления о возбуждении уголовного дела.

Что касается формулировки «а затем заключен под стражу», то она субъекту, применяющему право, намекает на то, что до предъявления обвинения в отношении названного участника стадии предварительного расследования может избираться мера пресечения только в виде заключения под стражу, что не соответствует букве и духу УПК РФ в этой части.

Не лучшие инсинуации наблюдаются и в отношении юридического статуса обвиняемого, которым, как предлагается понимать, является субъект, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, что верно, а также в отношении которого *«избрана мера пресечения, но нет окончательной уверенности в том, что именно он совершил преступление и нет юридического факта – вступившего в законную силу приговора суда»*².

При возникновении указанных разночтений необходимо руководствоваться положениями пунктов 1-3 ч. 1 ст. 47 УПК РФ, не допускающими фразивных толкований на означенную тему.

Сведения, характеризующие личность подозреваемого (обвиняемого), потребны для документального удостоверения так называемого главного факта и избрания в отношении него «достойной» меры пресечения. Рекомендуются также собирать исчерпывающие сведения о фактах его биографии (личной жизни), бытовых привычках и профессиональных навыках. Обязательно выясняется наличие / отсутствие судимости, склонность к общему или специальному рецидиву, проверяются учетные записи в сигнальной картотеке горрайоргана внутренних дел (полиции), фиксируется технически и оформляется процессуально любая информация о материальных и идеальных следах преступления, демонстрирующих наличие преступного «почерка» и т.п.

Потребность в безотлагательном допросе подозреваемого предполагает обладание следователем достаточным объемом сведений ориентирующего и

доказательственного значения о его (подозреваемого) темпераменте, эмоциональном состоянии, чертах характера, склонности к психологическим контактам или конфликтам в беседах с незнакомыми людьми. Субъекту доказывания следует тщательнее наблюдать за его реакциями на предъявляемые доказательства, делая акцент на преимуществах чистосердечного раскаяния и недопустимости ухода в «глухую оборону». При этом важно перепроверять его анкетные данные с тем, чтобы точно выяснять, с кем он живет, как его близкие отнеслись к задержанию, уведомлены ли они об этом и т.д.

Времени на изучение личности подозреваемого обычно не хватает и следователю приходится надеяться только на свой профессионализм. Криминалистической практике, к сожалению, известны случаи, когда подозреваемый, а затем и обвиняемый проходил по уголовному делу под чужой (вымышленной) фамилией вплоть до вступления обвинительного приговора суда в законную силу.

Нельзя забывать о необходимости разъяснения подозреваемому положений ст. 49 и 51 Конституции Российской Федерации, включая его право на защиту, уделяя должное внимание предпочтительности сотрудничества со следствием.

Достижение цели допроса подозреваемого, заключающейся в получении от него правдивых показаний (признания вины), обуславливается рядом факторов тактико-психологического толка, при условии, конечно, если на первоначальном этапе расследования удалось расположить его к себе.

Вопрос о предмете и пределах изучения личности подозреваемого, а впоследствии и обвиняемого, остаётся дискуссионным вплоть до настоящего времени. Утверждается, в частности, что правдоподобные сведения в этой части изучения подозреваемого оказываются полезными для решения конкретных уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и криминалистических задач. Важным является отношение самого подозреваемого (обвиняемого) к содеянному, а равно намеченное и реализуемое им в стадии предварительного расследования поведение.

Максимально приемлемая совокупность данных о личности подозреваемого или обвиняемого позволяет дифференцировать их на шесть взаимосвязанных групп.

Биографические данные (фамилия, имя, отчество; число, месяц, год и место рождения; национальность; гражданство; образование; специальность; стаж работы; семейное положение и состав семьи; место регистрации и фактического проживания; наличие/отсутствие судимости и др.

Материальное положение: доход семьи и её жилищно-бытовые условия; наличие малолетних или

² Там же.

взрослых (нетрудоспособных) иждивенцев, хронология личной жизни и воспитания и т.д.

Состояние здоровья и психологические особенности: общее состояние здоровья; физические или психические недостатки; наличие стойких хронических заболеваний, травм (ушибов) головы, группы инвалидности; сведения о характере, темпераменте, волевых и эмоциональных качествах и т.д.

В следственно-судебной практике безызвестны случаи, когда подозреваемый (обвиняемый) в стадии предварительного расследования вел себя адекватно, а в ходе судебного разбирательства начал неожиданно «косить», ссылаясь на тяжелые физические травмы, полученные в детстве (юности).

Общественно-производственная характеристика: трудовой стаж; где работал, учился; отношение к труду (учебе), взаимоотношения с товарищами по работе (учебе); участие в общественной жизни коллектива; наличие поощрений (наград) или дисциплинарных взысканий и т.д.

Общественно-политическая характеристика: является ли членом политической партии или молодежной организации; участвовал ли в работе каких-либо общественных союзов, в избирательных компаниях, в вооруженных конфликтах; какие награды и почетные звания имеет.

Общественно-бытовая характеристика: отношения в семье; образ жизни, круг интересов и знакомств; склонен ли к употреблению алкоголя или наркотиков (состоит ли на учете в профильных диспансерах), поддерживает ли связь с соседями и т.п.

Оценивается также осознание подозреваемым (обвиняемым) своей вины и меры ответственности за содеянное, его поведение в ходе предварительного следствия, ценностные ориентиры, мотивы и цель преступления, состояние опьянения в момент его совершения, наличие явки с повинной, деятельного раскаяния либо упрямого заперательства во время производства следственных действий.

Приведенная градация может быть положена в основу методики изучения личности подозреваемого и обвиняемого. Она позволяет последовательно форматировать данные, характеризующие его личность в различных сферах человеческой деятельности, что способствует выработке цельного представления о ней. К тому же поименованная методика детерминирует пределы изучения личности подозреваемого (обвиняемого) с учетом того, из каких источников и каким образом получена информация о нём, в каких оперативно-служебных и процессуальных документах она закреплена, кем и как оценивалась и будет оцениваться. Систематизированная надлежащим образом она используется в планировании первоначального этапа предварительного следствия при производстве неотложных следственных действий,

при выполнении различного рода тактических операций и их комплексов.

Использование возможностей оперативно-розыскных органов при изучении личности подозреваемого и обвиняемого обуславливается потребностью в выявлении его тайных (скрытых) и криминальных связей, а также отношений с соучастниками («подельниками»), уяснения его положения и роли в организованной преступной группе, если таковая имела место быть.

Более глубокое, не формальное изучение личности подозреваемого (обвиняемого) приветствуется в тех случаях, когда преступление совершено организованной преступной группой, тогда как другие её члены остались неизвестными. Определенную помощь следователю в данном вопросе могут оказывать копии приговоров судов за прошлые преступления подозреваемого (обвиняемого), в которых нередко обнаруживаются его старые связи: с кем «работал» или жаргонное «бомбил»; с тем же контингентом он, как правило, и «отдыхает».

Личность потенциального подозреваемого (обвиняемого) может быть объектом криминалистического моделирования при отсутствии достоверных исходных сведений о нём, а равно при их недостаточности. В следственной практике зафиксированы факты задержания «обезличенных» преступников, отказывавшихся называть своё полное имя. В подобных ситуациях на основании первичной, а затем и обновляемой информации о способе преступления, механизме образования следов порой удавалось создавать комплексный типологический (психологический) портрет предполагаемого преступника, а, в конечном итоге, выяснить его точные «установочные данные». Он (данный портрет) представляет собой (незавершенную) систему уголовно-релевантной информации о персональных качествах личности неустановленного преступника; посредством него появляется возможность определить приоритетные направления поиска лица, совершившего преступление, осуществить криминалистическое прогнозирование его дальнейшего поведения [11].

Некоторые авторы со ссылкой на авторитетных ученых, а также самостоятельно в своих публикациях пишут о необходимости выяснения полных данных о личности преступника [1], о необходимости использования биометрии человека в установлении личности виновного [8], о типичной личности субъекта вандализма как элементе криминалистической характеристики преступления [12] и т.д. Не противопоставляя понятий «личность подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего» со схожими дефинициями «личность преступника и пострадавшего» отметим лишь, что в анализируемом контексте считать их взаимозаменяемыми неправомерно. В подобных ситуациях важно чётко разграничивать методику иссле-

дования криминологических, уголовно-правовых и криминалистических аспектов личности «объективного преступника», являющегося таковым вне зависимости от воли и осознания субъекта доказывания, и процесс изучения личности известного участника уголовного процесса, то есть уже вовлеченного в него в подобающем качестве.

Овладение одним или набором отличительных свойств неустановленного преступника (лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого) позволяет следователю конструировать некое целое по его составным частям. Отталкиваться при этом приходится от антропометрических, физиогномических, функциональных, в том числе речевых, и прочих особенностей искомого объекта, становящимся известным следователю из описаний (со слов) свидетелей-очевидцев. Однако подобная поисково-познавательная деятельность представляет собой не что иное, как раскрытие преступления, в его первоизданном виде³ и расширительному толкованию не подлежит.

В последние годы ведутся активные разработки по использованию в психолого-криминалистическом изучении личности подозреваемого и обвиняемого магнитно-резонансной томографии (далее - МРТ), которая, как утверждается, в состоянии заменить устаревшее полиграфическое тестирование. Эта технология позволяет регистрировать биотоки головного мозга человека, воспроизводимые в режиме on-line на мониторе компьютера [7]. Думается, что за указанными технологиями большое будущее.

К числу участников уголовного процесса, личность которых изучается в целях эффективного разрешения криминалистических задач, относятся также потерпевший⁴, свидетель, адвокат, понятой, эксперт, специалист, переводчик, статист и некоторые другие. Необходимость изучения их личностей определяется процессуальным статусом каждого из них, а также той ролью, которую они играют в процессе доказывания.

Тем не менее не стоит преувеличивать значение подобной «исследовательской деятельности» в каждодневной работе субъекта доказывания. Общаться с ними по обыкновению ему приходится, исходя из спонтанных (первичных) впечатлений, получаемых, скажем так, по факту.

Криминалистическое изучение личности потерпевшего, например, если таковой имеется в уголовном процессе, предопределяется его непредна-

меренным созерцанием обстановки совершенного в отношении него преступления. Его показания способствуют установлению истины по уголовному делу, выяснению отношений (симпатий или антипатий) с преступником и другими «фигурантами», присутствовавшими на месте происшествия. Решению этой задачи подчинено установление его возраста, пола, физических и психологических свойств, а также уровня интеллектуального развития, образа жизни, круга знакомств, особенностей поведения в различных жизненных ситуациях; иногда небесполезно проверить его на судимость.

В криминалистическом учении о пострадавшем (виктимологии) не без оснований утверждается, что отдельные свойства его личности, проявляющиеся в различных поведенческих актах, иногда играют провоцирующую роль по отношению к преступнику. Пострадавший, обладающий описываемыми манерами, потенциально предрасполагается к нежелательным для него последствиям криминального свойства. Выявление причин, их порождающих, приобретает принципиальное значение не только для квалификации преступления, но и для установления способа (механизма) его совершения, а, следовательно, для доказывания вины подозреваемого (обвиняемого).

Стало быть, время, место, способ преступления, а также сокрытия его следов, поведение лица, его совершившего, в том числе в стадии предварительного расследования (пост-криминальное поведение), нередко зависят от его взаимоотношений с пострадавшим, (пред-) криминального поведения последнего. Вследствие сказанного при изучении личности потерпевшего ограничиваться формальными записями в анкетной части протокола его допроса недопустимо. Его личность заслуживает самого глубокого исследования в целях оптимального выбора максимально подходящих тактических приемов и средств получения достоверной информации.

Криминалистическое изучение личности свидетеля ориентируется на установление психологического контакта с ним для осуществления полноценного допроса, выяснения уровня его способностей (зрительно) воспринимать, запоминать и (вербально) воспроизводить ранее увиденное. Именно поэтому, помимо формальных анкетных данных в означенных случаях рекомендуется подробнее выяснять и оценивать состояние его органов чувств, уровень развития речи и мыслительных способностей, кругозор и жизненный опыт. Полезно интересоваться возрастом, приобретенными (нажитыми) хроническими заболеваниями и пр.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации и сопутствующие ему криминалистические разработки жестко не ограничивают возрастную категорию лиц, могущих быть свидетеля-

³ В оперативно-розыском смысле слова. – **прим. авт.**

⁴ В юридической литературе наряду с уголовно-процессуальным термином «потерпевший» и уголовно-правовым – «пострадавший» можно встретить и их суррогат – «жертва». Данное понятие, не чуждое русскому языку в общеупотребительном смысле слова, с юридической точки зрения является неудачной компиляцией из лексикона юристов-международников. – **прим. авт.**

ми по уголовному делу. Следственная практика знает случаи, когда в качестве таковых выступали трехлетние дети. Вместе с тем, особенности их, а также престарелых граждан психического развития, не исключают, а скорее, наоборот, предопределяют склонность таких «наблюдателей» к излишнему фантазированию, необъективному восприятию и неверному воспроизводству наблюдавшихся в прошлом фактов.

В этом смысле целесообразно непременно выяснять отношение свидетеля к подозреваемому (обвиняемому), а также к потерпевшему. Не лишним становится уяснение его опыта участия в следственных действиях, производившихся по иным уголовным делам и в других следственных подразделениях.

До начала допроса свидетеля следователь, с опорой на имеющуюся в его распоряжении информацию, обычно старается спрогнозировать линию поведения допрашиваемого в ходе планируемого следственного действия. Он обязан просчитывать склонность свидетеля к даче правдивых или заведомо ложных показаний, к осознанию им своей роли – человека и законопослушного гражданина.

По ходу допроса свидетеля (попутно) ведется наблюдение, анализируются его реакции на задаваемые (постановляемые), контрольные и уточняющие вопросы. Для определения способности свидетеля адекватно воспринимать и воспроизводить некогда увиденное или услышанное может назначаться судебно-психологическая или судебно-психиатрическая экспертиза, проводимая, как известно, в составе комиссии.

Изучение личности свидетеля протекает в рамках обычной (устной) беседы до начала допроса и во время заполнения анкетной части протокола соответствующего следственного действия. При этом он, по общему правилу, предупреждается об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний (в случае совершеннолетия); отметка делается и о разъяснении ему права не давать под страхом уголовной ответственности избобличающих показаний против самого себя и близких родственников.

Иногда о так называемых главных свидетелях информация собирается сотрудниками оперативно-розыскных органов на основании специальных заданий (поручений) следователя и параллельно с его поисково-познавательной деятельностью. Предмет интереса здесь составляют лица, образующие узкий круг их (указанных свидетелей) общения.

Что касается адвоката, выступающего в уголовном процессе в качестве защитника или представителя, то краткосрочное ознакомление с его деловой репутацией для следователя имеет вполне объяснимое значение. Дело в том, что адвокат (защитник), если он привлекается к участию в производстве по уголовно-

му делу по волеизъявлению подозреваемого, обвиняемого или по назначению того же следователя, становится объектом пристального внимания со стороны последнего [2]. В любом случае этот вечный оппонент субъекта доказывания должен быть предсказуемым и управляемым. В следственной практике нередки случаи, когда в ходе предварительного следствия многоопытный адвокат-защитник, не «противодействуя» установлению объективной истины, чинно выполняет возложенные на него обязанности, а в судебном заседании неожиданно «вываливает» накопленные «обиды» и претензии на всеобщее обозрение. Подобная адвокатская тактика нередко приводит к тому, что в стадии судебного разбирательства уголовное дело «разваливается». Именно поэтому между расторопными следователями и проверенными адвокатами, придерживающимися партнерских отношений, подчас вырабатываются некие взаимные (товарищеские) договоренности. Адвокат старается вести себя прилично, а следователь при возникновении необходимости в его участии, по опыту знает, куда и кому звонить.

В юридической литературе порой встречаются намёки на то, что услугами адвокатов-представителей вправе пользоваться и свидетели. Комментировать подобные эмоциональные порывы (псевдо) новаторов особого смысла нет. В противном случае следователи вскорости вынуждены будут обеспечивать обязательное участие адвокатов и для всех иных участников уголовного процесса, типа статистов и понятых.

Изучение личности вспомогательных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений осуществляется с поправкой на их правовое положение. Подбирая их, следователь опять-таки обязан убеждаться в том, что привлекаемые им лица надлежащим образом выполняют свои обязанности, будучи не заинтересованными «в исходе уголовного дела». Так, например, если законный представитель присутствует при допросе несовершеннолетнего, желательно удостовериться в его образовании, профессионализме и непредвзятом отношении к допрашиваемому.

Аналогичные требования предъявляются к специалистам и к экспертам, осуществляющим консультирование или проводящим судебную экспертизу.

Серьёзного напряжения в работе следователей требует решение и такого незначительного, на первый взгляд, вопроса, как подбор понятых. Кстати, во многих странах мира и, в частности, Европы, участие упомянутых коммуникативных участников стадии предварительного расследования даже при производстве важнейших, в том числе конфликтных следственных действий (осмотр места происшествия, обыск) законом не предусмотрено. Да и в российской следственной практике данный институт обрел немало погрешностей, особенно при расследовании преступлений, совершаемых на территории дипломатических пред-

ставительств и консульских учреждений, на кораблях, находящихся в дальнем плавании, в условиях геолого-разведывательных партий и зимовок, в исправительных учреждениях Уголовно-исполнительной системы Минюста России и пр. Субъекты расследования соответствующих преступлений сплошь и рядом привлекают в качестве понятых административно зависимых от «первого лица» (начальника) вольнонаемных и даже аттестованных сотрудников (например, в исправительных учреждениях ФСИН России), хотя и тот и другой варианты не выдерживают никакой критики.

В органах внутренних дел распространенным является опыт пользования услугами постоянных («дежурных») понятых (уборщиц, секретарей, машинисток), которые, обладая «хорошей репутацией» в производстве следственных действий непосредственного участия, как правило, не принимают (например, при следственном осмотре орудия преступления). Они попросту, не глядя подписывают протокол называемого им следственного действия.

Иногда следователям, выезжающим в отдаленную («дикую») местность, предписывается брать «надежных» понятых с собой, дабы на месте происшествия не возникло непредвиденных (форс-мажорных) обстоятельств (прецедентов). История криминалистики богата примерами, когда игнорирование данного обстоятельства приводило к необратимым (печальным) последствиям, а именно – к невозможности утрате доказательств.

Нередкое порочное явление в следственных подразделениях – приглашение формальных понятых, которые находясь на месте происшествия «присутствуя отсутствуют», то есть создают лишь видимость строгого соблюдения законности.

Не спасает положения вещей и дискутировавшаяся одно время в юридической литературе идея о целесообразности использования при производстве следственных действий технико-криминалистических средств видеонаблюдения и фиксации. На взгляд автора настоящей статьи, никакими дополнительными гарантиями законности, поименованные пресловутые «премудрости» не обладают.

Некоторые ученые придерживаются мнения, согласно которому при расследовании пенитенциарных преступлений не возбраняется привлекать в качестве понятых членов наблюдательных комиссий и даже адвокатов, как потенциальных поборников прав и законных интересов «оступившихся граждан». Подобное видение также не без изъяна.

С учётом тактико-криминалистических рекомендаций, довлеющих в периодической печати, при выборе понятых следователи обязываются выяснять их способность к адекватному восприятию обстановки происходящего, стрессоустойчивость, возможность сохранения нейтралитета в плане не исключает

мого в последующем подтверждения правомерности действий представителей исполнительной власти. Поощряется, если субъект доказывания учитывает их возраст, пол, состояние здоровья, образование и профессию, а также уровень интеллектуального развития.

При предъявлении для опознания живых лиц, как известно, должно обеспечиваться присутствие не менее двух статистов, схожих по внешним признакам с обликом и одеждой предъявляемого. Указанное следственное действие в некоторых случаях пытаются проводить с использованием одностороннего зеркала при участии гораздо большего количества статистов. При изучении их личностей следователь ситуационно выбирает тех из них, которые по антропометрическим, внешним (рост, телосложение, цвет волос, глаз и т.п.) и прочим признакам максимально подходит для процессуального отождествления.

В тоже время идеального «совпадения» в плане предстоящего различения идентификационных признаков вышеназванных участников этого следственного действия добиться бывает непросто, как непросто бывает потом цивилизованно опознавать «действительного» преступника. К тому же предъявляемый для опознания подозреваемый или обвиняемый может обладать особыми или бросающимися в глаза приметами. С учетом тактико-правовых особенностей предъявления для опознания с аналогичными параметрами должны подбираться и статисты, что в практической плоскости провоцирует возникновение серьезных организационно-технических осложнений.

При выборе переводчика желательно убеждаться в хорошем знании им национального языка уголовного судопроизводства. Он должен успешно владеть местными диалектами и наречиями, свободно ориентироваться в образных выражениях и нецензурной лексике, имеющих обиход среди местного (коренного) населения, словах-паразитах, используемых обывателями, а также психологическом складе мышления лиц, вырванных из привычной им среды обитания.

Изучение личности поименованных участников стадии предварительного расследования осуществляется при подготовке к любому следственному действию. Это происходит в порядке общего ознакомления с их индивидуальными характеристиками в условиях кратких бесед, не требующих значительных затрат времени. Подобный подход настраивает «фигурантов» на ответственное отношение к исполнению возложенных на них обязанностей в условиях досудебного производства.

Стало быть, криминалистическая теория изучения личности подозреваемого (обвиняемого) и других участников уголовного процесса должна совершенствоваться и далее с акцентом на радикальном научно-теоретическом обеспечении упомянутых в настоящей статье вопросов.

Список литературы

1. *Абрамова Н.Г.* Значение данных о личности преступника и потерпевшего для расследования нераскрытых преступлений по делам о побоях // Проблемы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: материалы межвузовского научного семинара 13 ноября 2008 г. М.: Академия управления МВД России, 2008.
2. *Бажанов С.В.* Адвокат-защитник как субъект противодействия предварительному расследованию // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: сборник научных трудов. М.: Академия управления МВД России, 2007.
3. *Бажанов С.В.* Тактико-правовые основы уголовно-процессуального задержания и допроса лица в качестве подозреваемого // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 6.
4. *Бажанов С.В.* Уголовно-процессуальное задержание в системе мер уголовно-процессуального принуждения // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы: сборник научных статей. М.: Академия управления МВД России, 2009. Вып. 4.
5. *Бажанов С.В.* Законодательная регламентация уголовно-процессуального задержания и его криминалистическая интерпретация // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений: материалы 50-х криминалистических чтений 23.10.2009. М.: Академия управления МВД России. Ч. 1.
6. *Бажанов С.В.* Тактико-правовые основы уголовно-процессуального задержания и допроса лица в качестве подозреваемого: учебное пособие. М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2009.
7. *Веретенников А., Куликов В.* Охотники за головами. Спецслужбы испытывают детектор лжи, способный читать мысли // Российская газета. 2008. 16 сентября.
8. *Захаров В.П., Билоус Е.Н., Харченко С.В.* Использование возможностей биометрии человека в установлении личности // Проблемы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: материалы межвузовского научного семинара 13 ноября 2008 г. М.: Академия управления МВД России, 2008.
9. Криминалистика / под ред. С.П. Митричева и П.И. Тарасова-Родионова. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. Ч. 2.
10. Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Ларова. 2-ое изд. перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право. 2009.
11. *Милюков С.В.* Использование специальных знаний при установлении личности // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений: материалы 50-х Криминалистических чтений. 23 октября 2009 г. М.: Академия управления МВД России, 2009. Ч. 1.
12. *Пашутина О.С.* Типичная личность субъекта вандализма как элемент криминалистической характеристики преступления // Проблемы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: материалы межвузовского научного семинара 13 ноября 2008 г. М.: Академия управления МВД России, 2008.

References

1. *Abramova N. G.* The value of the identity of the criminal and poterpevshie for the investigation of unsolved crimes in cases of beatings // Problems of the investigation of unsolved crimes of the past years: materials of the interuniversity scientific seminar on November 13, 2008 M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2008.
2. *Bazhanov S.V.* Attorney as the subject of combating preliminary investigation // Investigation and response in mostaza-tional criminal procedure: procedure and forensic issues: collection of scientific papers. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007.
3. *Bazhanov S.V.* Tactical and legal bases of criminal procedure detention and interrogation of a person as a suspect // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 6.
4. *Bazhanov S.V.* Criminal-procedural detention in the system of measures of criminal-procedural coercion // Theory and practice of criminalistics and forensic examination: collection of scientific articles. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. Issue 4.
5. *Bazhanov S.V.* Legislative regulation of criminal procedure detention and its criminalistic interpretation // Theory and practice of using special knowledge in the detection and investigation of crime: proceedings of the 50s forensic readings 23.10.2009. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii. Part 1.
6. *Bazhanov, S.V.* Tactical and legal basis of criminal procedure for the custody and interrogation of the person as a suspect: a tutorial. Moscow: Academy of economic safety of the MIA of Russia, 2009.
7. *Veretennikov A., Kulikov V.* Bounty hunters. Intelligence agencies are developing a lie detector that can read minds // Rossiyskaya gazeta. 2008. September 16.
8. *Zakharov V.P., Bilous E.N., Kharchenko S.V.* the Use of biometrics human identification problems of investigation-solved crimes of yesteryear: materials of the interuniversity scientific seminar on November 13, 2008 M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2008.
9. Forensic science / ed. by S. P. Mitrichev and P. I. Tarasov-Rodionov. Moscow: State publishing house of legal literature, 1952. Part 2.

10. Criminalistics: a textbook for university students / ed. by A. F. Volynsky, V. P. Larov. 2nd ed. reprint. and additional m.: UNITY-DANA, Law and law. 2009.
11. *Milyukov S.V.* The use of special knowledge in establishing identity // Theory and practice of using special knowledge in crime detection and investigation: materials of the 50th Forensic Readings. October 23, 2009, Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. Part 1.
12. *Pashutina O.S.* The typical personality of the subject of vandalism as an element of the criminalistic characteristics of the crime // Problems of investigation of unsolved crimes of the past years: materials of the interuniversity scientific seminar on November 13, 2008. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008.

Давитадзе Мевлуд Демуралович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ (Одинцовский филиал), Московская область, город Одинцово, md2063@mail.ru

Баканов Максим Александрович,

аспирант кафедры Теории и истории государства и права, Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, maksim.bakanov@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Проанализирована конституционно-правовая защита предпринимательства, сделаны выводы относительно современного состояния данного института. Указано, что механизмы защиты предпринимательства можно считать достаточно эффективным правовым инструментом по осуществлению охраны законных интересов предпринимателей. Авторы приходят к заключению, что данный институт призван урегулировать конфликт, чтобы избежать нарушения баланса в предпринимательской среде.

Ключевые слова: защита, предпринимательство, форма защиты, судебная форма, Конституционный суд, внесудебная форма

Mevlud D. Davitadze,

doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch), Moscow Region, Odintsovo, md2063@mail.ru

Maxim A. Bakanov,

Postgraduate at the Department of Theory and History of State and Law, Moscow State University named after S.Yu. Witte, Moscow, maksim.bakanov@yandex.ru

CONSTITUTIONAL LEGAL PROTECTION OF ENTREPRENEURSHIP

Abstract. The article analyzes the constitutional and legal protection of entrepreneurship, and draws conclusions about the current state of this institution. It is indicated that the mechanisms for the protection of entrepreneurship can be considered a fairly effective legal instrument for the protection of the legitimate interests of entrepreneurs. The authors come to the conclusion that this institution is designed to resolve the conflict in order to avoid a violation of the balance in the business environment

Keywords: defense, entrepreneurship, form of defense, judicial form, Constitutional Court, extrajudicial form

На современном этапе активное развитие предпринимательской деятельности способствует развитию связей экономического характера как в масштабах страны, так и на международном уровне.

Под предпринимательской деятельностью следует понимать зарегистрированную в установленном порядке деятельность, осуществляемую гражданами, которая носит инициативный и самостоятельный характер. Целью такой деятельности является получение прибыли или же личного дохода. Вместе с тем, деятельность в предпринимательской сфере осуществляется на свой риск.

Как известно, предпринимательская деятельность крайне чувствительна к внешним факторам негативного характера. Нельзя не отметить и наличие на данный момент высокой конкуренции, в том числе недобросовестной, между предпринимателями, что характеризует предпринимательскую деятельность, как деятельность, высоко подверженную риску и нуждающуюся в государственной защите.

Итак, актуальность данной проблемы обусловлена тем, что на территории Российской Федерации право предпринимателей на защиту своих законных интересов, выступает в качестве неотъемлемого пра-

ва, наряду с ключевыми конституционными правами гражданина РФ.

Конституционная защита прав предпринимательства очень многогранное правовое явление. Как справедливо отмечает Фролов А.В., «одной из базовых целей, является удовлетворение экономических потребностей и обеспечение их реализации при помощи юридических средств» [11, с.73].

Анализ конституционно-правовой защиты предпринимательства следует начать с того, что на современном этапе развития исследуемого института правомочие осуществлять предпринимательскую деятельность на территории российского государства зафиксировано в ст. 34 Конституции РФ [1]. Помимо Основного закона страны, данное правомочие и соответственно его защита, включены законодателем в статью 23 Гражданского Кодекса РФ [2] и статью 14.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ [3], а также в некоторые законы федерального уровня.

На законодательном уровне предусматривается две основные формы осуществления защиты предпринимательства, а именно: судебная и внесудебная формы. Рассмотрим каждую из них в аспекте конституционно-правовой защиты предпринимательства.

Итак, под судебной формой в широком смысле следует понимать деятельность уполномоченных на то государством органов по осуществлению защиты нарушенных или же оспариваемых прав. Как справедливо отмечают Служкин С.В. и Романов А.Н. в своих исследованиях, суть ее заключается, в первую очередь в том, что лицо, в отношении которого были каким-либо образом нарушены права и законные интересы, обращается за защитой. При этом такую защиту могут предоставить государственные или иные компетентные органы от имени государства – Российской Федерации, которые уполномочены в установленном законом порядке принять необходимые меры с целью последующего восстановления нарушенного права, а также в целом для пресечения правонарушения [11, с.164].

Судебная форма защиты предпринимательства на территории российского государства осуществляется Конституционным Судом Российской Федерации, Арбитражным судом Российской Федерации и судами общей юрисдикции.

В свете исследуемой темы нас в особенности интересует деятельность по защите предпринимательства Конституционным судом РФ. В соответствии со ст. 1 ФКЗ РФ от 21.07.1994 № 1 «О конституционном суде РФ» [4] названный судебный орган осуществляет конституционный контроль, самостоятельно и независимо, посредством конституционного судопроизводства.

Как справедливо отмечает Васьков П.А., «Конституционный Суд Российской Федерации значительно расширяет возможности судебной защиты прав и интересов предпринимателей» [9, с.90]. Представ-

ленное утверждение, по нашему мнению, возможно подтвердить двумя основными факторами, а именно: первый заключается в том, что отечественный законодатель включает в термин «конституционные права и свободы граждан» (ч. 4 ст. 125 Конституции РФ) конституционные принципы и конституционные законные интересы и допускает защиту физических и юридических лиц. Что касается второго фактора, следует отметить, что благодаря деятельности данного органа «расширяется понимание критериев конституционности правовых актов. В частности, признается неконституционным правовой акт, если его положения противоречат принципам и нормам международного права» [9, с.90].

Рассмотрим перечень дел, принимаемых к рассмотрению Конституционным Судом Российской Федерации:

- в первую очередь – это дела, которые были поданы в Конституционный Суд Российской Федерации по запросам ряда органов государственной власти Российской Федерации, в том числе по запросу Верховного Суда РФ;
- во вторую очередь – это споры, которые касаются соотношения компетенции, которой наделены в установленном законом порядке федеральные органы государственной власти Российской Федерации, а также органы государственной власти, которые представлены на территории субъектов Российской Федерации;
- в третью очередь – это споры, которые рассматриваются по жалобам непосредственно самих граждан Российской Федерации на нарушение предусмотренных в отношении них же конституционных прав и свобод;
- и далее – это споры, которые рассматриваются по запросам, поданным от органов власти Российской Федерации с целью получения толкования Конституции РФ как Основного закона страны [10, с.67].

Таким образом, следует констатировать, что отечественным законодателем Конституционному Суду отведена значительная роль в защите предпринимательства.

В качестве примера приведем конкретные решения Конституционного Суда РФ.

Так, Постановлением от 18.07.2008 № 10-П [7] Конституционный Суд РФ признал абзац 14 ст. 3 и п. 3 ст. 10 ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» в части, устанавливающей возможность осуществления взыскания с индивидуальных предпринимателей по требованию на то органа государственного контроля суммы расходов, которые были потрачены данным органом на производство испытаний и экспертных исследований, по результатам которых были выявлены нарушения требований, носящих обязательный характер, не

соответствующими Конституции РФ, а именно, следующим ее статьям: ст. ст. 19 (ч. 1), 34 (ч.1), 35 (ч. ч. 1 и 2) и 55 (ч. 3).

Также Постановлением Конституционного Суда РФ от 18.02.97 №3-П [8] Постановление Правительства РФ №197 от 28 февраля 1995 года было признано данным органом не соответствующим Основному закону российского государства и по этой причине являющимся не действительным. Как говорится в тексте исследуемого Постановления КС РФ: «признание неконституционным постановления Правительства РФ от 28.02.97 №197 является причиной для отмены в установленном порядке положений других нормативных актов, основанных на указанном Постановлении Правительства РФ, признанном неконституционным, либо воспроизводящих его или содержащих такие же положения; положения этих нормативных актов не могут быть применены судами, другими органами и должностными лицами» [8].

Таким образом, в свете представленной выше информации следует констатировать, что судебный процесс по делам с участием субъектов предпринимательства имеет своей целью осуществление защиты истцов. Защита эта осуществляется путем рассмотрения и разрешения дела с учетом всех его обстоятельств и принятия наиболее справедливого решения на основе действующего на территории российского государства законодательства. Важно также подчеркнуть, что судебная форма защиты предпринимательства является основной и широко распространенной.

Что касается внесудебной формы защиты предпринимательства следует отметить, что эти формы очень разнообразны и дают предпринимателю широкий выбор для осуществления защиты.

Внесудебные формы защиты предпринимательства принято подразделять на две основные разновидности, а именно юрисдикционные и неюрисдикционные.

На наш взгляд под термином «юрисдикционная форма» следует понимать такую являющуюся внесудебной форму защиты предпринимательства, которая является связанной непосредственно с обращением предпринимателя к компетентному государственному органу, который имеет полномочия для разрешения данного конкретного спора. Способами защиты, относящимися к юрисдикционной, являются нотариальная защита и третейское разбирательство.

Давая краткую характеристику названным способам защиты предпринимательства следует отметить, что нотариат, с одной стороны, исполняет функции государственного органа, а с другой – выступает как проявление вольного выбора граждан, самостоятельно выбирающими конкретного нотариуса для разрешения интересующего их вопроса. Нотариаль-

ная защита прав и охраняемых законом интересов предпринимателей может осуществляться:

1) Посредством юридического подтверждения и закрепления гражданских прав в целях предупреждения их возможного нарушения в будущем;

2) Посредством защиты уже нарушенного права [10, с.165].

Действующее на территории российского государства законодательство также предусматривает возможность рассмотрения споров в порядке осуществления третейского разбирательства. В данном случае рассмотрение спора осуществляется особыми судами, исключительно по воле обеих сторон спора. Благодаря деятельности названных судов в значительной мере снижается нагрузка с арбитражных и районных судов.

Защита предпринимательства возможна также через Уполномоченного по защите прав предпринимателей. Данный способ защиты возник и стал применяться на практике сравнительно недавно, а именно – с принятием Указа Президента РФ от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» [6]. Следующим шагом в данном направлении является принятие ФЗ от 07 мая 2013 года № 78-ФЗ «Об Уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» [5].

Как справедливо отмечает Тимофеева Р.И. в своем исследовании, необходимость принятия указанного нормативного правового акта обусловлена, прежде всего, тем важным обстоятельством, что довольно часто субъекты, осуществляющие в соответствии с законом предпринимательскую деятельность, в целом не в силах каким-либо образом самостоятельно защитить свои права, а также в целом законные интересы, гарантированные государством [12, с.228].

Важно подчеркнуть, что институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации выступает в качестве специфического органа, который наблюдает за состоянием прав человека и гражданина, занимающегося предпринимательской деятельностью.

Уполномоченный по защите прав предпринимателей обладает правом рассматривать жалобы и направлять запросы, а также обращаться в суд с заявлением о признании недействительными нормативных правовых актов, которые препятствуют занятию деятельностью предпринимательского характера; обладает правомочием выступать в защиту предпринимателей.

Таким образом, проанализировав осуществление конституционно-правовой защиты предпринимательства на территории Российской Федерации, необходимо сделать следующие выводы:

- российский институт защиты предпринимательства достаточно эффективный правовой инстру-

мент по осуществлению защиты законных интересов предпринимателей;

- защита предпринимательства направлена, в первую очередь, на сохранение равновесия интересов в предпринимательской среде, в случаях возникновения ситуаций, в которых права и законные интересы предпринимателей нарушаются. Институт защиты предпринимательства призван урегулировать

конфликт, чтобы избежать нарушения баланса в данной сфере.

- применяя определенные способы и формы защиты прав и интересов предпринимателей, последние получают возможность отстоять свои права и законные интересы, восстановить исходное положение дел и двигаться дальше по пути развития собственного бизнеса.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I). Ст. 1.
4. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.
5. Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации. 2013. № 19. Ст. 2305.
6. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 19. Ст. 2333.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2008 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» в связи с жалобой гражданина В.В. Михайлова» // Текст постановления официально опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.1997 № 3-П «По делу о проверке конституционности Постановления Правительства Российской Федерации от 28 февраля 1995 года «О введении платы за выдачу лицензий на производство, розлив, хранение и оптовую продажу алкогольной продукции» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, 1997. № 1.
9. Васильков П.А. Роль института защиты прав предпринимателей в современной России // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 1-9 (69). С. 89-94.
10. Дашиев Т.А. Институт судебной защиты прав предпринимателей // Сборник научных трудов. Новосибирск, 2018. С. 65-69.
11. Слукин С.В., Романов А.Н. Конституционная защита прав предпринимателей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6-7. С. 164-166.
12. Тимофеева Р.И. Конституционно-правовой статус уполномоченного по защите прав предпринимателей // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180). С. 227-229.
13. Фролов А.В. Нормативно-правовое обеспечение защиты прав предпринимателей: конституционный уровень // Международный журнал конституционного и государственного права. 2019. № 1. С. 73-74.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 01.07.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. № 4. Article 445.
2. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 № 51-FZ (ed. of 09.03.2021) // Sbornie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. 1994. № 32. St. 3301.
3. The code of the Russian Federation on administrative offences" from 30.12.2001 № 195-FZ (as amended on 05.04.2021) // collected legislation of the Russian Federation dated January 7, 2002, № 1 (part I). St. 1.
4. Federal constitutional law of 21.07.1994 № 1-FKZ (ed. by 09.11.2020) "On the constitutional Court of the Russian Federation" // meeting of the legislation of the Russian Federation. 1994. № 13. St. 1447.
5. Federal Law № 78-FZ of 07.05.2013 (as amended on 28.11.2015) "On the Authorized persons for the protection of the rights of entrepreneurs in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. № 19. St. 2305.
6. Decree of the President of the Russian Federation № 596 "On long-term State Economic Policy" of 07.05.2012 // So braniezakonodatelstvaRossiyskoyFederatsii. 2012. № 19. St. 2333.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.07.2008 № 10-P "In the case of checking the Constitutionality of the provisions of paragraph fourteen of Article 3 and paragraph 3 of Article 10 of the Federal Law"

On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs during State Control (Supervision)" in connection with the complaint of the citizen V.V. Mikhailov" // The text of the resolution was not officially published. Access from the legal reference system "Consultant plus".

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.02.1997 № 3-П " On the case of checking the constitutionality of the Resolution of the Government of the Russian Federation of 28 February 1995 "On the introduction of fees for issuing licenses for the production, bottling, storage and wholesale sale of alcoholic beverages" // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation, 1997. № 1.

9. *Vaskov P.A.* The role of the Institute for the protection of the rights of entrepreneurs in modern Russia // Actual scientific research in the modern world. 2021. № 1-9 (69). pp. 89-94.

10. *Dashiev T.A.* Institute of judicial protection of the rights of entrepreneurs // Collection of scientific papers. Novosibirsk, 2018. pp. 65-69.

11. *Slukin S.V., Romanov A.N.* Constitutional protection of the rights of entrepreneurs // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. № 6-7. pp. 164-166.

12. *Timofeeva R.I.* Constitutional and legal status of the Commissioner for the protection of the rights of entrepreneurs // Law and the State: theory and practice. 2019. № 12 (180). pp. 227-229.

13. *Frolov A.V.* Normative and legal support for the protection of entrepreneurs ' rights: the constitutional level // International Journal of Constitutional and State Law. 2019. № 1. pp. 73-74.

Давитадзе Мевлуд Демуралович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ (Одинцовский филиал), Московская область, город Одинцово, md2063@mail.ru

Иваньшина Ольга Валерьевна,

аспирант кафедры Теории и истории государства и права, Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, olya-ivanshina68@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ

Аннотация. Проанализированы конституционно-правовые нормы о семье, ее защите и меры государственной поддержки института семьи, как конституционно-правовая гарантия защиты семьи. В ходе проведенного исследования, представляется возможным сделать вывод, что посредством Конституции РФ фиксируются в числе фундаментальных традиционные ценности семьи, материнства, отцовства, поддержка и защита которых выступает в качестве обязательного условия функционирования данного института. На современном этапе конституционно-правовая защита семьи исходит из специфики семейной политики государства и опирается не только на Конституцию РФ и нормативно-правовые акты, но так же на теоретические представления о семье и ее взаимодействии с государством в правовом плане.

Ключевые слова: семья, институт семьи, защита семьи, конституционная защита, Конституция, Семейный кодекс

Mevlud D. Davitadze,

doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch), Moscow Region, Odintsovo, md2063@mail.ru

Olga V. Ivanshina,

postgraduate at the department of Theory and History of State and Law, Moscow State University named after S.Yu. Witte, Moscow, olya-ivanshina68@yandex.ru

CONSTITUTIONAL LEGAL PROTECTION OF THE FAMILY

Abstract. This article analyzes the constitutional and legal norms on the family its protection and measures of state support for the institution of the family as a constitutional and legal guarantee for the protection of the family. In the course of the study, it is possible to conclude that, through the Constitution of the Russian Federation, the fundamental traditional values of the family, motherhood, paternity, support and protection of which act as a prerequisite for the functioning of this institution are fixed. At the present stage, the constitutional and legal protection of the family is based on the specifics of the family policy of the State and is based not only on the Constitution of the Russian Federation and normative legal acts, but also on theoretical ideas about the family and its interaction with the State in legal terms.

Keywords: family, family institution, family protection, constitutional protection, Constitution, Family Code

Приступая к анализу вопросов о конституционно-правовой защите семьи, необходимо отметить роль семьи для общества и государства и вопрос о важности ее защиты.

Общеизвестно, что семья – это фундамент человеческого общества, она имеет ключевое зна-

чение, как для детей, так и для взрослых. Так, для ребенка она имеет огромное значение, ведь это микросреда, в которой формируются условия для физического, эмоционального, психического и интеллектуального развития маленького человека, в большинстве своем именно от обстановки в семье

зависит то, каким вырастет ребенок, как сложится его жизнь, станет ли он ценным представителем человеческого общества. Значение семьи для взрослого человека несколько иное, в зрелом возрасте семья для человека выступает, как правило, в двух качествах: в качестве источника удовлетворения таких потребностей, как любовь, уважение, общение, физиологические потребности; в качестве малого коллектива, предъявляющего к нему разные требования. С возрастом роль, функции и статус человека в семье последовательно изменяются.

Семья – это малая социальная группа и несмотря на то, что отношения в семье (в идеале) строятся на любви и уважении, это часто является недостаточным, в силу самых разных обстоятельств. По этой причине роль конституционно-правовых норм в жизнедеятельности семьи велика и призвана не только регулировать брачно-семейные отношения в тех случаях, когда это необходимо, но также обеспечивать поддержку семьи и ее защиту от различных внешних и внутренних факторов.

Исследуя данный вопрос, в первую очередь, необходимо акцентировать внимание на положении ст. 38 Конституции РФ [1], в соответствии с которой российское государство осуществляет защиту материнства и детства, семьи, утверждая необходимость взаимной ответственности и заботы друг о друге членов семьи – родителей и достигших совершеннолетия трудоспособных детей. Положения названной статьи получают свое продолжение в ст. 1 Семейного кодекса РФ [2], которая содержит информацию о защите государством института семьи, а также о защите от произвольного вмешательства в ее дела. Следует также согласиться с мнением Трониной Е.Г. о том, что указанные нормы Конституции РФ и Семейного кодекса РФ говорят о «гуманистическом понимании семейных ценностей с их определяющим влиянием на формирование всесторонне развитой личности, на гармоничное духовно-нравственное, интеллектуальное и физическое развитие ребенка, непреходящую ценность атмосферы любви, счастья и взаимопонимания в семьях» [11, с. 233]. Исследуя данный вопрос важно сказать и о том, что «укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений» закреплены в качестве важнейшего принципа Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [7].

Важное значение для эффективного функционирования института семьи на территории российского государства имеют также конституционные положения, внесенные в текст Основного закона, в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. В том числе, это признание приоритетного значения для государственной политики интересов детей, что соче-

тается с закреплением в ст. 67.1 Конституции РФ положения императивного характера о необходимости создания государством благоприятных условий для всестороннего развития детей, воспитания в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. В данном аспекте важным воспитательным значением обладают также положения п. п. 2 и 3 ст. 67.1 Конституции РФ, которые закрепляют «принципы исторической преемственности в развитии российского государства, сохранения традиций и идеалов народа, почитания памяти предков, защитников Отечества, защиты исторической правды и запрета умаления значения подвига народа при защите Родины» [1].

Исследуя конституционно-правовые нормы о семье и ее защите, важно сказать и о роли федерального законодательства среди данных норм. Так, Конституция РФ, помимо прочего, определяет место федерального закона в системе источников конституционного права. Федеральный закон, по сути, призван осуществлять положения Конституции РФ на практике.

Детализация представленных конституционных норм нашла свое отражение в федеральном законодательстве. В первую очередь, это федеральный закон от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в РФ» [4]. Так, в п. 2 ст. 2 названного федерального закона приоритетными процессами воспитания законодателем называются «социо-культурные и духовно-нравственные ценности, принятые социальные нормы в интересах человека, семьи, общества и государства, в том числе любовь к Родине, уважение к отечественной истории, к традициям многонационального народа Российской Федерации, к закону и правопорядку, правам других людей, бережное отношение к природе» [4].

Исследуя конституционно-правовые нормы о семье и ее защите, важно также назвать положения ст. 72 Конституции РФ о совместной компетенции Российской Федерации и ее субъектов в вопросах относительно защиты семьи, материнства, отцовства и детства.

Таким образом, в свете выше представленного материала, необходимо сделать вывод о том, что Конституция РФ фиксирует в числе фундаментальных традиционные ценности семьи, материнства, отцовства и детства, поддержка и защита которых выступает в качестве необходимого условия функционирования института семьи.

Ключевой задачей осуществления государственной политики на территории российского государства следует назвать соблюдение прав ребенка, зафиксированных отечественным законодателем непосредственно в тексте Основного закона, а также осуществление защиты детей от факторов, которые оказывают или могут оказать негативное влияние на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие. Это крайне важно,

ведь, как известно, дети – это будущее государства, на территории государства должны приниматься все меры для того, чтобы дети росли здоровыми, умными и счастливыми гражданами.

В соответствии с положениями, изложенными в п. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ, каждый из детей обладает правомочием жить и воспитываться в семье (естественно, насколько это является возможным в каждой конкретной ситуации), правомочием знать своих биологических родителей, правомочием получать от них заботу, правомочием на совместное с ними проживание (в качестве исключения следует указать случаи, когда такое проживание противоречит интересам несовершеннолетнего); ребенок обладает правом на получение воспитания со стороны своих родителей, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства.

В свою очередь, в ст. 65 Семейного кодекса РФ содержится положение о том, что при осуществлении родительских правомочий родителям запрещено причинять ребенку вред здоровью, физический и/или психологический вред, а также наносить ущерб нравственному развитию несовершеннолетнего.

Согласно статье 56 Семейного кодекса РФ, несовершеннолетний имеет право на защиту в случаях, когда родители перестают о нем заботиться или делают это ненадлежащим образом и/или в недостаточном объеме. Такую защиту в этом случае ему должно обеспечить государство в лице органов опеки и попечительства, прокуратуры и суда.

В качестве эффективных форм осуществления защиты семейных прав выступают установленная в действующем Семейном кодексе РФ возможность принятия следующих судебных решений:

- лишение родительских прав (ст. 69 СК РФ);
- ограничение в родительских правах (ст. 73 СК РФ);
- отмена усыновления (ст. 140 СК РФ);
- восстановление в родительских правах (ст. 72, 76 СК РФ).

Таким образом, в свете вышеизложенного конституционно-правовую защиту семьи возможно определить в качестве комплекса являющихся гарантированными государством мер, направленных непосредственно на реализацию законных правомочий граждан.

Приступая к исследованию мер государственной поддержки института семьи как конституционно-правовой гарантии защиты семьи, в первую очередь, следует сказать о том, что Конституция РФ акцентирует внимание на определяющем значении для данного процесса государственных гарантий поддержки и реализации семейных ценностей. По этой причине считаем уместным обратиться к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 23.09.2014 №24-П [9]. Следует отметить, что назван-

ное Постановление, принятое Конституционным Судом Российской Федерации, содержит положение, которое касается утвердившейся системы традиционных представлений. В первую очередь, речь идет о гуманизме, но при этом учитываются особенности, которые характерны для национального и конфессионального состава всего современного российского общества. Помимо этого, учитываются его социокультурные, а также всевозможные иные исторические характеристики, которые были сформированы как таковые и общепризнаны в Российской Федерации на законодательном уровне [9].

Итак, содержание права на семью с нормативной позиции включает четко определенные правомочия лица, а именно: осуществлять выбор возможного поведения и использовать социальные блага, которые предусмотрены действующим законодательством Российской Федерации; требовать соответствующего поведения по отношению к себе от других лиц; в случае необходимости обращаться за содействием, а также в целом за защитой к государству в лице уполномоченных органов власти.

Следует отметить, что действующее законодательство на сегодняшний день предусматривает всю систему гарантий, которые находятся под конституционной охраной и распространяются, в первую очередь, на институт защиты семьи. В качестве примера мы можем привести Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [6], в котором законодатель закрепил список выплат и пособий, которые направлены на обеспечение улучшения качества жизни всех тех семей, которые в этом нуждаются в силу определенных жизненных обстоятельств [10, с. 181].

Также можно привести ссылку на Федеральный закон «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» [3], в котором нашла свое отражение информация, касающаяся, в первую очередь, оснований и порядка, предназначенных для осуществления назначения выплат соответствующей категории граждан в связи с рождением ребенка либо в связи с усыновлением соответствующей семьей ребенка и др.

Положения Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5] направлены, прежде всего, на воспитание здорового поколения. С этой целью государство обеспечивает охрану, а также в целом защиту здоровья не только матери, но и ребенка.

Проанализировав положения законодательства о конституционно-правовой защите семьи и исследовав научную литературу на данную тему, считаем возможным отметить следующее:

- Конституция РФ фиксирует в числе фундаментальных традиционные ценности семьи, материнства, отцовства и детства, поддержка и защита которых вы-

ступает в качестве необходимого условия функционирования института семьи;

- конституционно-правовую защиту семьи возможно определить в качестве комплекса являющихся гарантированными государством мер, направленных непосредственно на реализацию законных правомочий граждан;

- конституционно-правовая защита семьи, материнства и детства на современном этапе исходит из специфики семейной политики государства и опирается не только на Конституцию РФ и другие нормативно-правовые акты, но и на теоретические представления о семье и ее взаимодействие с государством в правовом плане.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.03.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Федеральный закон от 28.12.2017 № 418-ФЗ (ред. от 24.04.2020) "О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».
4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.03.2021) "Об образовании в Российской Федерации" // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».
5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 22.12.2020) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».
6. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 22.12.2020) "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».
7. Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014) "Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года" // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».
8. Указ Президента РФ от 05.05.1992 № 431 (ред. от 25.02.2003) "О мерах по социальной поддержке многодетных семей" // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П "По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова" // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс».
10. *Иваньшина О.В.* Конституционно-правовая природа понятия семьи в Российской Федерации // Наука и образование: будущее и цели устойчивого развития. Материалы XVI международной научной конференции, в 4 частях. Москва, 2020. С. 179-186.
11. *Тренина Е.Г.* Конституционное закрепление семейных ценностей в Российской Федерации // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2020. С. 232-236.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 01.07.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. № 4. Article 445.
2. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 № 223-FZ (ed. of 04.02.2021, with amendments. from 02.03.2021) // SbraniezakonodatelstvaRossiyskoyFederatsii. 1996. № 1. Article 16.
3. Federal Law № 418-FZ of 28.12.2017 (as amended on 24.04.2020) "On Monthly Payments to families with children" (with amendments and additions, chap. effective from 01.01.2021) // Access from the legal reference system "Consultant Plus".
4. Federal Law № 273-FZ of 29.12.2012 (as amended on 24.03.2021) "On Education in the Russian Federation" // Access from the legal reference system "Consultant plus".
5. Federal Law № 323-FZ of 21.11.2011 (as amended on 22.12.2020) "On the fundamentals of Public Health Protection in the Russian Federation" (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2021) // Access from the legal reference system "Consultant Plus".
6. Federal Law № 256-FZ of 29.12.2006 (as amended on 22.12.2020) "On additional measures of state support for families with children" // Access from the legal reference system "Consultant plus".
7. The decree of the President of the Russian Federation dated 09.10.2007 № 1351 (edition of 01.07.2014) "On approval of the concept of demographic policy of the Russian Federation for the period till 2025" // access from the legal reference system "Consultant plus".
8. The decree of the President of the Russian Federation from 05.05.1992 № 431 (ed. by 25.02.2003) "On measures of social support for large families" // Access from the legal reference system "Consultant plus".

9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.09.2014 № 24-P "On the case of checking the constitutionality of part 1 of Article 6.21 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens N. A. Alekseev, Ya.N. Yevtushenko and D.A. Isakov" // Access from the reference legal system "Consultant Plus".
10. *Ivanshina O.V.* Constitutional and legal nature of the concept of family in the Russian Federation / / Nauka i obrazovanie: budushcheitseliustoychivogorazvitiya. Materials of the XVI International Scientific Conference, in 4 parts. Moscow, 2020. pp. 179-186.
11. *Tronina E.G.* Constitutional consolidation of family values in the Russian Federation // Socio-cultural and psychological problems of the modern family: current issues of support and support. Collection of materials of the VI International Scientific and Practical Conference. Cheboksary, 2020. pp. 232-236.

Демченко Татьяна Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью,
Институт деловой карьеры, Москва,
tstarshinova@mail.ru

Кубанов Эльдар Баширович,

начальник пункта полиции по Ногайскому району Межмуниципального отдела МВД России «Адыге-Хабльский»,
Министерство внутренних дел по Карачаево-Черкесской Республике, майор полиции, слушатель Академии
управления МВД России, Москва,
nogai0907@rambler.ru

Гостев Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра
коммуникационных технологий и цифрового образования Московского государственного лингвистического
университета, Москва,
Gostevan@inbox.ru

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ: СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье проводится системный анализ практики противодействия идеологиям экстремизма и терроризма в Российской Федерации. На основе теоретического анализа раскрыты сущность, содержание, проблемы противодействия идеологии экстремизма и терроризма в Российской Федерации. Выявлены показатели, по которым произведена классификация терроризма. Проводится сравнение отечественных и зарубежных концепций противодействия идеологии экстремизма и терроризма. Предлагаются методики исследования системы противодействия идеологии экстремизма и терроризма в Российской Федерации. Выявлены причины актуализации терроризма и экстремизма в России. На основе проведенного авторами конкретного эмпирического исследования выявлены наиболее распространённые виды терроризма. Даны практические рекомендации в области совершенствования нормативной правовой базы, в области административно-организационной работы, в области теоретических разработок и научно-исследовательской работы.

Ключевые слова: идеология, терроризм, экстремизм, противодействие, комплексный план, национальный антитеррористический комитет, контртеррористическая операция, национальная безопасность, профилактика экстремизма, профилактика терроризма, концепция

Tatyana S. Demchenko,

Ph.D. of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Management,
Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow,
tstarshinova@mail.ru

Eldar B. Kurbanov,

Head of the police station for the Nogai district of the Inter-Municipal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Adyge-Khablsky", Ministry of Internal Affairs of the Karachay-Cherkess Republic, Police Major,
student of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow,
nogai0907@rambler.ru

Alexander N. Gostev,

Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Chief Researcher, Scientific and Educational Center for Communication Technologies and Digital Education, Moscow State Linguistic University, Moscow,
Gostevan@inbox.ru

EXTREMISM AND TERRORISM IN RUSSIA: SOCIAL AND MANAGERIAL ASPECT

Abstract. The article provides a systematic analysis of the practice of countering the ideologies of extremism and terrorism in the Russian Federation. Based on theoretical analysis, the essence, content, problems of countering the ideology of extremism

and terrorism in the Russian Federation are revealed. Indicators for which terrorism is classified have been identified. A comparison is made between the domestic and foreign concepts of countering the ideology of extremism and terrorism. Methods are proposed to study the system of countering the ideology of extremism and terrorism in the Russian Federation. The reasons for the actualization of terrorism and extremism in Russia have been identified. Based on a specific empirical study, the most common types of terrorism were identified. Practical recommendations are given in the field of improving the regulatory legal framework; in the field of administrative and organizational work and in the field of theoretical development and research.

Keywords: ideology, terrorism, extremism, countering, comprehensive plan, national anti-terrorism committee, counter-terrorism operation, national security, prevention of extremism, prevention of terrorism, concept

Введение. В современном мире заканчивается относительно стабильное существование; интенсифицируются процессы вооружения, дезинтеграции; растет социальная база терроризма и экстремизма; есть угрозы развязывания локальных, региональных, крупномасштабных войн. Особую опасность для России, как всегда, представляют США и их ближайший союзник – Великобритания, которые организуют зависимые страны Западной и части Восточной Европы на противостояние с Россией, угрожают ей военной агрессией, инициируют создание террористических организаций, ведут подготовку боевиков. Сегодня практически вся территория бывшего СССР представляет собой пространство, где есть условия для применения террористических групп [11, с. 132]. Достаточно сказать, что список стран, где, по мнению военно-политического руководства США, «укрываются террористы», и по которым «будут наноситься превентивные удары», включает более 60 государств.

Противодействие экстремизму и терроризму объявлено Организацией Объединенных Наций одним из приоритетных направлений международной деятельности.

Категория «экстремизм» введена в оборот отечественного законодательства в связи с ратификацией Федеральным Собранием Российской Федерации «Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (Шанхай, 15.06.2001), которая определяет экстремизм как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них» [6].

Общественная опасность преступлений экстремистской и террористической направленности обусловлена их непримиримостью, жестокостью, способностью возбуждать в общественных отношениях нетерпимость к различным социальным группам, различающимися по таким, например, признакам как раса, национальность, религия, статус в обществе, политическая принадлежность, идеологическое и мате-

риальное богатство, власть и т.д. В связи с этим экстремизм и терроризм – это тяжкие преступления, на профилактику и раскрытие которых мобилизуются кадры специальных структур правоохранительной системы.

Государственная власть в сфере противодействия экстремизму, терроризму обязана создавать эффективную систему реагирования, в которой

составными элементами должны быть силы и средства контроля (мониторинга), пресечения и подавления, консолидации власти, развития гражданского общества и другие [1, 2, 4, 5].

Методика исследования. В изучении проблемы противодействия экстремизму и терроризму в России для обеспечения достоверности, верификации, точности его результатов применялся комплекс теоретических (анализ, синтез, сравнение, аналогия и другие) и эмпирических (экспертный опрос, анализ документов, наблюдение, интервью, беседа и другие) методов. В работе использован комплексный подход с технологиями структурно-функционального анализа. Полученные результаты для установления связей, зависимостей между исследуемыми процессами и явлениями обрабатывались математическими и статистическими способами.

Эмпирическая база: подразделения полиции г. Москвы, Московской области, Карачаево-Черкесской Республики, документы научных исследований экстремизма и терроризма, деятельности полиции по противодействию этим общественным феноменам. Кластеры – десять ОВД. Эксперты (N = 216) – сотрудники полиции.

Обсуждение проблемы. Исследование показало, что в международных правовых документах (Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма и других) терроризм рассматривается как собирательное понятие криминальной направленности. Результаты содержательного анализа научной литературы позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на распространенность, опасность, постоянное совершенствование правового регулирования, категория «терроризм» еще не имеет точного, концептуального

определения. Нет и достаточных аргументов, характеризующих связь, отношений, явлений «экстремизма» и «терроризма».

Наблюдения практики, анализ теорий, конкретных научных исследований [18, 19, 21] показывают, что экстремизм (от лат. *Extremus* – крайний) – это объективный, негативный общественный феномен, существующий в общественном сознании и заключающийся в отрицании сложившихся и существующих в конкретный временной период политических, экономических и иных отношений. Априори, экстремизм обуславливает терроризм, является его теоретико-практической основой, потому ответственность перед обществом его адептов (сторонников) должна быть соизмерима с тяжким преступлением. Например, призыв к насильственному изменению основ конституционного строя, нарушению территориальной целостности России, возбуждение социальной розни и другое мотивируют, активизируют, организуют деятельность террористов, которые, по сути, реализуют на практике положения теорий идеологов экстремизма, сами же порой не обладают ни высоким уровнем образования, ни здоровьем, ни стабильным положением в обществе.

Хотя в российском праве терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанная с силовым воздействием, устрашением мирного населения и/или иными формами противоправных насильственных действий [3]. Очевидно, что в этом определении законодатель не разграничивает экстремизм и непосредственно терроризм. Экстремист может и не являться террористом, т.е. исполнителем насильственного акта, хотя, его вина очевидна. Априори, под такое определение террористов попадают и Наполеон Бонапарт, о смерти которого 200 лет назад (5 мая 1821 года) в скорби вспоминала демократическая Франция, и В.И. Ленин со всеми членами партии большевиков и ... другие лидеры государств, пришедшие к власти с новыми идеями развития своих стран. Например, известно, что персональный состав руководства Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) почти полностью состоял из людей, ранее содержащихся в тюрьмах, местах ссылки, совершивших преступления и скрывавшихся в странах-оппонентах России. Так, шесть раз арестовывался, отбывал наказания в тюрьмах и ссылках И.В. Сталин, четыре раза подвергались арестам и ссылкам Всесоюзный староста М.И. Калинин и Нарком по внутренним делам А.И. Рыков; дважды - будущий Нарком народного просвещения А.В. Луначарский; пять раз - Ф.Э. Дзержинский; восемь раз арестовывался, провёл в тюрьме около 5 лет, в том числе два года в одиноч-

ке (Кресты), 2 раза был в ссылке Нарком земледелия В.П. Милютин; восемь арестов, шесть побегов и 6 лет тюрьмы на счету у Наркома по делам торговли и промышленности В.П. Ногина. Есть такие же сроки в биографиях Наркома финансов И.И. Скворцова (Степанова), Наркома по иностранным делам Л.Д. Бронштейна (Троцкого), Наркома юстиции Г.И. Оппокова (Ломова), Наркома по делам продовольствия И.А. Теодоровича, Наркома почт и телеграфов Н.П. Авилова (Глебова) и других руководителей Советской России. Правильнее, возможно, называть таких людей экстремистами, но не террористами. В противном случае любая оппозиция при внимательном изучении их программ может быть определена как экстремистская и, следовательно, террористическая.

Априори, такое определение рассматриваемого негативного общественного феномена, используя теоретические конструкции, позволяет определять и любое совершенное преступление как террористический акт. Так, насилие может быть моральным, политическим, экономическим ..., но не обязательно непосредственно физическим, хотя даже моральное насилие вызывает в итоге физические страдания и даже приводит к смерти (самоубийству, убийству людьми, получившими психологические травмы и т.п.). Поэтому, например, насильственное принуждение владельца организации к заключению сделки по отчуждению имущества (ст. 170 УК РФ), подделка документов (ст. 327), незаконное возбуждение уголовного дела для воспрепятствования предпринимательской деятельности (ст. 299) и другие деяния формально подпадают под такое определение терроризма, что не является правильным.

Очевидно, что законодатель, так определяя «терроризм», допустил неточность и, по сути, затруднил выполнение, например, норм Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002, который регулирует проведение профилактических мер, предупреждающих экстремистскую деятельность; выявление, предупреждение и пресечение экстремизма, исходящего от физических и юридических лиц. Так, категория «предупреждение» не обязательно реализуется арестом, лишением свободы, что не соответствует требованиям наказания за тяжкие преступления.

Такое определение не полностью согласуется и с Уголовным Кодексом РФ (далее - УК РФ), в котором преступления, связанные с экстремизмом и терроризмом, относят к разным видам: деяния экстремистского характера – преступления против государственной власти; деяния террористического характера – преступления против общественной безопасности, а также преступления против мира и безопасности человечества. Хотя, априори, общественная безопасность включает и безопасность государствен-

ной власти. Результаты содержательного анализа УК РФ позволили нам определить, что в нем 31 состав преступлений экстремистского и 18 террористического характера.

В законодательстве США терроризм трактуется как преднамеренное, политически мотивированное воздействие на население, органы власти с целью достижения политических, идеологических, экономических и религиозных целей насильственным путем [18].

В российской научной мысли идеология терроризма и экстремизма рассматривается практически по всем показателям, связанным с удовлетворением основных потребностей общества, что является объективным научным явлением. Так, одни исследователи видят причины этого явления в конфликте традиций и инноваций в обществе [14, с. 165; 23, с. 802]; другие в религиозном факторе в межкультурных коммуникациях и международных отношениях [24, с. 53]; третьи в незаконной миграции [7, с. 27]; четвертые в активности рецидивной преступности [8, с. 28; 20, с. 30]; пятые в организационных конфликтах [10, с. 72]; шестые в ведении гибридной войны и просчетов власти в обеспечении проблем национальной безопасности [11, с. 129]; седьмые в неэффективности контроля государства институтами гражданского общества [12, с. 103]; восьмые в недостаточной эффективности деятельности МВД России [9, 15, с. 26; 17, с. 18; 22, с. 79]; девятые в развитии и применении цифровых средств передачи информации [13, с. 8; 16, с. 7]; десятые в несовершенстве законодательства [18]; одиннадцатые в проблемах в системе образования населения [19]; двенадцатые в большом количестве граждан, имеющих криминальный опыт [21] и в другом.

Таким образом, терроризм и экстремизм – это общественные явления, обуславливающие тяжкие преступления в сфере нарушения удовлетворения жизненных потребностей групп людей или отдельных личностей. Если же следовать основному закону общественного управления, суть которого состоит в том, что удовлетворение важнейших потребностей общества регулируется специально созданными структурами власти, то, объективно, все без исключения преступления можно классифицировать как экстремистские, т.к. они прямо или косвенно ретранслируются на властные структуры.

Поэтому категории «экстремизм» и «терроризм» не имеют точного, концептуального определения и подлежат уточнению в зависимости от сложившихся в конкретный момент условий.

В данном исследовании экстремизм и терроризм рассматриваются авторами как относительно самостоятельные общественные феномены.

Результаты исследования. Результаты содержательного анализа научной литературы, на-

блюдений практики показывают, что субъекты экстремизма – это люди, организации, общественные и иные движения, которые обладают значительными теоретическими знаниями общественных процессов, представляют оппозиционные структуры действующей системе власти; а субъекты терроризма – это люди с особой психологической направленностью личности, которая отличается активностью, убеждением и мировоззрением жестокости, самоотверженности, высокой степенью мотивации на силовое решение проблем, борьбы за удовлетворение своих жизненных потребностей, обладающие патологически заторможенной системой самосохранения жизни. Очевидно, что людей с такой психикой создает природа, т.е. они – объективный человеческий феномен, террористический конфликттоген, требующий постоянного, системного контроля общества. Искусство и эффективность управления обязательно должно оцениваться по качеству формального и неформального контроля за этой категорией людей. Априори, эти социальные поведенческие феномены людей возникают не только беспричинно, но и частично обуславливаются различными провоцирующими объектами. Они появляются, проявляются, активизируются, консолидируются, организуются и начинают действовать там, где есть несправедливое, контролируемое неравенство, ущемление прав людей на удовлетворение основных жизненных потребностей: экономических, политических, семейных, экологических, социально-психологических и других.

О высоком уровне распространенности таких преступлений, их актуальности для сотрудников полиции свидетельствуют результаты опроса экспертов. Он показал, что почти все эксперты непосредственно были свидетелями или принимали участие в профилактике, расследовании терроризма в различных формах его проявления (см. Рисунок 1)

Как видно из результатов опроса почти все эксперты заявили о практически постоянной работе по профилактике терроризма, что подтверждает выводы из теоретического анализа проблемы, где констатируется, что категории «экстремизм» и «терроризм» не имеют точного, концептуального определения и подлежат уточнению в зависимости от сложившихся в конкретный момент условий.

Анализ научных социально-психологических знаний позволяет классифицировать эти потребности по показателям различных теоретических конструкций: психологическим (семиуровневая «пирамида» потребностей человека – А. Маслоу), управленческим (важнейшие потребности общества удовлетворяются специально созданными структурами управления), национальным – следствие межнациональных розни, вражды, конфликтов; экономическим

Рисунок 1. Сведения об участии сотрудников полиции в мероприятиях по профилактике терроризма

– подавление предпринимательского труда неконтролируемой конкуренцией и другим.

По этим показателям можно классифицировать терроризм по видам: спонтанный (неорганизованный), совершается одним или несколькими личностями; коллективный (организованный), реализуется организацией; националистический, применяется в сепаратистских, национально освободительных целях; религиозный, межрелигиозная ненависть; идеологический, изменение экономической или политической системы страны; бытовой, семейный; биологический (возможно, например, коронавирус); информационно-психологический, технологический (воздействия средствами дистанционных цифровых технологий, отключение систем управления промышленностью и другими структурами) и многие другие.

Результаты исследования показали, что в настоящее время проблема экстремизма и терроризма значительно актуализировалась в связи с развитием цифровых технологий передачи информации (см. Рисунок 2).

Как видно, почти все эксперты-практики проявляют озабоченность о перспективах распространения этого опасного общественного явления в условиях развития цифровых информационных технологий.

Результаты исследования показывают, что в настоящее время в России наиболее распространенными видами терроризма являются бытовой и экономический (см. Рисунок 3).

Априори, терроризм, экстремизм – вечная проблема человечества. Это самый опасный, но и самый легкий путь достижения цели. Грабежи и убийства всегда были формами достижения экономиче-

ских и политических целей. Террором, экстремизмом создавались цивилизации, завоевывались новые земли, покорялись народы. Больше всех эти феномены были и до сих пор присущи странам западноевропейской цивилизации: рабство, уничтожение коренных народов, постоянные войны и т.п. И, если в древней Иудее средством террора был меч, то сегодня – ядерное оружие. Сущность же остается неизменной.

В этой связи экстремизм (ст. 282 УК) – возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Т.е., это действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием различных средств.

А категория терроризм определена в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [3].

Результаты данного исследования указывают на возможные проблемы в организации управления противодействием экстремизму и терроризму в условиях цифровизации общественных отношений и путей их разрешения.

Так, эксперты отмечают, что цифровые технологии, безусловно, создают новые проблемы в орга-

Рисунок 2. Ожидания экспертов о перспективах террористических и экстремистских преступлений в условиях развития цифровых технологий

Рисунок 3. Виды терроризма, чаще всего встречающиеся в практике правоохранительной деятельности МВД России

низации профилактики террористических преступлений по индивидуальному заказу (см. Рисунок 4).

Цифровые технологии способствуют комплексному, массовому, системному, целенаправленному воздействию на сознание населения. Они создают угрозу создания атмосферы неуверенности, растерянности, безысходности, фрустрации в массах населения перед силами и средствами террора. В настоящее время пользователям интернета как выборочно, так и массово навязывается мысль о том, что терроризм – эффективный путь в борьбе за спра-

ведливость (см. Рисунок 5). И этот тезис оказался как всегда очень популярным, признаваемым, формирующим соответствующее общественное мнение различных групп населения страны.

Эта технология позволяет быстро преобразовывать частично достоверную информацию в экстремистскую, т.е. вызывать, разжигать ненависть к власти, религии, отдельным личностям.

Результаты исследования показали, что субъектами экстремизма и терроризма в большей части являются люди с низким уровнем образования либо

Рисунок 4. Мнение экспертов о значении цифровых технологий в организации террористических преступлений по индивидуальному заказу

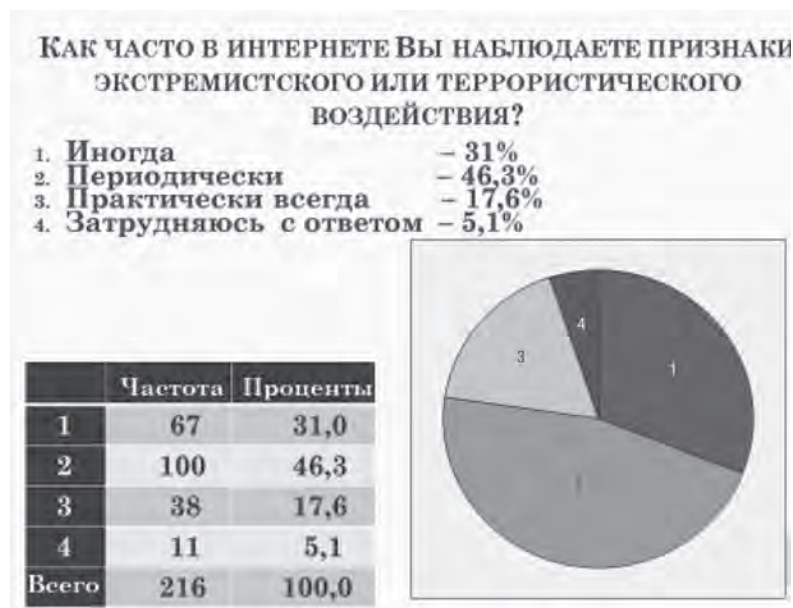

Рисунок 5. Информация экспертов о частоте наблюдения признаков экстремизма и терроризма в интернете

экстремистским. Первые, как правило, являются исполнителями террористических актов, вторые – идеологами экстремизма. Априори, формирование сознания таких людей облегчается дисфункциями системы образования, которые, в свою очередь, обусловлены пассивностью сил и средств как формального, так и неформального контроля. Этот факт создает опасность проигрыша в гибридной войне, разрушительную суть которой еще не все правильно оценивают. Дезорганизация работы одного из основных институтов общества (образования) приводит к нарушению

функционирования всей системы институтов общества, инициируя разрушение управления, создавая хаос, где возникает благоприятная обстановка для распространения экстремистской идеологии и совершения террористических актов. Практика же такова, что осуществить ремонт, например, фундамента образования невозможно без перестройки всех его элементов: переподготовки педагогических кадров, изменений в школьном образовании, возрождения отечественных традиций, внедрения передовых технологий и организации контроля их реализации. Так,

в условиях реализации образования с применением цифровых технологий нужен уже не просто преподаватель, а преподаватель-программист и методист, который будет разрабатывать содержание обучающих программ, его труд становится в большей степени научно-исследовательским.

На эту проблему обратили внимание и эксперты в контексте профилактики экстремизма и терроризма в условиях распространения цифровых технологий передачи информации (см. Рисунок 6).

Результаты наблюдения практики, интервью с экспертами показали, что в стратегической профилактике преступлений в рассматриваемой сфере должна быть организована работа на двух параллельных путях: информационно-психологическом и материально-финансовом ограничении.

Так, на информационно-психологическом пути необходима организация работы с населением по разрешению проблемы сотрудничества с правоохранительными структурами исполнительной власти. Как отмечает Министр МВД России В.А. Колокольцев, в стране «рост тяжких составов произошел преимущественно за счет увеличения посягательств с использованием цифровых информационных технологий. Криминальные деяния, совершенные с использованием IT-технологий, составляют всё большую долю в общей структуре преступности. Сегодня она достигла 25%» [9].

Исследование положительного опыта противодействия терроризму в странах Западной Европы показывает на необходимость организации системного, постоянно действующего взаимного информирования о проявлениях экстремизма и терроризма между полицией и населением. Так, в Германии в полицию поступит информация от местного населения

о прибытии в населенный пункт неизвестного человека практически в девяти случаях из десяти. В России же может и не быть ни одного случая поступления такой информации в полицию. Причин этого факта несколько: в стране среди значительной части населения сформирована криминальная культура поведения, остается низким уровень доверия к полиции, существует большой некомплект кадров полиции и, следовательно, ее излишняя загруженность работой, что обуславливает ее замедленную реакцию на обращения (сигналы) населения и другие причины. Этот факт косвенно подтверждают результаты опроса экспертов (см. Рисунок 7)

Как сказано выше причинами формирования идеологии экстремизма и терроризма могут быть проблемы с удовлетворением основных жизненных потребностей населения, субъектов управления и т.п. Правоохранительная практика позволяет наблюдать в числе наиболее распространенных причин этому противоправному явлению межкультурную (в т.ч. религиозную) рознь, рецидивную преступность, незаконную миграцию, криминальный опыт населения (см. Рисунок 8). Как видно, эти результаты совпадают с данными на Рисунке 3 (Виды терроризма, чаще всего встречающиеся в практике правоохранительной деятельности МВД России), что подтверждает уверенность экспертов в истинности предоставленной информации.

В ходе интервью (бесед) с экспертами отмечались как существенные и другие причины. Например, конфликт традиций и инноваций в обществе. Люди обеспокоены утратой отечественных традиций почти во всех институтах общества: в образовании, семье, в политике, экономике и других. Внедрение же западных традиций (так называемых ин-

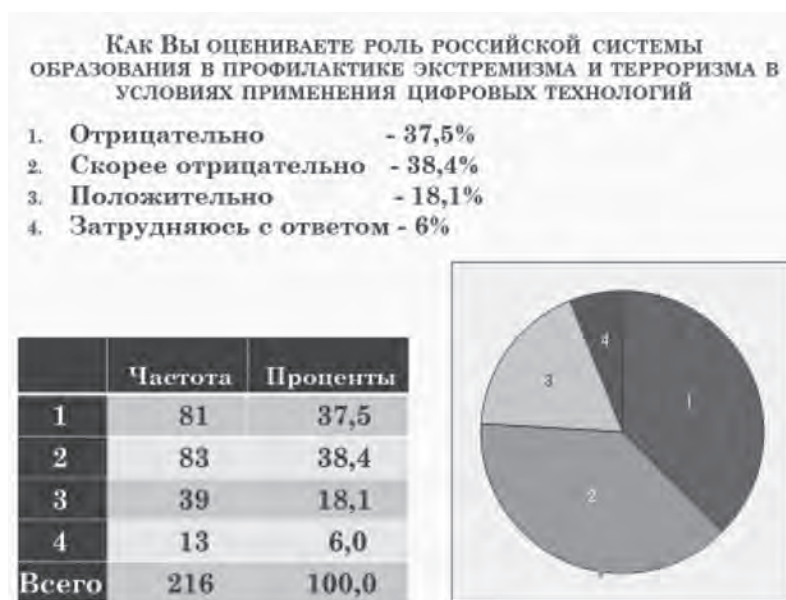

Рисунок 6. Оценка экспертами роли российской системы образования в профилактике экстремизма и терроризма в условиях применения цифровых технологий

Рисунок 7. Мнение экспертов о сотрудничестве полиции и населения в противоборстве с терроризмом

новаций) приводит к кризису в российских семьях, экономике, образовании и в других институтах общества, что создает благоприятные условия для экстремизма и терроризма.

Отмечались и такие причины: рост числа организационных конфликтов; просчеты власти в обеспечении проблем национальной безопасности; неэффективность контроля государства институтами гражданского общества; несовершенство законодательства и другие.

Заключение. Таким образом, в условиях растущей опасности развязывания локальных, региональных, крупномасштабных войн увеличиваются угрозы экстремизма и терроризма, являющиеся тяжкими преступлениями, на профилактику и раскрытие которых мобилизуются кадры специальных структур правоохранительной системы.

В правоохранительной теории категории «экстремизм» и «терроризм» пока не имеют концептуальной определенности и поэтому подлежат уточнению в зависимости от сложившихся в конкретный момент условий.

В научной мысли идеология терроризма и экстремизма рассматривается практически по всем показателям, связанным с удовлетворением основных потребностей общества. В современной России она имеет широкое распространение.

Экстремизм и терроризм могут быть спонтанными (неорганизованными), коллективными (организованными), националистическими, религиозными (идеологическими), бытовыми, биологическими, информационно-психологическими, технологическими и другими. Эти явления значительно актуализировались в связи с развитием цифровых технологий передачи информации.

Субъектами экстремизма и терроризма в большей части являются люди с низким уровнем образования либо экстремистским. Первые, как правило, являются исполнителями террористических актов, вторые – идеологами экстремизма.

Основными причинами экстремизма и терроризма являются: межкультурная (в т.ч. религиозная) рознь, рецидивная преступность, незаконная миграция, криминальный опыт населения, а также рост числа организационных конфликтов; просчеты власти в обеспечении проблем национальной безопасности; неэффективность контроля государства институтами гражданского общества; несовершенство законодательства и другие.

Практические рекомендации.

I. В области совершенствования нормативно-правовой базы.

Научным организациям МВД России предложить разработать, обосновать и направить законодателю новые формулировки для внесения уточнений в содержание категорий «экстремизм» и «терроризм».

II. В области административно-организационной работы.

МВД России предложить разработать методические рекомендации по классификации преступлений экстремистской и террористической направленности.

III. В области теоретических разработок и научно-исследовательской работы.

Научным организациям, вузам МВД России организовать исследования теории и практики преступлений экстремистской и террористической направленности, обусловленные:

- конфликтом традиций и инноваций в обществе;
- межкультурными коммуникациями и международными отношениями;

Рисунок 8. Мнение экспертов о причинах экстремизма и терроризма в правоохранительной практике России

- незаконной миграцией;
- активностью рецидивной преступности;
- организационными конфликтами;
- гибридной войной и просчетами власти в обеспечении проблем национальной безопасности;
- неэффективностью контроля государства институтами гражданского общества;
- деятельностью МВД России;
- цифровыми средствами передачи информации и другим.

Список литературы

1. Конституция РФ / Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 4 июля 2020 года.
2. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Парламентская газета от 30 июля 2002 года № 142-143.
3. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Парламентская газета от 10 марта 2006 года № 32
4. Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О полиции» // Российская газета, 08 февраля 2011 года.
5. Государственная программа Российской Федерации: «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // <https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma> Дата обращения 12.01.2021.
6. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15.06.2001) // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 октября 2003 года № 41 ст. 3947
7. Ветрова О.А., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Незаконная миграция как причина совершения преступлений иностранными гражданами, подпадающими по действие административного надзора // Вестник Академии права и управления, № 1 (58), 2020. С. 25-31
8. Ветрова О.А., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Рецидивная преступность иностранных граждан на территории России: социолого-правовая характеристика // Вестник Академии права и управления. 2020. № 2 (59). С. 23-31.
9. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 21.03.2021 // URL: [http:// kremlin.ru](http://kremlin.ru) (дата обращения 10.04.2021)
10. Гостев А.Н. Организационный конфликт: социологический аспект: монография. М.: Изд-во СГУ, 2013. – 193 с.
11. Гостев А.Н. Теоретико-методологические основы исследования феномена гибридной войны и проблемы безопасности: результаты анализа цифровых документов // Научно-практический журнал «Человеческий капитал» №12 (132) часть 2, 2019. С 126-147 год. Материалы IV Международной научно-практической конференции «Проблемы и пути повышения эффективности и качества современного высшего образования в условиях цифровизации российского общества» (18 декабря 2019 года)
12. Демченко Т.С., Гостев А.Н. Гражданское общество: контроль над деятельностью государства: монография. М.: Изд-во СГУ, 2011. – 193 с.

13. Демченко Т.С., Гостев А.Н. Проблемы качества электронного обучения: социологический взгляд // Социология образования. – 2017. № 3. – С.4-22.
14. Иванова О.А., Гостев А.Н. Российские образовательные организации: традиции инновационной деятельности // Вестник экономика, права и социологии. 2018. № 2. С. 164-169.
15. Кадыров Р.Х., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Общественные механизмы стимулирования сотрудников полиции // Вестник Академии права и управления, № 4 (61), 2020. С. 25-32// Вестник Академии права и управления, № 4 (61), 2020. С. 25-32
16. Кобзева Н.И., Иванова О.А., Гостев А.Н. Педагогические конфликтогены электронного обучения в контексте социологического исследования // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. № 5 (205). С. 3-15.
17. Кукулина Е.Ю., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Имидж руководителя ОВД: социолого-герменевтический аспект // Вестник Академии права и управления, № 1 (63), 2021. С. 15-25
18. Миц Д. С. Комплексная антитеррористическая функция государства и права // Актуальные проблемы российского права. 2021. №1 (122). С.34 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-antiterroristicheskaya-funktsiya-gosudarstva-i-prava> (дата обращения: 29.04.2021).
19. Неверов А.П. Проблемы противодействия идеологии экстремизма и терроризма в образовательных учреждениях // Скиф. 2017. №6. С.35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivodeystviya-ideologii-ekstremizma-i-terrorizma-v-obrazovatelnyh-uchrezhdeniyah> (дата обращения: 29.04.2021).
20. Петрова О.В., Ветрова О.А., Гостев А.Н. Внешняя образовательная миграция: проблемы, практика межкультурной коммуникации // Вестник «Вестник Уфимского юридического института МВД России, № 6 (58), 2020. С. 25-32
21. Ципилев С.Н. Противодействие экстремизму в исправительных учреждениях: монография / С. Н. Ципилев ; Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский институт права и экономики. - Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2019. – С.14- ISBN 978-5-94991-505-9. - Текст: электронный. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1229850> (дата обращения: 29.04.2021). – Режим доступа: по подписке.
22. Чеплухов Е.В., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Организации управления органом внутренних дел Российской Федерации: социологический аспект // Вестник Академии права и управления. 2020. № 3 (60). С. 75-85.
23. Ivanova O.F., Demchenko T. S., Gostev A.N. Traditions and Innovations in Higher Education Management: Conflictological Aspec. Jour of Adv Research in Dynamical & Control Systems, Vol. 12, 03-Special Issue, 798-806 (DOI: 10.5373/JARDCS/V12SP3/20201320 ISSN 1943-023X)
24. Tyurikov, A.G., Gostev, A.N., Bolshunov, A.Y., Bolshunova, S.A. The religious factor in intercultural communication and international relations (2021) European Journal of Science and Theology, 17 (1), pp. 49-61.

References

1. The Constitution of the Russian Federation / The Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 № 1-FKZ / / Official Internet portal of legal information" (www.pravo.gov.ru) July 4, 2020
2. Federal Law No. 114-FZ of 25.07.2002 "On Countering Extremist activities" / / Parliamentary Gazette of July 30, 2002, No. 142-143.
3. Federal Law No. 35-FZ of 06.03. 2006 "On Countering terrorism" / / Parliamentary Newspaper of March 10, 2006 N 32
4. Federal Law of the Russian Federation of 07.02.2011 N 3-FZ (ed. of 06.02.2020) "On the Police" / / Rossiyskaya Gazeta, February 08, 2011.
5. The State Program of the Russian Federation: "Ensuring public order and countering crime" // <https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma> Accessed 12.01.2021.
6. Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism (Shanghai, 15.06.2001) / / Collection of Legislation of the Russian Federation of October 13, 2003 No. 41, article 3947
7. Vetrova O.A., Demchenko T.S., Gostev A.N. Illegal migration as a reason for committing crimes by foreign citizens subject to administrative supervision / / Bulletin of the Academy of Law and Management, No. 1 (58), 2020. pp. 25-31
8. Vetrova O.A., Demchenko T.S., Gostev A.N. Recidivism of foreign citizens in the territory of Russia: socio-legal characteristics // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2020. No. 2 (59). pp. 23-31.
9. Speech of the Minister of internal Affairs Russian Federation the General of police Russian Federation Vladimir Kolokoltsev at the enlarged meeting of the Collegium of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation 21.03.2021 G. / / URL: <http://kremlin.ru> (accessed 10.04.2021 g)
10. Gostev A.N. Organizational conflict: a sociological aspect: monograph. M.: Izd-vo SGU, 2013. – 193 p.
11. Gostev A.N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya fenomena hybridnoy voyny i problemy bezopasnosti: rezultaty analiz digital dokumentov [Theoretical and methodological foundations of the study of the phenomenon of hybrid warfare and security problems: results of the analysis of digital documents].) part 2, 2019. From 126-147. Materials of the IV International scientific-practical conference "Problems and ways of improving the efficiency and quality of modern higher education in the conditions of digitalization of the Russian society" (18 December 2019)

12. *Demchenko T.S., Gostev A.N.* Civil society: the control over the activity of state: monograph. M.: Izd-vo SGU, 2011. – 193 p.
13. *Demchenko T.S., Gostev A.N.* Problems of the quality of e-learning: a sociological view. - 2017. No. 3. - p. 4-22.
14. *Ivanova O.A., Gostev A.N.* Russian educational organizations: traditions of innovative activity // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2018. No. 2. P. 164-169.
15. *Kadyrov R.H., Demchenko T.S., Gostev A.N.* Public incentives for police officers // Bulletin of the Academy of law and management, No. 4 (61), 2020. S. 25-32// Bulletin of the Academy of law and management, No. 4 (61), 2020. P. 25-32
16. *Kobzeva N.I., Ivanova O.A., Gostev A.N.* Pedagogical conflictogens of e-learning in the context of sociological research // Bulletin of the Orenburg State University. - 2017. No. 5 (205). p. 3-15.
17. *Kuklina E.Yu., Demchenko T.S., Gostev A.N.* Image of the head of the Department of Internal Affairs: socio-hermeneutic aspect // Bulletin of the Academy of Law and Management, No. 1 (63), 2021. pp. 15-25
18. *Mitz D.S.* Complex antiterrorist function of the state and law // Actual problems of Russian law. 2021. No. 1 (122). P. 34 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-antiterroristicheskaya-funktsiya-gosudarstva-i-prava> (accessed: 29.04.2021).
19. *Neverov A.P.* Problems of countering the ideology of extremism and terrorism in educational institutions // Skif. 2017. No. 6. p. 35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivodeystviya-ideologii-ekstremizma-i-terrorizma-v-obrazovatelnyh-uchrezhdeniyah> (accessed: 29.04.2021).
20. *Petrova O.V., Vetrova O.A., Gostev A.N.* External educational migration: problems, practice of intercultural communication // Vestnik " Vestnik of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, No. 6 (58), 2020. pp. 25-32
21. *Tsipilev S.N.* Counteraction to extremism in correctional institutions: monograph / S. N. Tsipilev; Federal Penitentiary Service, Vologda Institute of Law and Economics. - Vologda: VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2019. - p. 14-by ISBN 978-5-94991-505-9. - Text: electronic. - Address: <https://znanium.com/catalog/product/1229850> (accessed: 29.04.2021). - Access mode: by subscription.
22. *Cheplukhov E.V., Demchenko T.S., Gostev A.N.* Organizations of management of the internal affairs body of the Russian Federation: a sociological aspect // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2020. No. 3 (60). pp. 75-85.
23. *Ivanova O.F., Demchenko T.S., Gostev A.N.* Traditions and innovations in the management of higher education: A conflictological aspect. Jour of Adv Research in Dynamical & Control Systems, Vol. 12, 03-Special edition, 798-806 (DOI: 10.5373/JARDCS/V12SP3/20201320 ISSN 1943-023X)
24. *Tyurikov, A.G., Gostev A.N., Bolshunov, A.Y., Bolshunova, S.A.* The Religious factor in intercultural communication and international relations (2021) European scientific and theological journal, 17 (1), pp. 49-61.

Долгова Ирина Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры Менеджмента и предпринимательского права,
Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, город Пятигорск,
orhid1@yandex.ru

Жамборов Анзор Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Огневой подготовки, Северо-Кавказский институт
повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, город Нальчик,
Jamborow@mail.ru

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. Культура имеет основополагающее значение для формирования сознания человека, мышление и поведение которого и предопределены культурой, поэтому вполне логично утверждать, что культура как социальный институт должна способствовать противодействию преступности. Культура обуславливает понимание объекта противодействия, так как преступность является искусственным феноменом. Деяние квалифицируется как преступное именно с позиции культуры, поскольку в природе таких критериев не существует, соответственно, криминализация деяний происходит на основе культурных ценностей. В результате авторы приходят к выводу о необходимости включения знаний о культуре в науки криминального цикла, а также о необходимости внедрения их в практическую деятельность противодействия преступности.

Ключевые слова: культура, информационная среда, инкультурация, преступность, девиантное поведение, субкультура, массовая культура, противодействие преступности

Irina V. Dolgova,

Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Management and Business Law,
North Caucasus Institute-Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Pyatigorsk,
orhid1@yandex.ru

Anzor A. Zhamborov,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Fire Training, North Caucasus Institute
of Advanced Training (branch) Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik,
Jamborow@mail.ru

ROLE OF CULTURE IN COMBATING CRIME

Abstract. Culture is fundamental for the formation of human consciousness, whose thinking and behavior are predetermined by culture, therefore it is quite logical to assert that culture as a social institution should contribute to combating crime. Culture determines the understanding of the object of opposition, since crime is an artificial phenomenon. An act is qualified as criminal precisely from the standpoint of culture, since such criteria do not exist in nature, and accordingly, the criminalization of acts occurs on the basis of cultural values. As a result, the authors come to the conclusion that it is necessary to include knowledge about culture in the sciences of the criminal cycle, as well as to introduce them into the practical activities of combating crime.

Keywords: culture, information environment, inculturation, crime, deviant behavior, subculture, mass culture, crime prevention

Культура как сложный социальный феномен является неотъемлемой частью всех сторон жизни человека, в том числе и криминальной. Роль культуры может быть конструктивной, препятствующей возникновению и распространению негативных социальных явлений, и деструктивной, ведущей к деградации общества. В первом случае культура выступает как инстру-

мент противодействия возникновению преступности. В качестве примера можно назвать страны с самым низким уровнем преступности. Согласно GlobalPeaceIndex – это Исландия, Дания, Австрия, Новая Зеландия, Швеция, Финляндия, Канада, Япония, Австралия, Чехия [1].

Во втором случае культура становится самым сильным криминогенным фактором, когда в обще-

стве формируется мощная криминальная субкультура, подчиняющая себе все сферы общественной жизни. К наиболее криминогенным государствам мира относятся Гондурас, Венесуэла, Американские Виргинские острова, Белиз, Сальвадор, Гватемала, Ямайка, Лесото, Свазиленд, Сен-Китс и Невис.

С конца XX века отмечается широкое распространение криминальной субкультуры на многие стороны жизни и деятельности людей, поэтому весьма актуальным становится вопрос: является ли культура инструментом влияния на преступность? Ответ на этот вопрос лежит в плоскости рассмотрения сущности понятия культуры.

Понятие «культура» произошло от латинского «colere», что означало культивировать, возделывать, ухаживать, почитать, покровительствовать.

Слово «культура» встречалось еще до нашей эры у М. Катона Старшего, однако в качестве самостоятельного понятия его использовал своих трудах немецкий юрист С. Пуфендорф для обозначения отличия «человека искусственного», воспитанного в обществе, от человека «естественного», необразованного [2]. В настоящее время в ученом сообществе нет единства в трактовке данного явления. Культура рассматривается как уровень развития общества; как совокупность норм и правил, обеспечивающих регулирование отношений между членами общества для сохранения общности как целого; как регулятор времени, места и способа удовлетворения потребностей и правил поведения людей на основе ценностей и др.

Вместе с тем, общепринятой является глобальная дефиниция понятия «культура», которую разделяют такие ученые, как А.Швейцар, А.Моль, Г. Селье, В.Вернадский, Н.Бердяев, И.Ильин и др. «Культура – совокупность реальных обстоятельств, явлений, предметов, образа жизни и деятельности, выделившая человека из естественной природной среды; это все то, что создано руками и мыслью человека» [3].

Наиболее общее понимание культуры как способа человеческой жизнедеятельности, включающего результаты этой деятельности применительно к конкретному объекту, предлагает Е.В. Тищенко. Автор акцентирует внимание на том, что культура выступает надбиологическим «механизмом аккумуляции, хранения и трансляции информации, реализуя, тем самым, функцию социального наследия» [4].

В современных условиях культура выступает как информационная среда, которая формируется между человеком и природой, создавая оптимальные условия бытия людей. Качественные характеристики информационной среды обуславливают сущность культурных процессов, характер воздействия культуры на преступность.

Рассмотрим основные аспекты взаимодействия культуры с криминальным феноменом [5].

Культура является одним из важнейших факторов формирования социальной иерархии потребностей. Каждому человеку от природы даны первичные потребности, которые в результате инкультурации подвергаются значительным изменениям. Одни потребности становятся социально одобряемыми, удовлетворение других принято скрывать, а третьи оказываются под запретом.

В разных культурах потребностям придается различное значение. П. Сорокин в идеациональной культуре к категории социально одобряемых относит духовные потребности, связанные с религиозной деятельностью; в чувственной, или сенситивной, культуре на олимп возводятся материальные ценности; «идеалистическая культура сочетает в себе черты идеациональной и чувственной культуры, в ней уравновешены материальные и духовные ценности, но преимущество отдано высоким нравственным идеалам» [6].

В некоторых религиозных культурах грехом является употребление спиртного, табакокурение, чревоугодие, в то время как в нерелигиозных культурах потребление дорогих спиртных напитков, посещение известных ресторанов является предметом гордости, символом высокого социального положения.

Социальная иерархия потребностей в разных культурах является детерминантой масштабов, структуры и характера преступности.

Следующий аспект отражает влияние культуры на способ удовлетворения потребностей. Православная христианская культура, сочувствуя бедности, осуждает богатство как порок, в то же время христианский протестантизм считает богатство пропуском в рай. Есть культуры, полностью отрицающие насилие, в то же время для криминальных субкультур насилие – форма существования. Некоторые культуры одобряют насилие как форму самозащиты и отрицательно относятся к насилию в форме агрессии.

Для понимания преступного поведения особое значение имеет криминологический аспект типологии культур [7].

С точки зрения отношения к агрессии речь идет об агрессивных и неагрессивных типах культур. В этом плане достаточно интересен анализ первобытных культур, выполненный Э. Фроммом. Изучая 30 обществ, он обнаружил некоторую закономерность, позволившую ему выделить три типа систем – А, В, С, где система А – абсолютно неагрессивные, «жизнеутверждающие общества; система В – неструктивные, но все же агрессивные общества; система С – агрессивные общества» [8]. По мнению Э. Фромма, на степень агрессивности общества большое влияние оказывает частная собственность.

В зависимости от характера влияния культуры на здоровье населения можно выделить конструктивные культуры, обеспечивающие развитие и улуч-

шение общества, и деструктивные, приводящие к его деградации. История развития цивилизаций содержит примеры гибели этносов, в национальной культуре которых развивались гомосексуализм, алкоголизм, культ роскоши и др.

По характеру ориентации культуры подразделяют на духовные и материальные. Совершенно очевидно, что эти составляющие есть в каждой культуре, однако их соотношение различается. Именно преобладание того или иного вида и определяет ориентацию культуры. Те культуры, в которых доминирует материальное потребление, более криминогенны, чем духовный вид. Это объясняется тем, что материальное потребление после достижения определенного уровня перестает удовлетворять человека, наступает состояние материального пресыщения, способное вызвать депрессию, душевный кризис. Выходов из этой ситуации, как правило, два: первый – удовлетворение духовных потребностей за счет занятия благотворительностью, меценатством; второй – подавление высшего начала личности с помощью алкоголя, наркотиков. Первый вид культуры ориентирован на обеспечение деятельности, приводящей к состоянию глубокой удовлетворенности («трудное счастье»), второй – на обеспечение состояния («легкое счастье») [9]. Именно второй вид культуры, отождествляющий понятия богатства и счастья, является мечтой криминальных личностей, а стремление к нему лежит в основе большинства корыстных и корыстно-насилованных преступлений.

Культура имеет основополагающее значение для формирования сознания человека, мышление и поведение которого и предопределены культурой [10], поэтому вполне логично предположить, что культура как социальный институт должна способствовать противодействию преступности. Культура обуславливает понимание объекта противодействия, так как преступность является искусственным феноменом. Деяние квалифицируется как преступное именно с позиции культуры, поскольку в природе таких критериев не существует, соответственно, криминализация деяний происходит на основе культурных ценностей.

В отечественной профессиональной литературе широко обсуждается роль культуры в профилактике и пресечении преступлений. Об этом пишут О.Н. Бибики, А.И. Долгова, С.М. Иншаков, А.И. Марцев. Взаимосвязь между культурной и криминальной практикой анализируют Е.В. Тищенко, М.П. Клейменов. Именно культура является своеобразным катализатором, способствующим формированию в обществе иммунитета к преступной деятельности. Законопослушное поведение является результатом воспитания человека, его инкультурации, влияющей на предупреждение преступлений. Следовательно, «ведущая

роль в профилактике преступлений принадлежит семье, социальным группам, трудовым коллективам и производителям культуры» [11], поскольку культура является тем средством, с помощью которого индивид формирует правовую модель поведения. Инкультурируясь, индивид начинает выполнять культурные установки на уровне рефлексов.

Ярким примером, демонстрирующим роль культуры в сдерживании преступности, является Япония. Очевидно, что на стабильное состояние с преступностью в Японии влияют не только социально-культурные, но и естественные факторы, такие как: однородность национальной структуры и единство языка, обособленное островное положение, непринятие в свою среду представителей других народов. Вместе с тем, существует так называемый особый «социально-культурный тип японца» [12]. При этом имеются в виду не какие-то специфические черты национального характера японцев, а целостная японская культура, составляющими которой являются солидарность в семье и сообществе, образование и трудолюбие, развитые на очень высоком уровне. Кроме того, сдерживающими преступность факторами выступают антикриминальная ориентация общества в целом и высокая адаптируемость к нестандартной ситуации.

Ограничение преступности обусловлено также основными чертами национальной психологии японцев: «подчеркнутое чувство стыда, чести и достоинства, гордость, ценностные ориентации, в основе которых лежит гармония, сострадание к человеку» [13]. В 80-е годы XX века даже возник феномен «теории японской культуры». Если основу европейской культуры («культуры вины») составляет понятие долга (перед правителем, народом, богом, перед которым исповедуются в совершенном деянии), то для японцев важнее всего сохранение собственной репутации, то впечатление, которое они производят на других («культура стыда»).

О японской «культуре стыда» говорят как о культуре внешних переживаний, не нуждающейся в карающем вмешательстве государства. Европейец для избавления от чувства вины будет глубоко раскаиваться, пойдет на исповедь. Японцу это не принесет облегчения, поскольку он испытывает страх позора и для него важно мнение окружающих.

Личность в Японии рассматривается с точки зрения принадлежности к конкретной группе, и репутация группы зависит от любого отклонения любого члена этой группы. Тем самым оказывается серьезное давление на личность для удержания ее в общепринятых рамках. Очевидно, что японская правовая культура и есть основная причина сдерживания преступности.

Нельзя не отметить тот факт, что культура может оказывать негативное влияние на профилактику преступности. Ярким примером этого является мас-

совая культура, средства распространения которой (популярное кино и сериалы, клипы и видеоролики, пресса, массовая литература, поп-музыка, компьютерные игры и др.) транслируют, а порой и героизируют преступников, проповедуют преступный образ жизни. Как результат – она становится одной из детерминант преступности.

Так, кино как зеркало отражает трансформации в обществе и превращается в основной инструмент передачи порой весьма сомнительных с точки зрения общественной морали норм и ценностей. Образы героев, несущих с экрана преступную субкультуру, порой настолько привлекательны, что зритель романтизирует уголовный образ жизни. Яркими примерами таких фильмов являются «Бригада» (2002 год) и «Бумер» (2003 год), которые вызвали всплеск молодежного криминала в стране. Многочисленные социологические исследования подтверждают наличие взаимосвязи между телевидением, кинематографом и совершением преступлений вследствие подражания криминальным персонажам.

В компьютерных играх игрок также подражает героям, отождествляя себя с тем или иным персонажем, что, несомненно, оказывает непосредственное влияние на его ценности и обуславливает приведение их в соответствие с требованиями игры. Одной из самых аддиктивных массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр является «World of Warcraft». «Counter-Strike», «Manhunt», «GTA» Lineage II и даже безобидная на первый взгляд Farmville спровоцировали ряд громких преступлений, совершенных подростками. В отличие от фильмов, игры не героизируют криминал, но они требуют постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активностях, что сопровождается развитием интенсивных эмоций. Виртуальный мир настолько захватывает игрока, что он теряет связь с реальностью. Известны несколько громких случаев (2010 год Краснодарский край, 2011 год – Вологодская обл., 2015 год – Челябинская обл.), когда подростки жестоко расправлялись с родителями за лишение их доступа к компьютеру или запрет на игры.

Неоднозначно отношение и к такому продукту массовой культуры, как аниме. В России неоднократно предпринимались попытки запрещения того или иного тайтла иногда из цензурных соображений, а иногда – по рекомендации медицинских работников. Некоторые тайтлы содержат много сцен неоправданной жестокости и сексуальных сцен с несовершеннолетними или сцен насилия над ними («Убийцы гоблинов» «Нет игры – нет жизни», «Ну не может моя сестренка быть такой милой», «Эроманга-сенсей» и др.) или негативную информацию, которая может спровоцировать неадекватные поступки и действия со стороны подрастающего поколения, при условии

их нахождения в состоянии депрессии, подавленности, изоляции («Тетрадь смерти»).

Представленные примеры подтверждают мысль о том, что продукты массовой культуры через наблюдение и подражание могут формировать новое поведение как результат воспроизведения чужих действий и способствовать усвоению других норм и ценностей, иной культуры. Подражание – это один из основных путей развития человека, поэтому роль подражания в процессе инкультурации велика. Французский юрист и социолог Г. Тард считал, что совершение преступлений обусловлено именно подражанием: «Все главнейшие акты общественной жизни совершаются под владычеством примера» [14].

Взгляды и выводы Г. Тарда получили дальнейшее развитие в теории дифференциальной ассоциации американского социолога и криминолога Э. Сатерленда [15]. Э. Сатерленд считает, что ценности криминальной культуры воспринимаются в процессе индивидуального взаимодействия, коммуникации с преступниками, и чем чаще и интенсивнее такие контакты, тем быстрее осваиваются нормы девиантного поведения.

Таким образом, совершенно очевидно, что знания о культуре должны стать неотъемлемой частью всех наук криминального цикла и активно внедряться в практическую деятельность противодействия преступности. В частности, в данном контексте можно рассмотреть ряд важных направлений [11].

Первое – это обеспечение противодействия преступлениям, связанным с экстремизмом и терроризмом. Современный экстремизм обусловлен преимущественно различиями культур, когда нормы и ценности отдельных этнических либо других групп противостоят законам конкретного общества и вследствие этого вступают в конфликт с доминирующей культурой. Наиболее частым результатом такого конфликта является совершение преступления. Такое явление как экстремизм является порождением, в том числе, ускоряющееся глобализацией мира, основу которого составляют европейские ценности. Совершенно очевидно, что монокультурный подход привел к усилению конфронтации Востока и Запада. В то же время активно проводимая западными странами политика мультикультурализма потерпела фиаско, поскольку привела к росту криминализации ряда культурных практик. В результате некоторые европейские страны вынуждены вводить уголовную ответственность за серьезные нарушения норм и ценностей господствующей культуры. Для решения этой проблемы необходимо поддерживать диалог культур.

Еще одно направление предполагает изучение и трансформацию материальной культуры, развитие которой детерминирует как изменения структуры преступности, так и обеспечивает возможность выборсамых современных средств противодействия

ей. Вместе с тем, развитие материальной культуры способствует появлению новых методов совершенства преступлений, (например, киберпреступления, криптопреступления и др.). Для противодействия такого рода преступлениям необходимо активно внедрять достижения научно-технического прогресса в обеспечение общественной безопасности (использовать средства технического контроля за поведением граждан, пересмотреть подходы к планированию архитектуры городов), а также активизировать взаимодействие полиции с гражданами в части информирования их о способах обеспечения безопасности окружающей материальной среды.

Человек в процессе инкультурации осваивает традиции, нормы и ценности своей культуры. Культура представляет человеку принятые в обществе стандарты поведения (в том числе уголовно-правовые запреты) и выступает как важное средство противодействия преступности. В случае разрушения культурных норм и ценностей у членов общества формируется девиантное поведение, самой опасной формой которого является преступность. В современных условиях важно создать в обществе позитивный культурный идеал, который способствовал бы развитию и распространению антикриминальных культур.

Список литературы

1. Рейтинг самых опасных и самых безопасных стран мира по уровню преступности и другим показателям. Режим доступа: URL: <https://evroportal.ru/immigratsiya/rejting-samyih-opasnyih-i-bezopasnyih-stran/> (дата обращения: 20.04.2021).
2. Geyer B., Goerlich H. Samuel Pufendorf und seine Wirkungen bis auf die heutige Zeit. Bearbeitet von Gerd Schliebe. Nomos, Baden-Baden, 1996. – 287 S.
3. Долженко О.В. Социокультурные проблемы становления и развития высшего образования: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1995. С. 4.
4. Тищенко Е. В. Преступность и культура // Философия права. 2017. №4 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-i-kultura> (дата обращения: 22.04.2021).
5. Иншаков С.М. Культура и воздействие на преступность. В книге Преступность и культура. Под редакцией доктора юридических наук, профессора А.И. Долговой. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1999. С. 11.
6. Sorokin P. Social and Cultural Dynamics. N.Y., 1937. V. 3. P. 535.
7. Иншаков С.М. Криминология: Учебник. – М.: Юриспруденция, 2000. С. 79.
8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 148.
9. Преступность и культура. Под редакцией доктора юридических наук, профессора А.И. Долговой. [Электронный ресурс]. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1999. С. 12. URL: http://crimas.ru/_books/prestupnost_i_kultura_1999.pdf
10. Выготский Л.С. Психология. – М.: Апрель пресс : ЭКСМО-пресс, 2000. С. 569, 590–596; 5, С. 155 .
11. Бибик О.Н. Культурологические аспекты противодействия преступности // Вестник КРУ МВД России. 2016. №2 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskie-aspekty-protivodeystviya-prestupnosti> (дата обращения: 22.03.2021).
12. Морозов Н. Преступность и борьба с ней в Японии. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – С. 98.
13. Квашин В.Е. К проблеме культуры противодействия преступности // Вестник КРУ МВД России. 2016. №2 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-kultury-protivodeystviya-prestupnosti> (дата обращения: 27.03.2021).
14. Анхимова Р.В. Криминогенные последствия воздействий средств массовой информации [Электронный ресурс] // Научный портал МВД России. №1 (29). 2015. С. 50. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24156375_17232797.pdf. (дата обращения: 25.03.2021).
15. ШUTOVA В.Н. Криминология: основные термины и определения [Текст]: учебное пособие / В.Н. ШUTOVA. – Иркутск : Иркутский ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. – С. 18.

References

1. Rejting samykh opasnykh i samykh bezopasnykh stran mira po urovnyu prestupnosti i drugim pokazatelyam. Rezhim dostupa: URL: <https://evroportal.ru/immigratsiya/rejting-samyih-opasnyih-i-bezopasnyih-stran/> (data obrashcheniya: 20.04.2021).
2. Geyer B., Goerlich H. Samuel Pufendorf und seine Wirkungen bis auf die heutige Zeit. Bearbeitet von Gerd Schliebe. Nomos, Baden-Baden, 1996. – 287 S.
3. Dolzhenko O.V. Sotsiokul'turnyye problemy stanovleniya i razvitiya vysshego obrazovaniya: Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. – M., 1995. S. 4.
4. Tishchenko Ye.V. Prestupnost' i kul'tura // Filosofiyaprava. 2017. №4 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-i-kultura> (data obrashcheniya: 22.04.2021).
5. Inshakov S.M. Kul'tura i vozdeystviye na prestupnost'. V knige Prestupnost' i kul'tura. Pod redaktsiyey doktora yuridicheskikh nauk, professora A.I. Dolgovoy. – M.: Kriminologicheskaya Assotsiatsiya, 1999. S. 11.

6. *Sorokin P.* Social and Cultural Dynamics. N.Y., 1937. V. 3. P. 535.
7. *Inshakov S.M.* Kriminologiya: Uchebnik. – M.: Yurisprudentsiya, 2000.S. 79.
8. *Fromm E.* Anatomy of human destructiveness. M., 1994.P. 148.
9. Crime and culture. Edited by Doctor of Law, Professor A.I. Dolgovoy [Electronic resource]. – M. : Criminological Association, 1999.S. 12. URL: http://crimas.ru/_books/prestupnost_i_kultura_1999.pdf
10. *Vygotsky L.S.* Psychology. – Moscow: April press: EKSMO-press, 2000. P. 569, 590–596; 5, p. 155.
11. *Bibik O.N.* Cultural aspects of combating crime // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 2 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskie-aspekty-protivodeystviya-prestupnosti> (date of access: 22.03.2021).
12. *Morozov N.* Crime and the fight against it in Japan. – SPb. : Jurid. Center Press, 2003. – P. 98.
13. *Kvashis V.E.* To the problem of the culture of counteracting crime // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 2 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-kultury-protivodeystviya-prestupnosti> (date of access: 03.27.2021).
14. *Ankhimova R.V.* Criminogenic consequences of the influence of the media [Electronic resource] // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 1 (29). 2015.S. 50. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24156375_17232797.pdf. (date of access: 03.25.2021).
15. *Shutova V.N.* Criminology: basic terms and definitions [Text]: textbook / VN Shutova. – Irkutsk: Irkutsk Institute (fil.) VSUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2017. – P. 18.

Егоров Вадим Алексеевич,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права, процесса и криминалистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, город Липецк, vadim.egorov.68@bk.ru

Макаров Иван Николаевич,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью, Институт деловой карьеры, Москва, excellennzz@gmail.com

Иванова Виктория Игоревна,

старший лейтенант юстиции, следственное управление МВД по городу Липецку, город Липецк

ВЫСОКОАВТОНОМНОЕ ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО ВНЕ ЗАКОНА

Аннотация. Статья посвящена обзору мирового рынка беспилотных автомобилей. Мировые автоконцерны сегодня пытаются найти одно из двух направлений, которое станет эффективным не только в эксплуатационном аспекте, но также и обретет статус безопасных транспортных средств в правовом поле. Авторы акцентируют внимание на процесс целесообразности инвестиций и эффективности экономического будущего высокоавтономных транспортных средств, которые влияют на безопасность дорожного движения и экологическую ситуацию в мировом масштабе.

Ключевые слова: высокоавтономные транспортные средства, ВАС, автомобильная промышленность, электромобили, электрогрузовики, цифровая трансформация

Vadim A. Egorov,

Ph.D. of Pedagogic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk, vadim.egorov.68@bk.ru

Ivan N. Makarov,

doctor of Economic Sciences, Docent, Professor at the Department of Management, Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow, excellennzz@gmail.com

Victoria I. Ivanova,

Senior Lieutenant of Justice, Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs in the city of Lipetsk

HIGHLY AUTONOMOUS VEHICLE OUTLAWED

Abstract. The article is devoted to the review of the world market of self-driving cars. Today, global automakers are trying to find one of two directions that will be effective not only in the operational aspect, but also will acquire the status of safe vehicles in the legal field. The authors focus on the process of expediency of investments and the efficiency of the economic future of highly autonomous vehicles, which affect road safety and the environmental situation on a global scale.

Keywords: highly autonomous vehicles, VATS, automotive industry, electric vehicles, electric trucks, digital transformation

Автомобиль, если данный термин можно использовать для высокоавтономного транспортного средства (далее – ВАС), также быстро завоевывает современное пространство, как высокоскоростной «интернет». Сегодня 4G на пятки наступает 5G и остановки не ожидается.

Эксперты Berg Insight провели анализ и в итоге насчитали 200 тысяч беспилотных транспортных

средств в 2020 году. Что дальше? А дальше куда поставим запятую «создать можно, использовать нельзя или создать, можно использовать». [10]

Тренд на использование (эксплуатацию) данного вида транспорта был заложен в начале XX века Ф. Тейлором, который обосновал систему научной организации труда (далее – НОТ), которые сегодня стремительно захватывают все без исключения сферы

жизни общества, например, робот пылесос, робот собеседник, не говоря уже о роботах, которые трудятся на заводах гигантах МЕРСЕДЕС, ФОРД, ВАЗ и т.д.

Пионером в этой области стал Г. Форд, который еще в 1913 году внедрил в производство сборочный конвейер, что позволило в дальнейшем автоматизировать и роботизировать весь процесс производства автомобилей, однако, это породило процесс начала замены людей техникой, который происходит до сих пор и с каждым годом все интенсивнее. [11]

Идея создания такого (беспилотного) автомобиля родом из 70-х годов прошлого века, а именно в 1961 году «учащийся Стэнфорда Джеймс Адамс создал и протестировал первую самоуправляемую тележку, которая управлялась обычным сигналом, посредством кабеля. Но уже второй прототип Стэнфордской тележки был радиоуправляемым». [9]

2015 год стал технологическим прорывом, что связано с появлением первого серийного автомобиля автоконcernа Tesla Model S, который передвигался на дорогах на 100% самостоятельно. [4]

Национальная политика в этой сфере старается не отставать от мировых трендов, что нашло отражение в поручении Президента РФ о разработке комплекса мероприятий по тестированию и постепенному вводу в эксплуатацию беспилотных транспортных средств. [6]

Однако, технологический прогресс, как показывает практика, опережает законодательство, следовательно, другая не менее острая проблема состоит в перспективе законодательного регулирования, которое затрагивает все стороны правоотношений государство-общество-человек, такие как гражданские, административные, уголовные и прочие отрасли отечественного права. Таким образом в итоге, чтобы долгожданный ВАС мог появиться на отечественных дорогах, необходимо создать необходимые правовые и технологические условия для внедрения ВАС в современный транспортный комплекс.

Европейские страны всерьез приступили к решению назревшего вопроса еще в начале 2017 года, но дальше обсуждения страховых программ для ВАС дело не пошло.

Россия также стремится не отставать от новых идей в этой области, но единого мнения в данном вопросе тоже пока нет.

Кроме того, для эффективной работы законодателя в области ВАС необходимо согласовать и найти оптимальное решение такими ведомствами как МВД, МЧС, Минфин, Минцифры, Минэкономразвития и другими. [7]

Мировое сообщество пока не приняло решения в сфере эксплуатации беспилотных транспортных средств, которые заявили о себе еще в 70-х годах прошлого века, а разработчик уже готов приступить

к испытанию летающих беспилотных транспортных средств. [8]

Таким образом, разработчик после долгих лет испытаний может и желает приступить к созданию массового беспилотного транспортного средства, но при этом технологический прогресс зашел в тупик, закон, который регламентировал бы правоотношения не принят. Значит не решенным остаются последствия ДТП, прохождения технического (инструментального) контроля, что важнее техническое состояние ВАС или его программное обеспечение и т.д.

Важно подчеркнуть, что на сегодня непреодолимым препятствием является отсутствие общих правил безопасности, что приводит к замкнутому кругу, когда необходимо создать конструкцию, не зная правил, которым она должна будет соответствовать при эксплуатации. [9]

Мировое сообщество находится в ожидании, что законы будут приняты, а ВАС будет внедрен в транспортный комплекс, а также будут разработаны необходимые мировые нормы, что найдет отражение в национальных законах, а также в системе учёта и организации их движения. [13]

Безопасность дорожного движения с участием ВАС должны обеспечить системы сбора, хранения, учёта и использования данных о ВАС.

Отдельным документом должен стать регламент по расследованию ДТП с участием беспилотников. В европротокол, который сегодня используют страховые компании для компенсации ущерба транспортному средству, необходимо внести изменения. Одно из оптимальных решений - это создание специального фонда, из которого бы возмещался ущерб, когда нет привычного страхового покрытия, средства из которого должны покрывать 100% ответственности с участием ВАС.

Для полноценного и эффективного процесса внедрения данного вида транспорта необходимо внести изменения в Постановление Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 года № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств», которые создадут необходимые условия по эксплуатации ВАС, необходимые для ускоренного развития технологий беспилотного вождения. [5]

Приоритетом по нашему мнению должен стать коммерческий сектор эксплуатации беспилотников. Однако отсутствие нормативно-правовой базы сдерживает развитие экономического сегмента рыночных отношений в использовании ВАС тем более, что большие расстояния могли быть эталоном в использовании ВАС в коммерческих перевозках на российских дорогах.

Но на данный момент ни в одной стране мира подобная нормативно-правовая и технологическая база не созданы.

По мнению участников рынка, в данный момент важнейшим направлением является создание цифровой модели дорог и её последующая интеграция в интеллектуальную транспортную систему (далее - ИТС) города, а также взаимодействие беспилотных автомобилей с этой системой при помощи технологии связи V2X (коммуникации между транспортными средствами). Что в свою очередь могло быть использовано в качестве, «обучения» машины предсказывать поведение других участников дорожного движения.

«Сейчас этот рынок необходимо создавать, в будущем появится некий маркетплейс в виде поставщиков цифровой модели дороги, инфраструктуры, систем V2X, которые будут поставлять данные в автомобили. Это значительно упростит и ускорит разработку беспилотных автомобилей». [14]

Беспилотные автомобили «Яндекса» (их 160 штук) уже могут двигаться в полностью автономном режиме. [15]

Учитывая мировые тенденции в области беспилотных автомобилей, Правительство РФ приоритетным направлением развития утвердило программу по использованию ВАС на дорогах общего пользования РФ до 2023 года.

Главный козырь - использовать все имеющиеся технологические возможности в области создания и использования ВАС.

ВАС, как новый технологический прорыв, займет «свою полосу» и определенное место на мировых и отечественных дорогах.

Российская Федерация занимает огромную территорию, [16] система ГЛОНАС даже сегодня не всегда справляется с построением заданного маршрута, кроме того, дорожное покрытие, нанесение разметок еще далеки даже от оценки «удовлетворительно». Общая протяжённость автомобильных дорог федерального значения в России на 1 января 2020 года составила 57 266,9 км, регионального или межмуниципального – 508 201,3 км. Однако в Росавтодоре указывают, что капитальный ремонт затрагивает преимущественно дороги с высокой интенсивностью движения. [17]

Отечественному законодателю предстоит огромная работа в сфере разработки и принятия за-

конодательства для использования ВАС. Начинать, по нашему мнению, необходимо, во-первых, с разработки и утверждения единых рекомендаций по расследованию ДТП с ВАС в соответствии с международными стандартами (V2X). Во-вторых, увеличить площадь с покрытием 5G для использования беспилотных ТС.

В-третьих, утвердить стандарты страхования ответственности за вред, причиненный ВАС. Главное, законодательно определить, чью ответственность страховать - владельца или оператора беспилотника.

В-четвертых, разработать требования к дорожной инфраструктуре для автоматизированного транспорта, что повлечет изменения в правилах дорожного движения для данного вида транспорта.

Однако, кроме обозначенных проблем существуют и другие, например, проблемы противоправного использования ВАС, что накладывает определенные сложности в санкционировании субъекта и санкции за незаконное использование ВАС.

В Уголовный кодекс РФ необходимо внести изменения, в соответствии с динамикой развития и стремительного использования автомобилей «роботов», в отношении санкции, например, при дорожно-транспортном происшествии в результате которого произошла смерть человека.

Кто виноват? Владелец ВАС, компания, поставляющая программное обеспечение, а в некоторых случаях может быть и спутник (система ГЛОНАС), который выстроил траекторию движения. Все это пока дискуссионные вопросы.

Кроме того, как показывает практика, с появлением нового продукта к нему будет повышен интерес криминальных структур, что повлечет увеличение совершенных преступлений в данном сегменте, в этом случае потребуются включение в составы УК РФ квалифицирующего признака: «с использованием ВАС».

Таким образом, внедрение новых технологий (еще «вчера» это были автомобили на паровой тяге и дирижабль) по сей день встречаются с проблемами законодательного урегулирования. Следовательно, современному законодательству необходимо принимать стремительные вызовы научно-технического прогресса и, если не опережать, то хотя бы следовать в заданном направлении в соответствии с запросами и интересами общества и государства.

Список литературы

1. Беспилотные автомобили в 2020 году. Как далеко продвинулись технологии <https://yandex.ru/turbo/hightech.fm/s/2020/12/11/unmanned-vehicle-new> (дата обращения 15.03.2021).
2. Беспилотные автомобили: Итоги 2020 года <https://se7en.ws/bespilotnye-avtomobili-itogi-2020-goda/> (дата 15.03.2021).
3. Зачем в 2020 году нужны десятки тысяч беспилотников, на которых нельзя ездить <https://vc.ru/transport/94499-zachem-v-2020-godu-nuzhny-desyatki-tysyach-bespilotnikov-na-kotoryh-nelzya-ezdit> (дата обращения 15.03.2021).

4. История Тесла. <https://binaroption.com> (дата обращения 14.03.2021).
5. О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств. Постановление Правительства РФ от 26.11.2018 № 1415 (ред. от 22.02.2020) Собр. законодательства Рос. Федерации». 2018. № 49. Ст. 7619.
6. https://www.rbc.ru/technology_and_media (дата обращения 14.03.2021).
7. <https://iz.ru> (дата обращения 14.03.2021).
8. <https://iz.ru.besplotnykh-avto> (дата обращения 14.03.2021).
9. <https://bespilot.com> (дата обращения 14.03.2021).
10. <https://www.tadviser.ru> (дата обращения 14.03.2021).
11. Autonews: <https://www.autonews.ru> (дата обращения 14.03.2021).
12. <https://bespilot.com/info/istoriya> (дата обращения 14.03.2021).
13. <https://bespilot.com/news/721-china-5g-ai> (дата обращения 14.03.2021).
14. <https://futurist.ru> (дата обращения 14.03.2021).
15. <https://www.kommersant.ru/doc/4730707> (дата обращения 14.03.2021).
16. <https://mintrans.gov.ru/opendata/7705851331-lengthroads> (дата обращения 14.03.2021).
17. <https://rg.ru> (дата обращения 14.03.2021).

References

1. Self-driving cars in 2020. How far has technology advanced <https://yandex.ru/turbo/hightech.fm/s/2020/12/11/unmanned-vehicle-new> (accessed 15.03.2021).
2. Self-driving cars: Results of 2020 <https://se7en.ws/bespilotnye-avtomobili-itogi-2020-goda/> (date 15.03.2021).
3. Why do we need tens of thousands of drones in 2020 that can not be driven <https://vc.ru/transport/94499-zachem-v-2020-godu-nuzhny-desyatki-tysyach-bespilotnikov-na-kotoryh-nelzya-ezdit> (accessed 15.03.2021).
4. History of Tesla. <https://binaroption.com> (accessed 14.03.2021).
5. On conducting an experiment on the pilot operation of highly automated vehicles on public roads. Resolution of the Government of the Russian Federation of 26.11.2018 No. 1415 (ed. of 22.02.2020) of the Russian Federation Legislation Collection. Federation". 2018. No. 49. St. 7619.
6. https://www.rbc.ru/technology_and_media (accessed 14.03.2021).
7. <https://iz.ru> (accessed 14.03.2021).
8. <https://iz.ru.besplotnykh-avto> (accessed 14.03.2021).
9. <https://bespilot.com> (accessed 14.03.2021).
10. <https://www.tadviser.ru> (accessed 14.03.2021).
11. Autonews: <https://www.autonews.ru> (accessed 14.03.2021).
12. <https://bespilot.com/info/istoriya> (accessed 14.03.2021).
13. <https://bespilot.com/news/721-china-5g-ai> (accessed 14.03.2021).
14. <https://futurist.ru> (accessed 14.03.2021).
15. <https://www.kommersant.ru/doc/4730707> (accessed 14.03.2021).
16. <https://mintrans.gov.ru/opendata/7705851331-lengthroads> (accessed 14.03.2021).
17. <https://rg.ru> (accessed 14.03.2021).

Кондратюк Сергей Викторович,

старший преподаватель кафедры Уголовного права и процесса, Тольяттинский государственный университет,
город Тольятти,
kondratyuk.serzh@mail.ru

ДОКАЗЫВАНИЕ ЛИДЕРСТВА В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

Аннотация. Рассмотрены проблемы доказывания занятия высшего положения в преступной иерархии. Установлено, что событие занятия высшего положения в преступной иерархии и способ совершения указанного преступления характеризуются определенными действиями. К их перечню отнесено приобретение лицом привилегированного положения в преступной организации (сообществе), выдвижение кандидатуры на приобретение статуса преступного лидера, проведение воровской сходки, оповещение заинтересованных лиц, выполнение лицом функций высшего лидера преступной иерархии. Криминальная субкультура рассмотрена как основание возникновения и укрепления преступной иерархии в криминализованном социуме. Показано влияние криминальной субкультуры на приобретение лидерского статуса в преступной иерархии. На основании норм и правил криминальной субкультуры определены представители высшего положения в преступной иерархии – вор в законе, положенец, смотрящий. Рассмотрены основные признаки указанных лидеров в преступной иерархии. Подчеркивается значение деятельности таких лидеров для укрепления и распространения криминальной субкультуры. Момент начала занятия лицом высшего положения в преступной иерархии определен как приобретение им привилегированного положения в преступной организации (сообществе). Окончание указанного преступления определено выполнением лидерских функций в преступной организации (сообществе). Конкретизированы причины, способствующие занятию лидерского положения в преступной иерархии. К ним отнесены недостатки государственной политики в сфере экономики, культуры, идеологии. Социальными предпосылками занятия высшего положения в преступной иерархии названы условия распространения криминальной субкультуры в социуме. Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии, дополнен признаками функциональными, статусными и атрибутивными. Доказыванию подлежат обстоятельства выполнения лицом организационно-распорядительной, нормативной, судебной и карательной функций, а также обстоятельства приобретения статусных признаков и обстоятельства приобретения лицом атрибутивных признаков.

Ключевые слова: обстоятельства, подлежащие доказыванию, высшее положение в преступной иерархии, функциональные признаки, статусные признаки, атрибутивные признаки, основные и факультативные признаки, обстоятельства профилактического характера

Sergey V. Kondratyuk,

Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure Department, Togliatti State University, Togliatti,
kondratyuk.serzh@mail.ru

PROVING LEADERSHIP IN THE CRIMINAL HIERARCHY

Abstract. The problems of proving the occupation of the highest position in the criminal hierarchy are considered. It is established that the event of the occupation of the highest position in the criminal hierarchy and the method of committing this crime are characterized by certain actions. Their list includes the acquisition by a person of a privileged position in a criminal organization (community), the nomination of a candidate for the acquisition of the status of a criminal leader, the holding of a thieves' meeting, the notification of interested persons, the performance by a person of the functions of the highest leader of the criminal hierarchy. Criminal subculture is considered as the basis for the emergence and strengthening of the criminal hierarchy in a criminalized society. The influence of criminal subculture on the acquisition of leadership status in the criminal hierarchy is shown. On the basis of the norms and rules of the criminal subculture, representatives of the highest position in the criminal hierarchy are identified – a thief in law, a layman, a lookout. The main features of these leaders in the criminal hierarchy are considered. The importance of the activities of such leaders for strengthening and spreading the criminal subculture is emphasized. The moment when a person begins to occupy a higher position in a criminal diocese is defined as the acquisition of a privileged position in a criminal organization (community). The end of the specified crime is determined by the

performance of leadership functions in the criminal organization (community). The reasons contributing to the occupation of a leadership position in the criminal hierarchy are specified. These include the shortcomings of state policy in the field of economy, culture, and ideology. The social prerequisites for the occupation of the highest position in the criminal hierarchy are the conditions for the spread of criminal subculture in society. The list of circumstances to be proved in the investigation of the occupation of the highest position in the criminal hierarchy is supplemented with functional, status and attribute signs. The circumstances of the performance of organizational and administrative, regulatory, judicial, punitive functions by a person, the circumstances of the acquisition of status attributes, as well as the optional circumstances of the acquisition of attribute attributes by a person are subject to proof.

Keywords: circumstances to be proved, the highest position in the criminal hierarchy, functional, status, attributive signs, main and optional signs, preventive circumstances

Постановка задачи. Эффективность борьбы с организованной преступностью во многом зависит от своевременности выявления лидеров преступной среды, а также пресечения преступной деятельности возглавляемых ими преступных организаций (сообществ) [1]. Часть общества принимает преступную деятельность как условие существования. Его представители придерживаются криминализованных норм и правил. Контингент преступных организаций (сообществ) обозначим как криминализованный социум. Проблемы формирования в нем преступной иерархии привлекают внимание криминологов и социологов. Лидерство в преступной иерархии преследуется по закону (ст. 210¹ УК РФ) [2; 3]. Необходимость доказывания лидерства лица в преступной иерархии обусловлена тем, что уголовно-правовые меры воздействия, применяемые к лицу, занимающему высшее положение в преступной иерархии, обусловлены наличием признаков объективной стороны состава данного преступления. Установлению подлежат обстоятельства, содержащие признаки занятия лицом указанного преступного статуса. Однако, в научной литературе до настоящего времени отсутствуют выводы о доказываемых обстоятельствах занятия высшего положения в преступной иерархии [4; 5]. По мнению ученых, указанные обстоятельства входят в состав частной криминалистической методики расследования [6; 7]. Между тем, как показывает следственная практика, игнорирование данных обстоятельств требует неоправданных усилий со стороны следствия, таких как назначение дополнительных экспертиз, в том числе и криминологической [8]. Между тем очевидно, что включение указанных обстоятельств в перечень подлежащих установлению, способствует экономии процессуальных ресурсов расследования.

Цель статьи формулируется как конкретизация признаков состава преступления занятия высшего положения в преступной иерархии, а также выделение специфических обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию в ходе расследования преступлений данного вида.

Обсуждение. К обстоятельствам, подлежащим установлению в ходе расследования, относятся достаточные объективные данные, свидетельствующие о наличии признаков противоправного деяния. Согласно современным воззрениям, основные признаки преступления, подлежащие установлению, содержатся в его уголовно-правовой характеристике. Научной базой для выделения признаков занятия высшего положения в преступной иерархии признано учение о причинности, прогнозировании, способах подготовки, совершения и сокрытия преступлений данного вида. Эмпирическим материалом для установления таких признаков служит практика раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Обратимся к уголовно-правовым признакам занятия высшего положения в преступной иерархии. Как показывает обзор криминологической литературы, становление преступных лидеров представляет собой длительный процесс [9]. Он сопровождается объективными признаками, свидетельствующими о внедрении конкретного лица в высшие слои иерархии преступной организации (сообщества), действующей в криминализованном социуме, сформировавшемся на определенной территории либо в конкретной сфере социальной деятельности (экономической, политической, идеологической и др.). К таким признакам ученые относят:

- скачкообразные изменения в повышении материального положения;
- приобретение статуса неприкасаемого в рамках определенного социума, придерживающегося правил криминальной субкультуры;
- систематические контакты с уголовными элементами;
- получение необоснованных экономических и социальных привилегий;
- организация личной охраны;
- вложение денежных средств в легальные предприятия либо перечисление их за рубеж.

Отметим, что перечисленные признаки относятся к социально-экономическим. Обобщая мнения авторов [10], выдвигаем социальный признак для за-

нения лидерского положения в преступной иерархии. Действительно, под преступной иерархией понимают систему подчиненности и взаимоотношений между представителями криминализованного социума. Социальная группа, в которой существует преступная иерархия, объединяет лиц, придерживающихся криминальных правил и традиций, то есть в криминализованном социуме активную роль выполняют адепты криминальной субкультуры. Приобретение представителем криминализованного социума высшего статусного положения в преступной иерархии означает получение указанным лицом определенных социальных привилегий. Если в преступной иерархии лицо приобретает авторитет, то это положение обеспечивает ему защиту со стороны преступной организации (сообщества) от уголовного преследования, а также от проблем экономического, политического, идеологического и др. характера. А криминальная организация (сообщество) выделяет собственный ресурс на обеспечение статуса своего лидера. Со своей стороны, такой лидер обязан следовать законам криминальной субкультуры и совершать результативные действия, направленные на укрепление преступной организации (сообщества). В таком случае, высшим лидером преступной иерархии можно назвать участника преступной организации (сообщества), следующего нормам и выполняющего правила криминальной субкультуры. Привилегии такого лидера заключаются в возможности распоряжения ресурсом преступной организации (сообщества) в соответствии с собственными интересами. В итоге можем заключить, что необходимым условием занятия лицом высшего положения в преступной иерархии становится получение им привилегий со стороны преступной организации (сообщества).

Также, на основании вышеизложенного, к необходимым признакам занятия лицом высшего положения в преступной иерархии можно отнести и систематическое выполнение им лидерских функций в составе преступной организации (сообщества). По мнению ученых, лидеры преступной иерархии выполняют функции, соответствующие их лидерскому статусу, в определенном преступном сообществе и в отношении членов других преступных формирований на конкретной территории или в определенной сфере преступной деятельности [11]. Так, поддерживая социальную доктрину преступной иерархии, обращаем внимание, что выполняемые лидером функции адресованы конкретному криминализованному социуму. Указываем, что для структурирования социума необходимо наличие в нем объединяющих его структурных элементов. Рассмотрим некоторые из них.

К основным условиям существования преступного сообщества криминологи и социологи относят наличие структурирующего воздействия в нем, то

есть существование норм и правил, определяющих поведение представителей криминализованного социума [12]. Криминологи справедливо полагают, что регулирующую функцию в преступной организации (сообществе) выполняет криминальная субкультура [13]. Она культивирует в социуме идеи насилия и паразитизма. Средствами этого становятся насаждение антиобщественных норм и правил. Авторы обращают внимание на проникновение в социум криминальной субкультуры посредством употребления жаргона, распространения азартных игр, присвоения кличек, нанесения татуировок и др. Общеизвестно, что такая субкультура представляет угрозу духовному развитию социума, поскольку искажает нравственные ценности, культивирует насилие и ксенофобию среди населения. Таким образом, под криминальной субкультурой понимают систему духовных и материальных ценностей, регламентирующих и упорядочивающих деятельность криминализованного социума. Приверженцы криминальной субкультуры жестко игнорируют общепризнанные моральные ценности и заменяют их системой тюремных правил, проявлениями ксенофобии, жестокости и цинизма, другими формами асоциального поведения.

В соответствии с нормами криминальной субкультуры высшее положение в криминализованном социуме занимает вор в законе. В преступной организации (сообществе) он обладает авторитетом и властью. Вор в законе выполняет в преступном сообществе задачу навязывания и развития норм и правил криминальной субкультуры [14]. На следующей по нисходящей ступени преступной иерархии находятся смотрящие и положенцы. К категории смотрящих причисляют лидера преступного сообщества, обладающего организационно-распорядительными функциями на определенной территории либо в конкретном исправительном учреждении. Смотрящий за общаком (общей воровской кассой) также назначается представителями высших ступеней преступной иерархии. Из числа преступных лидеров назначаются положенцы. В их функции входит сбор средств с предприятий и организаций, а также с физических лиц.

Приобретение лицом статуса высшего положения в преступной иерархии осуществляется в соответствии с правилами, закрепленными в криминальной субкультуре. Способ совершения занятия высшего положения в преступной иерархии, как элемент объективной стороны его состава (ст. 210¹ УК РФ), распределен на последовательность обязательных действий преступника. К таким действиям отнесены следующие: выдвижение кандидатуры на приобретение статуса преступного лидера; проведение воровской сходки, на которой принято положительное решение о присвоении кандидату статуса преступного лидера; подтверждение приобретенного статуса путем опове-

щения заинтересованных лиц и широкого круга нео-пределенных адресатов, а также участие в деятельности преступного сообщества в качестве организатора преступлений. В дополнение отметим, что выдвижению кандидатуры лидера преступной иерархии предшествует приобретение им привилегированного положения в криминализированном социуме [15].

Таким образом, к статусу высшего положения в преступной иерархии относятся: вор в законе, смотрящий и положенец. Они в преступном сообществе обладают безоговорочным авторитетом у носителей криминальной субкультуры [16]. Признаком занятия высшего положения в преступной иерархии становится приобретение лицом искомого статуса в соответствии с процедурой, закрепленной в криминальной субкультуре. Обстоятельства способа занятия высшего положения в преступной иерархии (время, место и др.) подлежат установлению и доказыванию.

Со своей стороны, воры в законе и другие высшие лидеры преступной иерархии обеспечивают существование, воспроизводство, развитие и распространение криминальной субкультуры. Они организуют и регулируют деятельность ее представителей. Высшие лидеры преступной иерархии целенаправленно укрепляют и распространяют криминальную субкультуру. Как правило, это производится путем идеологической обработки населения [17]. В результате внедрения криминальной субкультуры в общественное сознание, в социуме создаются благоприятные условия для культивирования преступной иерархии и укрепления влияния ее статусных лидеров.

Так, криминальная субкультура отображает образ жизнедеятельности лиц, сплотившихся в преступные организации (сообщества), на основе криминальных норм и правил. Распространение криминальной субкультуры способствует занятию лицом лидерского положения в преступной иерархии [18].

Рассмотрим условия распространения и укрепления криминальной субкультуры в криминализированном социуме. Ученые отмечают системный характер деятельности высших лидеров преступной иерархии [19]. В такую систему включаем направления экономическое, культурное и идеологическое.

Следует признать, что значительное влияние на уровень преступности оказывают результаты экономической политики государства. Экономический кризис, снижение жизненного уровня населения повлекли изменения в общественном сознании. Важно отметить распространение идеи допустимости насилия как средства достижения желаемого материального уровня. Результатом процесса прогрессирующей криминализации общества стало стирание граней между правомерным и преступным поведением в сфере экономики [20]. Негативные экономические условия воздействуют на активную часть трудоспо-

собного населения. Отсутствие у нее возможности реализовать себя (получить хорошее образование, достойную работу и др.) относится к числу значимых обстоятельств, способствующих криминализации социума. В итоге можем заключить, что предпосылками для внедрения криминальной субкультуры в общественное сознание, а значит и для укрепления преступной иерархии, становятся негативные последствия экономических процессов.

По нашим наблюдениям, криминальная субкультура в некоторой части замещает некачественные проявления государственной политики в сфере культуры. Нельзя признать результативными усилия соответствующих госучреждений в направлении формирования здоровой, социально-ориентированной культуры. Представляется, что оптимизация указанного направления государственной политики невозможна без привлечения соответствующих учреждений культуры, образования и искусства. В свою очередь формирование системы мер с участием таких организаций позволило бы устранить предпосылки для криминализации общественного сознания.

Авторы отмечают проникновение антиобщественной идеологии во все слои населения [21], а ее экспансия принимает широкий размах, и криминальная субкультура этому, безусловно, способствует. В итоге, создаются благоприятные условия для формирования негативных потребностей, интересов, взглядов, установок, что идет вразрез с проводимой государством социальной политикой [22]. Следует признать свершившимися негативные изменения структуры приоритетов жизни общества, его нравственных основ.

Таким образом, к причинам укрепления преступной иерархии относим в том числе недостатки политики государства в сферах экономики, культуры и идеологии.

Также, условиями существования преступной иерархии становится целенаправленная деятельность ее статусных лидеров. В соответствии с нормами и правилами криминальной субкультуры, высшие преступные иерархии обязаны выполнять собственные функции, направленные на укрепление структуры криминализированного социума.

К основным функциям, выполняемым высшим лидером преступной иерархии, ученые относят организационно-распорядительную, нормативную, судебную, карательную [23]. Выполнение указанных функций предлагаем трактовать в качестве признаков занятия лицом высшего положения в преступной иерархии.

Организационно-распорядительная функция выражается в обязанности высшего лидера преступной иерархии организовывать, то есть планировать, контролировать и обеспечивать ресурсами деятельность возглавляемой им преступной организации

(сообщества). Нормативная функция выражается в том, что высший статусный лидер преступной иерархии формирует нормы и правила преступной идеологии. Они, обычно, распространяются в форме наказов (маяв, прогонов), а по содержанию представляют собой решение, принятое лидером по результатам рассмотрения спора, возникшего между представителями преступной организации (сообщества). Из подобных наказов постоянно формируется нормативная база криминальной субкультуры. Судебная функция высшего лидера преступной иерархии сводится к его обязанности разрешать споры, возникающие между представителями возглавляемой им преступной организации (сообщества). Карательная функция – высший лидер преступной иерархии распоряжается по вопросам применения наказания к нарушителям норм и правил криминальной субкультуры.

Таким образом, выполнение представителем преступного сообщества указанных функций мы включаем в перечень обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию в ходе расследования занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. К основным признакам преступления данного вида относим: функциональные (выполнение функций организационно-распорядительной, нормативной, судебной, карательной) и статусные (назначение в соответствии с правилами криминальной субкультуры вором в законе, положенцем или смотрящим). Установлению подлежат обстоятельства приобретения лицом основных признаков занятия высшего положения в преступной иерархии. На основании вышеизложенного, выделяем и атрибутивные признаки

занятия лицом высшей ступени в преступной иерархии. К ним относим наличие клички, татуировок, аксессуаров и др. Атрибутивные признаки признаем факультативными.

Выводы.

1. Конкретизирован перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии. Событие преступления и способ его совершения характеризуются последовательностью действий лица по приобретению им высшего статусного положения в преступной иерархии и последующее его участие в деятельности преступной организации (сообщества). Показан длящийся характер совершения данного преступления. Установлен момент начала его совершения – включение лица в привилегированную группу преступного сообщества. Момент окончания данного преступления определен как выполнение виновным лидерских функций в преступной организации (сообществе). Обстоятельства, способствующие занятию лидерского положения в преступной иерархии, определены как экономические причины и социальные условия распространения криминальной субкультуры в социуме.

2. Установлены признаки занятия лицом высшего положения в преступной иерархии: функциональные – выполнение преступным лидером организационно-распорядительной, нормативной, судебной и карательной функций; статусные: присвоение лицу, в соответствии с правилами криминальной субкультуры, статуса вора в законе, положенца или смотрящего и атрибутивные: наличие клички, татуировок, аксессуаров и др.

Список литературы

1. Кобец П.Н., Краснова К.А. Криминологические проблемы взаимосвязи рецидивной преступности и бандитизма // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 3. С. 15-20.
2. Якушева Т.В. Уголовная ответственность преступных авторитетов: новеллы законодательства // Уголовное право. 2019. № 3. С. 85-90.
3. Гладких В.И. Одолеет ли новый закон воров в законе? // Российский следователь. 2019. № 5. С. 52-56.
4. Скобликов П.А. Первый приговор по обвинению в занятии высшего положения в преступной иерархии: освещение в СМИ и значение для правоприменительной практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 4 (27). С. 43-51.
5. Степанов-Егиянц В.Г. К вопросу о криминализации занятия лицом высшего положения в преступной иерархии // Российский следователь. 2019. № 5. С. 57-61.
6. Суденко В.Е. Личностно-криминалистические свойства субъектов организованной преступности // Военное право. 2018. № 6 (52). С. 297-303.
7. Асатрян Х.А., Христюк А.А. Характеристика личности преступника, занимающегося организованной преступной деятельностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 40-48.
8. Кондратюк С.В. Судебно-психологическая экспертиза в расследовании преступного лидерства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 4 (43). С. 5-9.
9. Пантюхина И.В., Ларина Л.Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (Ст. 210.1 УК РФ) // Lex russica (Русский закон). 2020. № 10 (167). С. 159-170.
10. Григорьев Д.А., Морозов В.И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 50-58.

11. Агапов П.В., Сухаренко А.Н. Актуальные проблемы борьбы с лидерами преступной среды России // Безопасность бизнеса. 2017. № 5. С. 33-39.
12. Скобликов П.А. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его толкование и применение // Законодательство. 2018. № 2. С. 43-49.
13. Кобец П.Н., Краснова К.А. Основные причины и условия, детерминирующие бандитизм // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 4. С. 5-12.
14. Егорова Н.А., Егоров А.Г. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение дискуссии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 34-44.
15. Кондратюк С.В. Квалификация соучастия в занятии высшего положения в преступной иерархии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (44). С. 24-30.
16. Бычков В.В. уголовно-правовая характеристика занятия высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3 (21). С. 26-31.
17. Герасимова Е.В., Ченчиковский А.Д. Организованная преступность. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его толкование и применение // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 2 (95). С. 177-188.
18. Скобликов П.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: статус или деяние? // Уголовное право. 2019. № 6. С. 81-85.
19. Топильская Е.В. Об особенностях составов преступлений, предусмотренных статьями 210 и 210.1 уголовного кодекса Российской Федерации // Криминалист. 2020. № 2 (31). С. 38-42.
20. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Занятие высшего положения в преступной иерархии как основание уголовной ответственности // Криминалист. 2020. № 2 (31). С. 14-19.
21. Ключ В.В., Зайцев Н.А. Особенности криминалистической характеристики организованной преступности экстремистской направленности // Право Донецкой Народной Республики. 2017. № 2 (6). С. 57-66.
22. Пережогина Г.В. Вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50). С. 43-48.
23. Кондратюк С.В. Способ совершения преступления в структуре занятия высшего положения в преступной иерархии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2 (98). С. 193-199.

References

1. Kobets P.N., Krasnova K.A. Kriminologicheskie problemy vzaimosvyazi retsidivnoi prestupnosti i banditizma // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2011. № 3. С. 15-20.
2. Yakusheva T.V. Ugolovnaya otvetstvennost' prestupnykh avtoritetov: novelly zakonodatel'stva // Ugolovnoe pravo. 2019. № 3. С. 85-90.
3. Gladkikh V.I. Odoleet li novyi zakon vorov v zakone? // Rossiiskii sledovatel'. 2019. № 5. С. 52-56.
4. Skoblikov P.A. Pervyi prigovor po obvineniyu v zanyatii vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii: osveshchenie v SMI i znachenie dlya pravoprimeritel'noi praktiki // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2020. № 4 (27). С. 43-51.
5. Stepanov-Egiyants V.G. K voprosu o kriminalizatsii zanyatiya litsom vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii // Rossiiskii sledovatel'. 2019. № 5. С. 57-61.
6. Sudenko V.E. Lichnostno-kriminalisticheskie svoystva sub'ektov organizovannoi prestupnosti // Voennoe pravo. 2018. № 6 (52). С. 297-303.
7. Asatryan Kh.A., Khristyuk A.A. Kharakteristika lichnosti prestupnika, zanimayushchegosya organizovannoi prestupnoi deyatel'nost'yu // Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2014. № 3. С. 40-48.
8. Kondratyuk S.V. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v rassledovanii prestupnogo liderstva // Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2020. № 4 (43). С. 5-9.
9. Pantyukhinal.V., Larina L.Yu. Problemy reglamentatsii primeneniya ugolovno-pravovoi normy, predusmatrivayushchei otvetstvennost' za zanyatie vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii (ST. 210.1 UK RF) // Lex russica (Russkii zakon). 2020. № 10 (167). С. 159-170.
10. Grigor'ev D.A., Morozov V.I. Kak opredelit' litso, zanimayushchee vysshee polozhenie v prestupnoi ierarkhii? // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2014. № 4 (30). С. 50-58.
11. Agapov P.V., Sukharensko A.N. Aktual'nye problemy bor'by s liderami prestupnoi sredy Rossii // Bezopasnost' biznesa. 2017. № 5. С. 33-39.
12. Skoblikov P.A. Vysshee polozhenie v prestupnoi ierarkhii: ugolovnyi zakon, ego tolkovanie i primeneniye // Zakonodatel'stvo. 2018. № 2. С. 43-49.
13. Kobets P.N., Krasnova K.A. Osnovnye prichiny i usloviya, determiniruyushchie banditizm // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2011. № 4. С. 5-12.
14. Egorova N.A., Egorov A.G. Ugolovnaya otvetstvennost' za zanyatie vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii: prodolzhenie diskussii // Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii. 2020. № 1 (52). С. 34-44.

15. Kondratyuk S.V. Kvalifikatsiya souchastiya v zanyatii vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2021. № 1 (44). S. 24-30.
16. Bychkov V.V. ugovno-pravovaya kharakteristika zanyatiya vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii (stat'ya 210.1 UK RF) // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii. 2019. № 3 (21). S. 26-31.
17. Gerasimova E.V., Chenchikovskii A.D. Organizovannaya prestupnost'. Vysshee polozhenie v prestupnoi ierarkhii: ugovnyi zakon, ego tolkovanie i primeneniye // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2020. T. 1. № 2 (95). S. 177-188.
18. Skoblikov P.A. Zanyatie vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii: status ili deyanie? // Uголовное право. 2019. № 6. S. 81-85.
19. Topil'skaya E.V. Ob osobennostyakh sostavov prestuplenii, predusmotrennykh stat'yami 210 i 210.1 ugovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii // Kriminalist". 2020. № 2 (31). S. 38-42.
20. Burlakov V.N., Shchepel'kov V.F. Zanyatie vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii kak osnovaniye ugovnoi otvetstvennosti // Kriminalist". 2020. № 2 (31). S. 14-19.
21. Klyus V.V., Zaitsev N.A. Osobennosti kriminalisticheskoi kharakteristiki organizovannoi prestupnosti ekstremistskoi napravlenosti // Pravo Donetskoi Narodnoi Respubliki. 2017. № 2 (6). S. 57-66.
22. Perezhogina G.V. Voprosy ugovnoi otvetstvennosti za zanyatie vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2019. № 4 (50). S. 43-48.
23. Kondratyuk S.V. Sposob soversheniya prestupleniya v strukture zanyatiya vysshego polozheniya v prestupnoi ierarkhii // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2021. T. 1. № 2 (98). S. 193-199.

Майстренко Григорий Александрович,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Москва,
g.maisterenko@yandex.ru

Майстренко Анна Григорьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданско-правовых дисциплин, Российский университет нефти и газа имени И.М. Губкина, Москва,
annamajstrenko@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТРУДОВЫМИ МИГРАНТАМИ В РФ

Аннотация. Ни одно государство мира не может успешно развивать экономику, будучи в изоляции. Помимо внутреннего трудового ресурса страны активно используют труд иностранных граждан, прибывающих в государства – реципиенты с целью заработка. Между тем, значимой проблемой остается вовлечение трудовых мигрантов в сферу преступности, рост которой актуализирует проблему исследования причин указанного явления, а также выработку рекомендаций, препятствующих увеличению противоправных, виновных, общественно-опасных деяний, совершаемых как трудовыми мигрантами, так и с их участием, либо направленных против иностранных граждан. В настоящей статье авторы на базе статистического материала последних лет обосновывают значимость исследуемой проблематики, определяют основные причины роста преступности трудовых мигрантов и некоторые возможные пути ее сокращения.

Ключевые слова: трудовые мигранты, преступность, иностранные граждане, личность преступника, социокультурная среда, виктимность, государство-донор, государство-реципиент

Grigory A. Maistrenko,

Ph.D. of Juridical Sciences, Senior Research Officer, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow,
g.maisterenko@yandex.ru

Anna G. Maistrenko,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Gubkin Russian University of Oil and Gas, Moscow,
annamajstrenko@yandex.ru.

TO THE QUESTION ABOUT THE REASONS OF CRIMES COMMITTED BY LABOR MIGRANTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. Currently, no country in the world can successfully develop its economy while in isolation. In addition to the internal labor resource, countries actively use the labor of foreign citizens arriving in recipient states with the aim of earning money. Meanwhile, a significant problem is the involvement of labor migrants in the crime sphere, the growth of which actualizes the problem of studying the causes of this phenomenon, as well as the development of recommendations that prevent the increase in illegal, guilty, socially dangerous acts committed by both labor migrants and with their participation, or directed against foreign citizens. In this article, the author, on the basis of statistical material from recent years, substantiates the significance of the problem under study, identifies the main reasons for the growth of crime among labor migrants and some possible ways to reduce it.

Keywords: labor migrants, crime, foreign citizens, personality of a criminal, socio-cultural environment, victimization, donor state, recipient state

Сосредоточение исследовательского внимания в области проблемы миграции, характерное для различных научных областей в настоящее время, обусловлено увеличением влияния данного фактора на различные сферы жизни государств. Страны, принимающие мигрантов, в том числе трудовых, нередко сталкиваются с необходимостью борьбы с преступлениями, совершаемыми ими, а также их профилактикой. Учитывая, что мигранты часто являются участниками, в том числе, особо тяжких преступлений против жизни и здоровья наименее защищенных категорий граждан, проблема причин их преступной активности требует повышенного внимания как со стороны исследовательского сообщества, так и со стороны органов правопорядка.

Статистика роста преступности на территории Российской Федерации свидетельствует, что пребывание в страну трудовых мигрантов не может не сказываться отрицательным образом на динамике правонарушений. Волны миграционной преступности, безусловно, отличаются в разные годы и зависят от степени интенсификации миграционных потоков в Россию. Так, по данным «РИА-НОВОСТИ», иностранные граждане в последние годы стали чаще совершать преступления. В частности, количество последних с участием представителей иностранных государств, прибывших в Россию, в I квартале 2020 года возросло на 2,2% по сравнению с тем же периодом 2019 года, согласно статистическим материалам МВД РФ [2]. Как отмечали участники совещания в Совете Федерации в 2020 году, никакие механизмы, в настоящее время действующие и призванные успешно адаптировать иностранцев к жизни в России (к примеру, сдача специального экзамена на знание русского языка, истории российского государства и др.), не способны оказать положительного влияния на статистику совершаемых ими преступлений [4]. В этом смысле все меры, применяемые к трудовым мигрантам, на практике часто оказываются не более чем декларативными, в результате чего последние пополняют ряды маргинального элемента, генерируя, тем самым, высокий уровень общественной напряженности. В особенности это касается тех территорий, где плотность трудовых мигрантов является стабильно высокой. В соответствии с данными Росстата, в 2019 году подавляющее большинство мигрантов прибывали в Россию с территории Украины (161 351 человек), Таджикистана (89 553) и Казахстана (86 311) [5]. Несмотря на значительный разброс концентрации трудовых мигрантов по регионам РФ, фактор их влияния на рост преступности вызывает опасения властей и исследователей, и, вместе с тем, желание разобраться в причинах данного явления.

В первую очередь, преступность трудовых мигрантов, по мнению исследователей, равно как и

иные виды преступности, тесным образом связана с личностными характеристиками правонарушителей. Так, многое, по мнению экспертов, зависит от пола, возраста, уровня образования, социального статуса трудового мигранта, прибывающего на территорию Российской Федерации.

Это подтверждается, в частности, точкой зрения Б.С. Волкова, отмечавшего, что в целях повышения раскрываемости преступлений и борьбы с ними совместно с общими характеристиками, свойственными преступникам как отдельной социальной группе, имеют значение те черты, которые соотносятся с отдельными типами преступников, например, грабителями, хулиганами и др. В этой связи, по мнению исследователей, анализ личности преступника обретает не только определенный смысл, но также и практическую значимость [6, с. 28]. Иными словами, внимание к личностным особенностям правонарушителей позволяет наметить пути предупреждения преступных деяний.

Данные статистики свидетельствуют, что вплоть до 2020 года в Российскую Федерацию каждый год прибывало примерно 15-16 млн иностранных граждан, в числе которых 5-6 млн являлись трудовыми мигрантами [7]. При этом Министерство внутренних дел Российской Федерации выдало разрешения на работу чуть более чем 56 тыс. трудовых мигрантов, в числе которых высококвалифицированных специалистов значилось 16 тыс. [7]. Таким образом, большинство приезжающих в страну иностранных граждан с целью исполнения трудовой функции не имеют образования и соответствующей квалификации, в результате чего, как правило, пополняют сегмент низкоквалифицированного труда в отечественной экономике, в рамках выполнения которого, вероятно, могут иметь дело с преступным элементом, не принимаемым на квалифицированные и высокооплачиваемые работы.

В свою очередь, в соответствие со статистическими данными Главного информационного аналитического центра МВД РФ (ГИАЦ МВД РФ), национальный состав преступников-мигрантов не является однородным: он имеет характерные особенности как в зависимости от региона, так и от преобладающего национального элемента в общей структуре миграционного потока в страну. Так, например, в ряде регионов азиатской части России подавляющая часть преступлений совершается выходцами из государств Юго-Восточной Азии, что подтверждает тезис о наличии региональных особенностей, а также о значении некоторых криминологических характеристик преступников-мигрантов [1, с. 11]. Необходимо отметить, что рост преступности среди трудовых мигрантов является одной из причин выступления россиян за ограничение миграционного потока (72 %) [3].

Второй причиной, тесно связанной с первой, и провоцирующей рост преступности среди трудовых

мигрантов, является существенное отличие социокультурной среды российского государства от стран, из которых они прибыли с целью трудоустройства. Указанное обстоятельство, в свою очередь, не может не вызывать трансформации личности и поведения [9, с. 16]. Примером тому может служить принижение традиционных для трудового мигранта ценностных установок и моделей поведения, в силу чего далеко не все иностранные граждане могут подстроиться, либо перестроить привычную картину мира в соответствии с нравственно-культурными доминантами российского общества. Помимо этого, трудовые мигранты могут не понимать разницу в тех правовых требованиях, которые предъявлялись к ним на родине и теми, что действуют на территории России, а также в функциях, которые реализуют в социуме контрольно-надзорные органы страны-донора и страны-реципиента. Наконец, многие трудовые мигранты, прибывшие в Россию, имеют весьма отдаленные представления относительно особенностей повседневной жизни и быта россиян.

Как следствие, принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства, граждане других стран, прибывшие в Россию с целью исполнения трудовой функции, могут переносить свои национальные стереотипы на российские реалии. Это усугубляется и, отчасти, провоцируется психологическими факторами, к числу которых относятся опасения трудовых мигрантов, связанные с новыми условиями жизни и деятельности, разрыв привычного круга социальных связей, возникновение в подавляющем большинстве случаев языкового барьера. В сочетании с негативным отношением к трудовым мигрантам в России указанные факторы создают благоприятную почву для развития преступности. Наконец, третьей причиной, способствующей росту преступлений, в которые вовлечены мигранты, является их виктимность, то есть склонность становиться жертвой обстоятельств. В данном случае виктимность не следует понимать, как желание трудовых мигрантов быть участниками преступных деяний: в данном случае, речь идет об их невозможности по различным причинам противостоять ситуациям вовлечения в особо опасные и противоправные ситуа-

ции. В отличие от предыдущих факторов, создающих благоприятную среду для совершения преступных деяний самими трудовыми мигрантами, виктимность ставит их в положение жертвы. Этому способствуют вышеуказанные обстоятельства, к числу которых следует отнести правовую и социальную незащищенность мигрантов, отсутствие знания русского языка на уровне, необходимом для свободного общения с его носителями и др. Результатом становится вовлечение трудовых мигрантов в разного рода противоправные ситуации, начиная с финансового мошенничества и оканчивая нарушением прав и свобод человека. Это, в свою очередь, создает почву для социального напряжения между трудовыми мигрантами и населением России как страны-реципиента, принимающей трудовую силу. Безусловно, в первую очередь, это объясняется незнанием трудовыми мигрантами своих прав и обязанностей, закрепленных в российском законодательстве, в частности, в статье 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [8]. В этой связи трудовые мигранты нередко могут оказаться в позиции жертвы и встать на путь совершения преступлений.

Подводя итоги, следует отметить, что все перечисленные причины, провоцирующие вовлечение трудовых мигрантов в преступный мир, к числу которых относятся их личностные характеристики, особенности чужой социокультурной среды и виктимность, нуждаются в устранении, что позволит сократить рост преступности с участием трудовых мигрантов. Представляется, что этому будет способствовать разработка унифицированной системы правового контроля за трудовой деятельностью иностранных граждан на территории России, а также дифференцированных мер, нацеленных на адаптацию и успешную интеграцию представителей иностранных государств, прибывших в Россию с целью исполнения трудовых функций, в местное общество. Ориентация российского государства на работу с различными категориями мигрантов позволит избежать роста их вовлеченности в преступную среду.

Список литературы

1. Военкова Е.А. Криминологическая характеристика преступника-мигранта // Диалог. 2017. № 1 (6). – С. 11- 15.
2. Иностранцы в 2020 году стали чаще совершать преступления в России // РИА-НОВОСТИ. 23.04.2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20200423/1570458362.html> (дата обращения: 20.05.2021).
3. Как в Германии: сколько мигрантов в России // Газета.ru. 10.10.2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/10/10/12747578.shtml> (дата обращения: 20.05.2021).
4. Количество преступлений мигрантов в России поразило: свежие данные // МК.RU. 27.11.2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/11/27/kolichestvo-prestupleniy-migrantov-v-rossii-porazilo-svezhie-dannye.html> (дата обращения: 20.05.2021).
5. Количество трудовых мигрантов в России. 2021 год. Статистика. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://vet-clinic74.ru/trudovoe-pravo/kolichestvo-trudovyh-migrantov-v-rossii-2021-god-statistika#__2021 (дата обращения: 21.05.2021).

6. Личность преступника как предмет уголовно-правового и криминологического исследования / Под ред. Б. С. Волкова. – Казань: Издательство Казанского университета, 1972. – 187 с.
7. Миграционная ситуация в Российской Федерации за 2020 год. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://e-cis.info/cooperation/3782/91012/> (дата обращения: 20.05.2021).
8. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/c137c6f66afe76bc2b195f1d1743662a5fc3d372/ (дата обращения: 21.05.2021).
9. Черепашкин А.С. Криминологическая характеристика преступности трудовых мигрантов // Викимимология. 2015. № 4 (6). – С. 15-18.

References

1. Voenkova E.A. Criminological characteristics of a migrant criminal // Dialog. 2017. № 1 (6). – Pp. 11-15.
2. Foreigners in 2020 became more likely to commit crimes in Russia // RIA-NOVOSTI. 23.04.2020. [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://ria.ru/20200423/1570458362.html> (accessed: 20.05.2021).
3. How in Germany: how many migrants in Russia // Газета.ru. 10.10.2019. [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/10/10/12747578.shtml> (accessed 20.05.2021).
4. The number of crimes of migrants in Russia struck: recent data // MK.RU. 27.11.2020. [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/11/27/kolichestvo-prestupleniy-migrantov-v-rossii-porazilo-svezhie-dannye.html> (accessed: 20.05.2021).
5. Number of migrant workers in Russia. 2021. Statistics. [Electronic resource] – Access mode: URL: https://vet-clinic74.ru/trudovoe-pravo/kolichestvo-trudovyh-migrantov-v-rossii-2021-god-statistika#__2021 (accessed: 21.05.2021).
6. The identity of the criminal as a subject of criminal law and criminological research / Edited by B. S. Volkov. – Kazan: Kazan University Press, 1972. – 187 p.
7. Migration situation in the Russian Federation for 2020. [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://e-cis.info/cooperation/3782/91012/> (accessed 20.05.2021).
8. Federal Law № 115-FZ of 25.07.2002 (as amended on 24.02.2021) «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation». [Electronic resource] – Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/c137c6f66afe76bc2b195f1d1743662a5fc3d372
9. Cherepashkin A.S. Criminological characteristics of the crime of labor migrants // Victimology. 2015. № 4 (6). – p. 15-18.

Муртузалиев Али Муртузалиевич,

подполковник полиции, адъюнкт Академии управления МВД России, Москва,
murtuzaliev_ali1974@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Рассматриваются полномочия должностных лиц органов дознания сообразно их участия в производстве следственных действий, основные элементы правового статуса руководителей органов расследования преступлений органов внутренних дел. Законодатель не дает определения понятию «правовой статус», но анализ материалов и литературы позволяет сделать вывод о том, что к основным элементам этого понятия относятся: права руководителя, обязанности руководителя, требования к служебному поведению, ограничения и запреты, связанные со службой, ответственность руководителя и др. Рассматриваются функциональные ориентиры процессуального руководства расследованием как результат деятельности начальников органов и подразделений дознания, а также их роль в системе уголовного процесса и в практике расследования уголовных дел.

Ключевые слова: дознаватель, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, орган дознания, процессуальное руководство, функциональные ориентиры процессуального руководства

Ali M. Murtuzaliev,

police Lieutenant Colonel, adjunct of the Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow,
murtuzaliev_ali1974@mail.ru

FUNCTIONAL GUIDELINES IN THE ACTIVITIES OF THE BODIES OF INQUIRY FOR THE IMPLEMENTATION OF THE INVESTIGATION

Abstract. The author considers the powers of the officials of the bodies of inquiry in accordance with their participation in the production of investigative actions, the main elements of the legal status of the heads of the bodies of investigation of crimes of the internal affairs bodies. The legislator does not define the concept of "legal status", but the analysis of materials and literature allows us to conclude that the main elements of this concept include: the rights of the head, the duties of the head, the requirements for official behavior, restrictions and prohibitions related to the service, the responsibility of the head, etc. The functional guidelines of the procedural management of the investigation are considered as a result of the activity of the heads of the bodies and departments of the inquiry, as well as their role in the system of criminal procedure and in the practice of investigating criminal cases.

Keywords: inquirer, head of the body of inquiry, head of the unit of inquiry, body of inquiry, procedural guidance, functional guidelines of the procedural guidance

Занимая должность рядового и начальствующего состава и становясь федеральными государственными служащими, сотрудники органов внутренних дел получают полномочия, дающие им право выступать от имени государства. Правовой статус сотрудников, обладая общими чертами с правовым статусом иных субъектов государственной службы, характеризуется рядом особенностей, которые придают им иную качественную определенность.

К участникам проверки сообщения о преступлении можно отнести несколько категорий лиц, из которых выделяются в первую очередь, уполномоченные государством органы и лица, которые эту

проверку проводят. К ним относятся перечисленные в законе следователь и руководитель следственного органа (далее - РСО), дознаватель и орган дознания. Перечень этот следует расширить, включив в него начальника органа дознания (далее - НОД), начальника подразделения дознания (далее - НПД).

Методологически отталкиваясь от роли указанных субъектов в уголовно-процессуальной деятельности, принимая во внимание характер правоотношений, составляющих содержание следственных действий, автор приходит к выводу о возложении на них двух процессуальных функций: субъекта-распорядителя и субъекта-познавателя.

В этом контексте рассматриваются теоретические и практические проблемы участия в следственных действиях и расследовании дознавателя, НПД и НОД.

Внесем некоторые уточнения для последующего сравнения по форме расследования как дознание и органу дознания. Отметим, что в связи с обновлением уголовно-процессуального законодательства, институт дознания также претерпел существенные изменения.

Анализ ст. 40 УПК РФ позволяет сделать вывод, что участники уголовного судопроизводства с учетом объема их полномочий, подразделяются на две группы. В первую группу входят те органы дознания, которые наделены правом возбуждать уголовные дела и проводить дознание в полном объеме по уголовным делам, по которым предварительное расследование не обязательно. Вторую группу образуют субъекты уголовно-процессуальной деятельности, уполномоченные возбуждать уголовные дела и проводить неотложные следственные действия по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно (ч. 2 ст. 40 УПК РФ).

При этом во второй группе речь идет о субъектном составе. Он существенно шире по сравнению с субъектным составом первой группы. Это обусловлено тем, что неотложные следственные действия вправе проводить не только органы дознания, как например: органы внутренних дел, таможенные органы, служба судебных приставов и др., но и отдельные должностные лица, например: капитаны морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, главы дипломатических консульств и др. (ч. 2, 3 ст. 40, ст. 157 УПК РФ).

Кроме того, указанные органы дознания и уполномоченные должностные лица с учетом своей компетенции также подразделяются на две категории. Первую категорию составляют те из них, которые уполномочены возбуждать уголовные дела и осуществлять неотложные следственные действия в пределах своей компетенции: органы внутренних дел, пограничные органы Федеральной службы безопасности, командиры воинских частей и соединений, начальники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Минюста России и др.

Ко второй категории относятся субъекты уголовно-процессуальной деятельности, наделенные правом возбуждать уголовные дела и осуществлять неотложные следственные действия только в рамках своей компетенции и территории обслуживания. Это капитаны морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании (по уголовным делам о преступлениях, совершенных на данных судах); руководители геологоразведочных партий и зимовок, удаленных от места расположения органов дознания (по уголовным делам о преступлениях, совершенных по месту нахождения данных партий и зимовок); главы дипло-

матических представительств и консульских учреждений Российской Федерации (по уголовным делам о преступлениях, совершенных в пределах территории данных представительств и учреждений).

Отметим, что подследственность субъектов первой категории шире подследственности субъектов второй категории. Первая характеризуется, как минимум, двумя признаками: родовым и территориальным, вторая же категория – только территориальным признаком.

Однако, независимо от принадлежности органов дознания к той или иной категории или группе, непосредственно функцию дознания осуществляют дознаватели, а во второй категории их нет. Заметим, что данный термин был введен в оборот УПК РФ только в 2001 году. До этого момента использовался термин «лицо, производящее дознание». В соответствии с ч. 7 ст. 5 УПК РФ дознаватель – это должностное лицо органа дознания, правомочное или уполномоченное НОД осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные данным Кодексом. Если обратиться к первоначальной редакции упомянутой нормы УПК РФ, то можно увидеть, что под дознавателем понималось лицо органа дознания, правомочное осуществлять предварительное расследование в форме дознания. Данное понятие не касалось лица, назначенного на должность дознавателя, а также лица, производящего по поручению начальника органа дознания неотложные следственные действия по уголовным делам, подследственным органам предварительного следствия. Следовательно, явно была необходимость в таком поручении, которая существует и по сей день. Это диктуется тем обстоятельством, что, например, в уголовно-исполнительной системе Минюста России нет должности штатного дознавателя. Начальник учреждения или органа уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) Минюста России, наделенный полномочиями на производство неотложных следственных действий, по некоторым объективным причинам расследованием преступлений не будет заниматься непосредственно сам, в чем нам видится некое противоречие с нормами закона. Практика показывает, что он, зачастую, производство неотложных следственных действий возлагает на наиболее подготовленного в правовом отношении сотрудника своего учреждения или органа. Насколько делегирование указанных уголовно-процессуальных полномочий начальником учреждения (органа) УИС Минюста России своему подчиненному сотруднику является законным, можно ли признавать доказательства, полученные последним в ходе расследования преступлений, – эти вопросы являются предметом многих научных дискуссий и на данный момент нет однозначного ответа на них.

29 мая 2002 года в редакцию ч. 7 ст. 5 УПК РФ Федеральным законом были внесены изменения, согласно которых расширился список лиц, подпадавших под понятие «дознатель». К ним также стали относиться лица, правомочные осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ. Но и новая редакция ч. 7 ст. 5 УПК РФ оказалась недостаточной, поскольку не облегчала производство неотложных следственных действий отдельными участниками уголовного судопроизводства, как например начальниками подразделений УИС Минюста России. Поэтому в ч. 7 ст. 5 УПК РФ 4 июля 2003 года было внесено очередное изменение, делающее более удобной в правоприменении рассматриваемую дефиницию уголовно-процессуального закона.

Сегодня в соответствии с ч. 3 ст. 151 УПК РФ штатные дознаватели предусмотрены в таких государственных органах, как органы внутренних дел (далее – ОВД), пограничные органы федеральной службы безопасности, служба судебных приставов Минюста России, таможенные органы, органы Государственной противопожарной службы, органы Государственного комитета по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (сокращенное с июня 2016 года). Все дознаватели обладают равным процессуальным статусом вне зависимости от различной ведомственной принадлежности. Их компетенции разграничиваются только в связи с различной подследственностью уголовных дел.

Напомним, что в Большом юридическом словаре термин «процессуальный статус» понимается как «установленное нормами процессуального права положение его субъектов, совокупность их прав и обязанностей» [8]. В отличие от УПК РСФСР УПК РФ содержит отдельную статью, регламентирующую в систематизированном виде полномочия дознавателя по производству следственных и иных процессуальных действий, принятию процессуальных решений (ст. 41 УПК РФ).

Отметим также, что дознаватель имеет право с согласия прокурора возбудить перед судом ходатайство об избрании в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, меры пресечения в виде заключения под стражу. Однако реализация данного права в случае удовлетворения судом ходатайства накладывает на дознавателя и соответствующую обязанность – составить обвинительный акт не позднее 10 суток со дня заключения лица под стражу.

В случае, когда составить обвинительный акт не представляется возможным, в предусмотренный законом срок предъявляется обвинение либо данная мера пресечения отменяется, при этом форма расследования преступления остается прежней (ст. 224 УПК РФ).

Под составлением обвинительного акта (обвинительного постановления) понимается принятие

ряда важных процессуальных решений, имеющих самостоятельный характер при осуществлении предварительного следствия: формулирование обвинения, составление итогового процессуального документа, в котором отражается результат исследования обстоятельств совершенного преступления, определяется степень вины лица, в отношении которого составлен обвинительный акт и др. Обвинительный акт утверждается начальником органа дознания. Следует отметить, что правовым следствием составления обвинительного акта (обвинительного постановления) выступает изменение уголовно-процессуального статуса лица, подозреваемого в совершении преступления. Данное лицо становится обвиняемым, приобретая при этом определенную отличительную совокупность прав и обязанностей в уголовном судопроизводстве.

С учётом вышеизложенного полагаем, что рассмотрение соотношения понятий «орган дознания», «НОД», «дознатель» имеет определенный интерес.

Анализ уголовно-процессуального законодательства в большей части склоняет к отождествлению понятий «орган дознания» и «НОД». Данное умозаключение поддерживается и некоторыми другими учеными. Так, с 1993 года и до настоящего времени, актуально утверждение Ю.Д. Лившица и Т.К. Биятова, что «...если начальник органа дознания производит дознание лично, то он выступает в качестве органа дознания, а не дознавателя. Более того, данная позиция находит отражение и в ведомственных приказах органов предварительного расследования» [2].

Во-вторых, содержание УПК РФ позволяет усмотреть тот факт, что НОД по сравнению с органом дознания, дознавателем, выступает в качестве участника уголовного судопроизводства довольно редко. Например, в ходе досудебного производства требуется утверждение им обвинительного акта (обвинительного постановления), составленного дознавателем (ч. 4 ст. 225 УПК РФ), по ходатайству дознавателя он вправе до 10 суток продлить срок проверки сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении (в некоторых случаях – до 30 суток) (ч. 3 ст. 144 УПК РФ), в ст. 41 УПК РФ (ч. 4) регламентировано, что указания НОД, данные в соответствии с УПК РФ, обязательны для дознавателя. Как видим, это основные моменты, касающиеся непосредственно статуса НОД. Однако, в законе зачастую речь идет либо об органе дознания, либо о дознавателе.

В-третьих, в УПК РФ ранее не было отдельной статьи, которая детально регламентировала бы уголовно-процессуальный статус начальника органа дознания. Федеральный закон от 30.12.2015 № 440-ФЗ, вступивший в силу 10 января 2016 года, внес в Уголовно-процессуальный кодекс РФ поправки, касаемо процессуального статуса НОД как участника уголов-

ного судопроизводства. В этой связи Глава 6 УПК РФ, регламентирующая полномочия участников уголовного процесса, осуществляющих функцию уголовного преследования и обвинения дополнена ст. 40² УПК РФ, согласно которой «начальник органа дознания – это должностное лицо, возглавляющее соответствующий орган дознания, а также его заместитель» [7]. Кроме того, в данной норме закона закреплён перечень его полномочий, которые ранее были названы более чем в десяти статьях УПК РФ.

Помимо этого, данной статьёй предусмотрено, что НОД по отношению к дознавателям, уполномоченным им осуществлять предварительное расследование в форме дознания, обладает полномочиями НПД, установленными ст. 40¹ УПК РФ. Так, эти положения включают в себя следующие действия: поручать проверку сообщения о преступлении, принимать по нему решения; лично рассматривать сообщения о преступлении и участвовать в их проверке; продлевать срок проверки сообщения о преступлении; проверять материалы проверки сообщения о преступлении и материалы уголовного дела, находящиеся в производстве органа дознания, дознавателя; давать дознавателю письменные указания о направлении расследования; рассматривать материалы уголовного дела; утверждать обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу и иные полномочия.

Отсюда следует, что НОД – это самостоятельная процессуальная фигура с правом пользования всеми вышеперечисленными процессуальными полномочиями органа дознания.

Следовательно, было бы целесообразней составление итогового процессуального документа – обвинительного акта (ныне обвинительного постановления) НОД. Но такого права у данного должностного лица нет, поскольку ст. 225 УПК РФ регламентирует, что обвинительный акт (обвинительное постановление) составляется дознавателем. Выходит, что начальник органа дознания в полном объёме осуществляет расследование преступления в форме дознания, а обвинительный акт по итогам расследования должен будет составлять дознаватель данного органа дознания с последующим утверждением его у начальника этого же органа дознания. На наш взгляд, это неоправданно и в некоторой степени затрудняет производство дознания. Исходя из вышеизложенного, полагаем обоснованным ч. 1 ст. 225 дополнить «По окончании дознания» словосочетанием «орган дознания».

Следует отметить, что на практике, как правило, в качестве органа дознания выступает не НОД, а группа должностных лиц или уполномоченные сотрудники, одной из служб, либо подразделения, единолично. Первый – является руководителем группы, другие участники группы – дознавателями. Посколь-

ку не во всех органах дознания предусмотрены штатные дознаватели, то к выполнению следственных и иных процессуальных действий привлекаются должностные лица органа дознания, наиболее подготовленные в уголовно-процессуальной сфере. Часть 7 ст. 5 УПК РФ разрешает это на вполне законных основаниях.

Одновременно с этим заметим, что уголовно-процессуальный статус дознавателя и должностного лица органа дознания, уполномоченного НОД осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ, существенно отличаются друг от друга. Первый более свободен в своих действиях. Производство следственных, а также иных процессуальных действий он не обязан согласовывать с НОД, за исключением тех, которые требуют санкции НОД, прокурора или решения суда. Уполномоченное же должностное лицо должно полностью согласовывать ход расследования преступления, а подготовленные им процессуальные документы в обязательном порядке должны быть завизированы НОД. В противном случае они будут признаны как недопустимые доказательства. Разумеется, в первом случае ответственность за результаты расследования преступления несет, прежде всего, дознаватель, во втором случае – НОД.

Вместе с тем, если рассмотрим специализированные подразделения дознания, основной задачей которых является осуществление в соответствии с законодательством Российской Федерации производства дознания по уголовным делам, то их возглавляет НПД (его заместитель), полномочия которого определены в ст. 40¹ УПК РФ. Наряду с этим, в формате досудебного производства на начальника территориального органа, как на НОД, возлагаются обязанности по организации служебной деятельности специализированного подразделения дознания [9], а также по осуществлению процессуального руководства дознавателями, в производстве которых находятся уголовные дела.

В научных кругах бытует мнение, что для соответствующего осуществления процессуального контроля за законностью производства дознания приведенных выше полномочий недостаточно. В частности, некоторые из авторов рекомендуют наделить НОД правом отменять незаконные и необоснованные постановления дознавателя, среди которых их обжаловании участниками процесса [10]. В настоящее время такими правами обладает прокурор. С такой точкой зрения, наверное, следует согласиться, так как УПК РФ, наделяя НОД правом проверять материалы проверки и материалы уголовного дела, не предоставляет ему средств реагирования при обнаружении незаконных и необоснованных решений дознавателя. Помимо этого, наличие у НОД права по даче письмен-

ных указаний о направлении расследования предполагает на их исполнение временные затраты, тогда как исправление процессуальных ошибок зачастую требует безотлагательной реакции, и задержка может привести к нарушению прав и законных интересов граждан. Более того, уместно наделить аналогичным полномочием и НПД в отношении подчиненных ему дознавателей. В свою очередь, в рамках процессуального контроля НОД наделяется также правом отменить решения НПД. Прокурор в данной ситуации не теряет своих полномочий, его надзорная деятельность за органом дознания в такой ситуации служит дополнительной гарантией законности и обоснованности принимаемых дознавателями и органом дознания решений.

Мы также поддерживаем мнение о необходимости предоставления НОД права утверждать ходатайства дознавателя о производстве некоторых следственных действий, которые могут быть произведены только по судебному решению. Предполагаем, что такое расширение процессуальной компетенции НОД поможет сократить время, затрачиваемое на принятие процессуальных решений. К тому же, это не должно быть дублированием надзорных процессуальных полномочий прокурора, поскольку он в обязательном порядке участвует при рассмотрении ходатайств такого рода в силу п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ [1, 5].

Считаем, что, по существу, руководство процессом дознания осуществляет НОД. Нам также близка точка зрения Б.Я. Гаврилова, О.А. Малышевой [3] и некоторых других авторов, высказывавших мнение о том, что «... на самом деле, ввиду его загруженности иной административно-правовой, разрешительной, оперативно-розыскной деятельностью, такое руководство носит формальный характер» [7, 4]. Более того, такая контрольно-процессуально-надзорная система контроля из НПД, НОД, прокурора представляется излишне громоздкой. Учитывая последнее, рекомендуется передать полномочия процессуального контроля за законностью расследования в форме дознания НПД, поскольку он, будучи ближе к подчиненным дознавателям, действительно может обеспечить процессуальное руководство ходом дознания. Но есть и сторонники другой точки зрения, которые настаивают «... на сохранении процессуальных функций НОД» [6]. На наш взгляд, мы также можем согласиться с таким подходом, но с определенными уточнениями, поскольку круг лиц, в отношении которых осуществляется процессуальный контроль НПД и НОД, отличается. Иными словами, очевидно, что на основании ст. 40¹ УПК РФ НПД осуществляет процессуальный контроль только в отношении подчиненного ему дознавателя, но не в отношении других сотрудников органа дознания. При этом НОД осуществляет процессуальный контроль за всеми должностны-

ми лицами органа дознания, на которых могут быть возложены полномочия дознавателя, что следует из содержания ч. 2 ст. 40² УПК РФ. Мы считаем целесообразным установить процессуальный контроль НОД в отношении других, за исключением дознавателей, должностных лиц органов дознания, в отношении которых контроль должен осуществлять только НОД.

Это предложение следует из анализа специфики предметной деятельности НОД и НПД, разносторонний характер которой во многом определяют существенные характеристики должностных лиц, осуществляющих процессуальное руководство по уголовным делам, находящимся в производстве подчиненных сотрудников. Особенность состоит в том, что они основаны на нормах УПК РФ и направлены на субъекта, осуществляющего производство по уголовному делу о преступлении, отнесенному к его подследственности.

Поэтому воздействие, оказываемое руководителем территориального органа МВД России как НОД, так и НПД на соответствующего подчиненного, должно соответствовать его предметной деятельности. Соответственно, управляющие воздействия в отношении лица, осуществляющего процессуальную деятельность, должны соответствовать требованиям уголовно-процессуального законодательства.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что процессуальное руководство осуществляется в форме управляющего воздействия процессуального характера.

Во-первых – оно реализуется специально ограниченным уголовно-процессуальным законодательством кругом должностных лиц, оказывающих в установленных им пределах и формах влияние на сознание и волю должностных лиц, осуществляющих непосредственное расследование уголовных дел о преступлениях, отнесенных к их компетенции, в целях приведения их деятельности в соответствие с требованиями УПК РФ, рекомендациями криминалистики и научной организации труда.

Во-вторых – характер, форма и внутреннее содержание управляющего воздействия процессуального характера, осуществляемого указанными должностными лицами, осуществляющими процессуальное руководство следователями или дознавателями, а также форма и методы обратной связи, будут зависеть от их процессуального статуса, который вытекает из единства, целостности и общей обязательности уголовно-процессуального порядка, установленного на всей территории Российской Федерации.

Следует отметить, что процессуальное управляющее воздействие должно быть облачено в установленную УПК РФ форму: письменное указание (п. 3 ч. 1, ч. 3 ст. 39, п. 2 ч. 3 ст. 40¹, п. 4 ч. 1 ст. 40²), поручение (п. 17 ст. 5, п. 1 ч. 1 ст. 39, п. 1 ч. 1 ст. 40¹, п. 1 ч. 1 ст. 40²) и

другие. Соблюдение установленной формы – гарантия соблюдения законности в деятельности субъекта управления.

Проводя сравнительный анализ процессуальных полномочий должностных лиц, осуществляющих процессуальное руководство подчиненными, можно выделить только одно полностью наделенное полномочиями лицо – руководителя органа предварительного следствия.

Несмотря на то, что вышеупомянутые участники уголовного судопроизводства тесно взаимодействуют друг с другом в ходе уголовного преследования, каждый из них при этом сохраняет строго закрепленный законом уголовно-процессуальный статус.

Задачей усовершенствования полномочий рассмотренных выше субъектов на современном

этапе является дальнейшее формирование теоретической основы их деятельности, которое даст возможность строго и безупречно обозначить процессуальные возможности НОД, соотношение его полномочий с полномочиями других субъектов уголовного процесса. Определение функциональных ориентиров расследования как результата процессуального руководства призвано уточнить и раскрыть уже установленные полномочия НОД и генерировать новые, которые бы способствовали повышению эффективности процессуального руководства.

Реализация этого функционального ориентира во многом связана с системой организации органов дознания в системе МВД России, спецификой выполнения ими процессуальной и служебной деятельности.

Список литературы

1. Душанкина М.В. Проблемы определения полномочий начальника подразделения дознания органов внутренних дел // Право и жизнь. 2010. № 5. С. 23.
2. Лившиц Ю.Д., Биятов Т.К. О сущности дознания и его субъектах // ОВД в условиях судебно-правовой реформы в России. Омск: ВИМ, 1993. С. 46.
3. Малышева О.А., Гаврилов Б.Я. Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы: монография / О.А. Малышева, Б.Я. Гаврилов; под научной редакцией Б.Я. Гаврилова. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. - 307 с.
4. Митькова Ю.С. К вопросу о процессуальных полномочиях начальника подразделения дознания // Вестн. Волгогр. акад. МВД. 2011. Вып. № 4. С. 96.
5. Митюкова М.А. К вопросу о процессуальных полномочиях начальника органа дознания/Митюкова М.А. // Сибирский юридический вестник. 2016. Вып. № 2. С. 115-123.
6. Морева О.С. Дознание как форма предварительного расследования в современном уголовном судопроизводстве: автореферат дис. ... к.ю.н. - Москва, 2008.- 26 с. С. 21-22.
7. Седова Г.И. «Некоторые вопросы организации и процессуальной деятельности органов дознания» / В кн.: Следственная деятельность: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-прак. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения профессора В.А. Дубровного (г. Саратов, 10 ноября 2015 года) / ред. кол.: Ю.В. Францифоров (отв. ред.) и др; Саратов, 2015. С. 283.
8. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М.: НОРМА-М, 2002. С. 587.
9. О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России: приказ МВД России от 30 апреля 2011 года № 333 (ред. 11.01.2020), Приложение № 1 «Перечень подразделений полиции в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации»
10. Супрун С.В., Горчакова Е.В. О расширении процессуальных полномочий начальника органа дознания в системе МВД России. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3(45). С.120.

References

1. Dushankina M.V. Problems of determining the powers of the head of the department of inquiry of internal affairs bodies // Pravo i zhizn. 2010. №. 5. p. 23.
2. Livshits Yu.D., Biyatov T.K. About the essence of the inquiry and its subjects // OVD in the conditions of judicial and legal reform in Russia. Omsk: VIM, 1993. p. 46.
3. Malysheva O.A., Gavrilov B.Ya. Pre-trial proceedings in the Russian criminal process: theory, practice, prospects: monograph / O.A. Malysheva, B.Ya. Gavrilov; under the scientific editorship of B.Ya. Gavrilov. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. - 307 p.
4. Mitkova Yu.S. On the question of the procedural powers of the head of the inquiry unit // Vestn. Volgogr. akad. MVD. 2011. Issue № 4. p. 96.
5. Mityukova M.A. On the question of the procedural powers of the head of the body of inquiry/Mityukova M.A. // Siberian Legal Bulletin. 2016. Issue № 2. pp. 115-123.
6. Moreva O.S. Inquiry as a form of preliminary investigation in modern criminal proceedings: abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences-Moscow, 2008. - 26 p. p. 21-22.

7. *Sedova G.I.* "Some questions of the organization and procedural activity of bodies of inquiry» / In the book: Investigative activity: past, present, future: collection of articles on mater. International Scientific practice. conf., dedicated. to the 90th anniversary of the birth of Professor V. A. Dubrivny (Saratov, November 10, 2015) / ed. Col.: Yu. V. Franciforov (ed.) and others; Saratov, 2015. p. 283.
8. *Bolshoy yuridicheskiy slovar'* / Edited by A. Ya. Sukharev, V. E. Krutskikh. M.: NORMA-M, 2002. P. 587.
9. On some organizational issues and the structural structure of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of April 30, 2011 № 333 (ed. 11.01.2020), Appendix No. 1 "List of police units in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»
10. *Suprun S.V., Gorchakova E.V.* On the expansion of the procedural powers of the head of the body of inquiry in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. // Legal science and law enforcement practice. 2018. No. 3(45). p. 120.

Тарасов Евгений Александрович,

кандидат технических наук, доцент кафедры Строительной техники и инженерной механики,
Воронежский государственный технический университет, город Воронеж,
382652@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ С АППАРАТНО-ПРОГРАММНОГО КОМПЛЕКСА АВТОМОБИЛЯ ПРИ МОДЕЛИРОВАНИИ РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМА ДОРОЖНО- ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ С НАЕЗДОМ НА ПЕШЕХОДОВ

Аннотация. Цель исследования – описание возможностей применения аппаратно- программных комплексов для получения объективной информации в процессе подготовки материалов анализа дорожно-транспортного происшествия. Автором сделаны выводы о возможности и необходимости применения аппаратно-программных комплексов автомобиля при анализе механизма развития ДТП с наездом на пешехода. Представлены результаты исследований при использовании аппаратного-программного комплекса Bosh-CDR для получения данных о состоянии транспортного средства и работе электронных систем автомобиля при расследовании дорожно-транспортного происшествия. Делается вывод, что использование объективной информации, полученной от бортовой электроники транспортного средства может оказать существенную помощь в расследовании ДТП с наездом на пешеходов.

Ключевые слова: аппаратно-программный комплекс автомобиля; автотехническая экспертиза; наезд на пешехода; механизм ДТП

Evgenii A. Tarasov,

Ph.D. of Engineering Sciences, Associate Professor at the Department of Construction machinery and Engineering mechanics, Voronezh state technical University, Voronezh,
382652@mail.ru

THE POSSIBILITY OF USING OBJECTIVE INFORMATION FROM THE CAR'S HARDWARE AND SOFTWARE COMPLEX IN MODELING THE DEVELOPMENT OF THE MECHANISM OF AN ACCIDENT WITH A HIT-AND-RUN ON PEDESTRIANS

Abstract. The purpose of the study is to describe the possibilities of using hardware and software systems to obtain objective information in the process of preparing materials for the analysis of road accidents. Conclusions are drawn about the possibility and necessity of using the hardware and software complexes of the car in the analysis of the mechanism of development of an accident with a hit-and-run on a pedestrian. The results of studies using the Bosh-CDR APC to obtain data on the state of the vehicle and the operation of the vehicle's electronic systems during the investigation of a traffic accident are presented. It is concluded that the use of objective information obtained from the vehicle's on-board electronics can provide significant assistance in the investigation of accidents involving pedestrians.

Keywords: hardware and software complex of the car; auto technical expertise; hitting a pedestrian; the mechanism of an accident

Введение. Настоящее исследование посвящено вопросам использования данных, зафиксированных компьютерными системами автомобиля, для получения объективной информации о динамических параметрах и состоянии транспортного средства (далее-ТС) в период времени, предшествующий дорожно-транспортному происшествию (далее –

ДТП) с пешеходами. Актуальность вопроса определяется необходимостью получения максимально развернутого представления о механизме развития ДТП с наездом на пешехода. Особенностью такого рода ДТП остается крайне ограниченная возможность получения информации методами транспортно-трассологической экспертизы и необходимость построения

динамической модели происшествия по схеме ВАДС (водитель-автомобиль-дорога-среда) [1]. Использование информации, записанной электронными системами автомобиля, позволяет получить объективные данные о поведении водителя, при этом появляется возможность оценить состояние ТС, уровень воздействия на развитие ситуации штатных ассистентов управления и компьютерных систем, способных изменить поведение ТС независимо от водителя. Активное внедрение средств автоматизации управления вносит коррективы в интерпретацию механизма развития ДТП, поскольку электронные ассистенты способны вмешаться в управление автомобилем и изменить его поведение, что часто оказывается не зависящим от водителя обстоятельством. Фиксация данных датчиков позволяет получить наиболее объективную информацию, но для этого необходимо применение специализированных аппаратно-программных комплексов (далее – АПК). Подобная техника имеет ряд функциональных ограничений, не позволяющих использовать ее повсеместно, а считывание показаний датчиков диагностическими устройствами сервисного назначения не является процессуально корректным способом получения информации.

В современной отечественной и иностранной специальной литературе тема раскрывается весьма спорно, поскольку авторы подобных исследований не успевают охватить весь спектр возможностей электроники, которая встраивается в автомобили как штатная, предусмотренная производителем. Кроме того, остается весьма неоднозначной трактовка положений правил дорожного движения (далее – ПДД) в части мер, которые должен был принять водитель для предотвращения ДТП, поскольку законодательно и процессуально ответственность может быть возложена только на водителя [2].

Автор видит цель данного исследования в описании возможностей применения аппаратно-программных комплексов для получения объективной информации о состоянии ТС, действиях водителя, срабатывании электронных ассистентов и средств предотвращения ДТП с пешеходами для активизации внедрения электронных устройств в процесс подготовки материалов анализа ДТП.

Методы исследования и материалы. Автором исследования был проведен опрос специалистов в области автотехнической экспертизы из 30 организаций (страховых компаний, диагностических центров, экспертных центров, официальных дилеров) с постановкой вопросов по теме:

1. Воздействуют ли штатные системы электронного управления на поведение ТС во время ситуаций, потенциально способных перейти в ДТП?
2. Фиксируются ли данные электронных систем и датчиков в объеме и качестве, позволяющем

использовать их как объективную информацию при моделировании механизма развития ДТП?

3. Используются экспертами эти данные при построении модели ВАДС в суде и при проверке обстоятельств ДТП специалистами страховых компаний?

4. Существуют ли программно-аппаратные средства (комплексы), позволяющие получить данные автомобильной электроники в форме, соответствующей запросам специалистов для объективного использования?

На основании полученных ответов автором были сделаны выводы о возможности и необходимости применения упомянутых средств при анализе механизма развития ДТП с наездом на пешехода.

Результаты исследования. По итогам опроса специалистов была получена картина:

- воздействие электронных систем на поведение ТС подтвердили 95 из 100 опрошенных с оговоркой о психологической готовности водителя принимать все меры к предотвращению ДТП;
- фиксация и считывание данных рассматривают как средства получения информации 90 из 100 опрошенных с оговоркой относительно их недостаточной полноты и ограниченной доступности;
- использование данных подтверждено 55 из 100 опрошенных с оговоркой относительно доступности для считывания и сложности интерпретации для представления в суде;
- существование и практическое применение средств получения информации подтверждено 35 из 100 опрошенных с оговоркой относительно технических ограничений и доступности АПК.

Автор предложил оценить результаты использования АПК Bosh-CDR для получения данных о состоянии ТС и работе электронных систем. С учетом ограничений по моделям ТС (доступность данных) положительные отзывы получены от 73 из 100 опрошенных. На результаты оказало влияние различие в характере участия специалистов в проверках и исследованиях обстоятельств ДТП.

Обсуждение результатов. Активное внедрение электроники делает современный автомобиль техническим комплексом, в котором ассистенты и средства автоматизированного управления (коррекции) постоянно контролируют действия водителя, дорожную обстановку и состояние систем ТС [3]. Для водителя наличие в автомобиле ряда систем означает некоторое снижение психологического давления при принятии ответственных решений, поскольку АПК автомобиля в большинстве случаев предлагает помощь:

- антиблокировочной системы тормозов (ABS);
- антипробуксовочной системы (ESP);
- системы курсовой устойчивости, «круиз-контроль»;

- системы автоматической парковки (у автомобилей марки Toyota – Intelligent Parking Assist System (IPAS); у Volkswagen – Park Assist или Park Assist Vision; на Mercedes-Benz и Ford – Active Park Assist; на автомобилях BMW – Remote Park Assist System);

- системы контроля ухода автомобиля с полосы движения – Lane Keeping System;

- системы активного вмешательства при определении опасности и системы экстренного торможения (Brake Assist (BAS, DBS, PA, PABS));

- системы распределения тормозного усилия (EBD (electronic brake distribution), или EBV);

- системы контроля тяги во время спуска (HDC – hill descent control) и контроля отката при подъеме (HHC – hill hold control).

Не всегда оправданная уверенность в эффективности электронной поддержки и привычка полагаться на вмешательство автоматики могут и становиться причиной неадекватного реагирования на обстоятельства дорожной обстановки и поведение пешехода перед наездом.

Средства получения объективной информации от штатной автомобильной электроники и регистраторов.

ДТП с наездом на пешехода характеризуется ограниченностью данных, которые можно получить в ходе транспортно-трассологической экспертизы [4]. Конструкция и форма кузова современных автомобилей в результате конструкторской проработки с точки зрения безопасности имеет особенность – при наезде на пешехода на поверхностях контакта остается минимум следов, позволяющих провести измерения с точностью, необходимой для использования в построении модели развития механизма ДТП.

Интегрированный в автомобиль АПК позволяет фиксировать показания ряда датчиков и ограничивать их удаление. Для получения объективных сведений могут быть задействованы данные, полученные перечисленными выше системами, данные с контроллеров подушек безопасности, информация с комплекса ЭРА-ГЛОНАСС, информация с видеорегистратора. Автотехнический эксперт при построении динамической модели ВАДС может использовать массив полученной информации для определения:

- тормозного пути по следу (данные транспортно-трассологической экспертизы), времени начала фактического замедления ТС;

- времени и места физического контакта с пешеходом (данные с регистратора по датчику удара);

- силы удара – показатель может быть вычислен при наличии данных о скорости и массе ТС;

- фактического времени реакции водителя на появление препятствия по данным систем контроля и ассистентов торможения;

- характера реакции водителя – применение торможения, попытки изменить направление движения для объезда;

- дорожной обстановки – комплекс данных с регистратора, системы геопозиционирования, датчиков дождя, сцепления с покрытием, записей блока управления трансмиссией и двигателем.

Комплексный анализ этой информации позволяет составить представление о механизме развития ДТП с высокой достоверностью [5]. При этом сложности возникают именно на уровне получения данных от электронных систем.

Объективные данные при моделировании ДТП с пешеходом по алгоритму ВАДС.

Большинство автотехнических экспертов при обследовании автомобиля после ДТП ориентируется на предоставленные участниками фотографии и проводит измерения, ограничиваясь использованием поверенной линейки для определения характера и направления следов динамического контакта.

При возможности считывания информации с электронных блоков автомобиля снимается вопрос объективности, поскольку АПК ТС не просто сохраняет информацию, а фиксирует ее изменение, если такие попытки имели место. Например, «чек подушек безопасности» может быть снят только штатным оборудованием при присоединении к бортовой электронике, а в логах системы останутся записи о его возникновении и снятии. Аналогичным образом в зависимости от модели автомобиля могут быть получены данные записей с датчиков систем торможения, управления двигателем, курсовой устойчивости [6]. При наложении результатов считывания на временную шкалу событий с видеорегистратора становится возможным получение картины событий с указанием критически важных параметров движения, реакции водителя и транспортного средства [7].

Опыт применения АПК Bosh-CDR. Прибор может применяться для считывания данных и формирования отчетов в формате PDF с автомобилями Chrysler, Dodge, Jeep, Lancia, Lexus, Ram, Scion, Toyota, Volvo, Audi.

Через адаптер CDR 500 можно извлекать и расшифровывать данные EDR в автомобилях BMW и группы VAG, оборудованных сетью связи FlexRay (передовая технология, заменяющая традиционные CAN и K-line).

Кабель присоединяется к разъему в салоне, после чего становится доступным отчет о «чеках» и информация аналитического характера. Для примера можно указать:

- VIN ТС, данные о процедуре считывания и оборудовании;

- данные о скорости и направлении движения;

- данные о динамике изменений траектории и скорости движения;

- данные о срабатывании тормозного привода, в том числе данные о моменте нажатия водителем на педаль, о фактическом срабатывании механизмов;

- данные о положении и динамике поведения дроссельной заслонки подачи топлива.

Экстраполяция записей прибора и записи видеорегистратора на картину событий позволяет выявить несоответствия на схеме ДТП и в показаниях участников происшествия, установить исправность систем ТС, адекватность действий водителя при обнаружении препятствия и оценке опасности столкновения с пешеходом. В некоторых моделях автомобилей электроника способна зафиксировать данные о состоянии водителя (усталость, отвлечение внимания, сон).

Основные результаты и выводы. В результате исследования автор пришел к выводу, что опро-

шенные специалисты хорошо представляют себе возможности использования объективной информации, полученной от бортовой электроники ТС. При этом метод и оформление результатов считывания АПК Bosh-CDR позволяют настаивать на их объективности и доказательной силе. Проблемой остается недостаточная готовность экспертных организаций к использованию аналогичных средств получения информации, приобретению АПК и к подготовке специалистов. Считывание информации в условиях сервисных организаций вызывает сомнения в объективности и точности данных. Автор готов распространить опыт использования массива информации с бортовой электроники автомобиля в среде специалистов для повышения эффективности автотехнической экспертизы и применения алгоритма ВАДС при выяснении обстоятельств ДТП с наездом на пешехода.

Список литературы

1. Колотушкин С. М. Обязательное использование видеорегистраторов на автотранспортных средствах как элемент в концепции безопасности дорожного движения // Электронные носители информации в криминалистике : материалы круглого стола, МГУ, Москва, 13.05.2016 / под ред. проф. О. С. Кучина. – М. : МГУ, 2016. – С. 30 –34.
2. Мещеряков В. А. Цифровые (виртуальные) следы в криминалистике и уголовном процессе // Воронежские криминалистические чтения : сборник научных трудов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос.ун-та, 2008. – Вып. 9. – С. 221 –232.
3. Основы теории электронных доказательств : монография / под ред. д-ра юрид. наук С. В. Зуева. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 400 с.
4. Першин А.Н. «Временные следы» при расследовании преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. – Воронеж : Воронежский институт МВД РФ. – 2016. – No 1. – С. 46 –51.
5. Россинская Е.Р. Концепция частной криминалистической теории «информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности» // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIII Международной науч.-практ. конференции : в 2 т. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2018. – С. 113 –118.
6. Смушкин А.Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. – 2012. – No 8. – С. 43 –45.
7. Илларионов В.А. Экспертиза дорожно-транспортных происшествий. Учебник для вузов. М.: Транспорт, 1989. 255 с.

References

1. Kolotushkin S.M. Mandatory use of video recorders on motor vehicles as an element in the concept of road safety // Electronic media of information in criminalistics: materials of the round table, Moscow State University, Moscow, 13.05.2016 / edited by prof. O. S. Kuchin. – M.: Moscow State University, 2016. – p. 30-34.
2. Meshcheryakov V.A. Digital (virtual) traces in criminalistics and criminal procedure // Voronezh criminalistic readings: collection of scientific papers. – Voronezh: Publishing House of Voronezh State University, 2008. – Issue 9. – pp. 221-232.
3. Fundamentals of the theory of electronic evidence : a monograph / ed. by Dr. Yurid. nauk S. V. Zueva. – M. : Yurlitinform, 2019. – 400 p.
4. Pershin A.N. "Temporary traces" in the investigation of crimes committed with the use of computer technologies // Crime in the field of information and telecommunications technologies: problems of prevention, disclosure and investigation of crimes. – Voronezh : Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2016. – No 1. – pp. 46-51.
5. Rossinsky E.R. the Concept of private forensic theory, "information and software forensic activities" // the law enforcement Activity in modern conditions : materials of the International scientific XXIII.-pract. conference : in 2 t. – Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, 2018. – P. 113-118.
6. Smushkin A.B. Virtual traces in forensic science // Law. – 2012. – No. 8. – p. 43-45.
7. Illarionov V.A. Examination of road accidents. Textbook for universities. Moscow: Transport, 1989. 255 p.

Фадеев Илья Александрович,

кандидат юридических наук, майор полиции, старший преподаватель кафедры
Теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД России, Москва,
ilya-fadeev@yandex.ru

ОРГАНЫ ДОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ МВД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В настоящей статье исследуются ключевые вопросы, касающиеся правового положения и порядка процессуальной деятельности органов и подразделений дознания по уголовным делам различной подследственности. Внимание читателей акцентируется на несовершенстве норм действующего УПК РФ, нуждающихся, по мнению автора, в серьезном обновлении.

Ключевые слова: дознание, орган дознания, начальник органа дознания, дознаватель, подразделение дознания, норма УПК РФ, правоотношения, уголовный процесс, орган внутренних дел, орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность

Ilya A. Fadeev,

Ph.D. of Juridical Sciences, Police Major, Senior Lecturer at the Department
of Theory and Public Administration methodologies,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow,
ilya-fadeev@yandex.ru

INQUIRY BODIES IN THE SYSTEM OF THE MIA OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This article examines key issues related to the legal status and the procedure for procedural activities of bodies and departments of inquiry in criminal cases of various jurisdictions. The attention of readers is focused on the imperfection of the norms of the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which, according to the author, need a serious update.

Keywords: Inquiry, body of inquiry, head of body of inquiry, interrogator, subdivision of inquiry, norm of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, legal relations, criminal procedure, body of internal affairs, body carrying out operational-search activities

Органы дознания Министерства внутренних дел в системе органов дознания Российской Федерации занимают одно из ведущих мест, поскольку на них падает основная нагрузка по борьбе с преступностью. В пункте 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ указывается: к органам дознания относятся органы внутренних дел Российской Федерации и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности [2, 5, 6, 7].

Анализ приведенных законодательных положений позволяет сделать вывод о том, что в рассматриваемом ведомстве допускается организационное совмещение, граничащее со смешением, оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных функций, несмотря на то, что в ч. 2 ст. 41 УПК РФ в приложении к конкретным должностным лицам (дознавателям) такое совмещение категорически не разрешается. Согласно её требованиям «Не допускается возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, ко-

торое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия».

Часть 2 ст. 40 УПК РФ возлагает на органы дознания такие полномочия как:

- производство дознания по уголовным делам, по которым предварительное следствие необязательно (гл. 32 УПК РФ);
- выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно (ст. 157 УПК РФ);
- осуществление иных, предусмотренных УПК РФ, полномочий (пункты 1-3) [3].

Обозначенная позиция законодателя стала возможной вследствие признания им названной формы досудебной подготовки уголовных дел в качестве наиболее удачной из всех альтернатив дифференциации уголовного процесса [9, с. 18-21], адаптации последнего к внешним условиям среды функционирования [13, с. 107].

В силу изложенного, органы дознания МВД России стали полноправными участниками уголовного процесса, представляющими собой сторону обвине-

ния (п. 47 ст. 5 УПК РФ). Хотя их правовое положение было бы логичней увязывать не с актом обвинения – единовременным решением и действием, приобретающим при производстве дознания, особенно в сокращенной форме, серьезные отличительные особенности, а с тем, что в теории уголовного процесса именуется уголовным преследованием, то есть с расследованием в целом (в традиционном его понимании).

Воспринятое ныне УПК РФ понятие «уголовное преследование», бесцеремонно заменившее собою привычное «предварительное расследование», равно одинаково отражает функцию, мало отвечавшую требованиям, предъявляемым к ней. Суть проблемы сводится к тому, что посредством её эксплуатации раскрывается лишь очень незначительное число регистрируемых преступлений.

Продолжая рассуждения на эту тему, нельзя не констатировать, что ключевое понятие «органы дознания» российскими парламентариями достаточно активно использовалось и в прошлом, без объяснений, однако, того, кого, собственно, следует подразумевать под данным феноменом. Не отрицая факта вхождения поименованного термина в арсенал уголовно-процессуального понятийного аппарата, авторы многочисленных научных трудов пытаются до сих пор разработать и обосновать его развернутую юридическую формулу. При этом они ограничиваются стандартным набором (перечнем) государственных организаций, их структурных подразделений и реже – должностных лиц в субъективистских стараниях дать максимально приемлемую характеристику субъектов, размещающихся под «вывеской» органов дознания.

Что касается федерального законодательства, то дефиниция органов дознания здесь обозначена в п. 24 ст. 5 УПК РФ; согласно указанной норме, таковыми считаются государственные органы и должностные лица, наделенные в соответствии с УПК РФ правами по осуществлению дознания и др.

Вместе с тем, не вызывает особых сомнений тот факт, что в правоохранительной системе Российской Федерации по состоянию на сегодняшний день не обнаруживается единой вневедомственной «вертикали» органов дознания, в обязанности которых входило бы исключительно уголовное преследование в форме дознания [12, с. 192]. На данное обстоятельство и прямо, и косвенно обращается внимание в отечественной юридической литературе.

Так, например, О.В. Мичурина специально подчеркивает, что в п. 1 ст. 1 ст. 40 УПК РФ законодатель не уточнил, какие именно подразделения этой многоуровневой системы наделяются соответствующим процессуальным статусом и кто реализует полномочия органов дознания в органах внутренних дел. Непосредственное толкование норм УПК РФ, заключает ученый, не позволяет рассматривать какие-либо их

подразделения и службы в качестве самостоятельных органов дознания [11, с. 264-267].

Требует отдельных комментариев и словосочетание «должностное лицо органа дознания», поскольку с позиций семантики и культуры юридического языка оно несовершенно. Дело в том, что органами дознания (среди прочих) признаются те же должностные лица (п. 24 ст. 5 УПК РФ). К тому же терминологическое выражение «должностное лицо», с поправкой на правила словообразования, принятые в юриспруденции, намного ближе стилю изложения, принятому в теории управления, а также в ведомственном нормативном правовом регулировании.

Как уже отмечалось, согласно закону, к органам дознания отнесены и структурные подразделения органов внутренних дел – входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности.

В развитие означенных установлений ст. 13 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в числе оперативно-розыскных органов называет, прежде всего, органы внутренних дел (ч. 1). Ей вдогонку, ст. 1 комментируемого Закона трактует оперативно-розыскную деятельность как вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом¹, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств [1].

Подобная интерпретация юридической терминологии приводит к нежелательным последствиям, поскольку орган внутренних дел, как субъект, главным образом, административных правоотношений, уподобляется субъекту еще оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных правоотношений. Сказанное порождает необоснованному восприятию сторонними наблюдателями любого штатного сотрудника органа внутренних дел в качестве новоявленного должностного лица органа дознания – дознавателя, что ни в какой мере не соответствует действительности [10, с. 25].

В историческом аспекте будет не лишним подчеркнуть, что органы дознания, отставившие в недалеком прошлом узковедомственные интересы различного рода инспекций (торговых, лесных и т.д.) в первые

¹ Здесь делается отступление с акцентом на том, что далее по тексту указанные подразделения именуются органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. – прим. авт.

годы советской власти создавались для безотлагательного реагирования на сообщения о преступлениях, обнаруживавшихся в сфере их юрисдикции. Естественно, что, выполняя свои профессиональные обязанности, они подчас вынуждены были прибегать к использованию «тактических» приёмов, выходящих за рамки традиционного уголовного процесса. При необходимости они уполномочивались производить и неотложные следственные действия, воспринимавшиеся ими в качестве дополнительной (вспомогательной) функции.

По состоянию на сегодняшний день МВД России представляет собой единую, централизованную, глубоко «эшелонированную» систему органов исполнительной власти, осуществляющих оперативно-служебную деятельность по таким приоритетным направлениям как:

- административная;
- оперативно-розыскная;
- уголовно-процессуальная.

Возникает закономерный вопрос, допустимо ли относить подобные органы исполнительной власти к органам дознания в случаях, когда они охраняют общественный порядок, осуществляют оперативно-розыскную или лицензионно-разрешительную деятельность, обеспечивают безопасность дорожного движения и проч.?

Ответ должен быть сугубо отрицательным, поскольку в ситуациях, когда сотрудники, например, подразделений профилактики органов внутренних дел осуществляют административные функции, они являются субъектами административных правоотношений. Но как только они сталкиваются с преступлениями, их профессиональная деятельность заканчивается; она трансформируется в уголовно-процессуальную, но эстафету принимают иные сотрудники органов внутренних дел, а именно – дознаватели или следователи.

Оперативные разработки сотрудников органов внутренних дел (полиции) протекают в режиме оперативно-розыскных правоотношений. Как только полученные результаты достигают «апогея», их легализованная часть направляется, в том числе, в органы дознания для расследования задокументированных преступлений.

Именно из указанных соображений изначально исходил законодатель, концентрируя и административные, и оперативно-розыскные, и уголовно-процессуальные полномочия в «одних руках», то есть в органах внутренних дел. Такая организация труда, как и ожидалось, должна была способствовать эффективному выявлению и расследованию, прежде всего, незначительных преступлений, обнаруживавшихся при охране общественного порядка или выполнении оперативно-розыскных мероприятий.

Стало быть, законодатель сознательно объединил под одной «крышей» (МВД России) различные по

своему правовому статусу и функциональному предназначению подразделения и службы. Их сотрудники обязывались выполнять, в пределах очерченной законом компетенции, оперативно-розыскные или административные мероприятия, а в некоторых случаях и уголовно-процессуальные (следственные) действия с тем, чтобы при обнаружении явных признаков преступления, они могли молниеносно реагировать на него путём безотлагательного закрепления следов, обнаруженных на месте происшествия.

В развитие темы обратимся к словам «орган» и «организация», являющихся, надо полагать, однокоренными. В различных словарях русского языка (например, С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова) первое из названных терминов («орган») определяется, как учреждение или организация, выполняющая конкретные задачи в той или иной области социального устройства. Исходя из этого, целесообразно придерживаться мнения, согласно которому органы дознания не способны «лично» принимать процессуальные решения, производить адекватные им (следственные) действия и проч. По сути, их квалифицированно могут реализовывать только строго персонифицированные должностные лица или их группа (в частности, группа дознавателей; ст. 223.2 УПК РФ).

Может показаться, что в органах внутренних дел таким единоличным должностным лицом является начальник органа дознания, представляющий собой, с точки зрения отдельных авторов, пресловутый орган дознания. Несмотря на то, что свои повеления законодатель адресует именно ему, и повеления эти не могут исполняться без его распоряжения (указания), а точнее – начальника органа дознания, в ст. 40.2 УПК РФ ничего не сказано о том, кто же на проверку выступает в его роли. На данном обстоятельстве заостряет внимание, в частности, Д.В. Осипов, подчеркивающий, что в связи с принятием Федерального закона от 07.02.2011 № 3 «О полиции» [4] обострился вопрос о том, какое должностное лицо является начальником органа дознания [14, с. 211, 212]; тема эта, заметим к слову, остаётся открытой и сегодня.

Образуюсь из означенных противоречий и недоработок федерального законодательства, в юридической литературе множатся суждения о том, что процессуальные документы, составленные от имени органа дознания, или утвержденные им, не могут иметь юридической силы, пока не утверждены легитимным руководителем.

В уголовно-процессуальной теории понятия «орган дознания» и «начальник органа дознания» нередко трактуются как синонимы, хотя для подобных утверждений нет решительно никаких оснований. Согласно п. 17 ст. 5 УПК РФ, начальником органа дознания признаётся должностное лицо органа дознания (его заместитель), уполномоченное давать поручения

о производстве дознания и выполнении неотложных следственных действий, осуществлять иные полномочия, предусмотренные «настоящим Кодексом».

Как уже отмечалось, кроме начальников органов внутренних дел статусом начальников органов дознания наделены также начальники территориальных, в том числе линейных, управлений (отделов, отделений, пунктов) полиции, а также иных органов исполнительной власти, наделенных в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности.

Воочию убеждаешься в том, что в ст. 40 УПК РФ процессуальные полномочия органов дознания толкуются в разрезе обладания ими же и оперативно-розыскными функциями, хотя в теории уголовного процесса обсуждаемые направления оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел уже давно диаметрально разводятся.

Поэтому нормативное правовое определение статуса анализируемого субъекта уголовно-процессуальных правоотношений требует серьезного переосмысления и уточнения, во всяком случае, в приложении к органам внутренних дел.

УПК РФ в качестве полноправного участника стадии предварительного расследования со стороны

обвинения впервые выделил дознавателя (п. 7 ст. 5, ст. 41). Ранее таковым именовалось лицо, производящее дознание, приобретавшее свои полномочия в двух основных случаях:

– при назначении на должность; решение об этом оформлялось приказом начальника органа внутренних дел (милиции – полиции); с данного момента «рекрутируемый» приобретал подобающий юридический статус;

– при временном возложении приказом начальника органа внутренних дел на оперативного уполномоченного уголовного розыска или участкового уполномоченного) обязанностей дознавателя; в подобных ситуациях «подневольное» должностное лицо приобретало право на производство дознания, носившего, однако, вынужденный характер (например, ввиду тяжелой оперативной обстановки).

К сожалению, существующий порядок возложения уголовно-процессуальных полномочий на должностное лицо, не являющееся постоянным субъектом уголовно-процессуальных правоотношений, в УПК РФ так и не получил развернутого нормативного правового закрепления, что позволяет расценивать его в качестве первоочередной правовой проблемы, нуждающейся в серьезном научном осмыслении.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 3. Ст. 334.
2. Федеральный закон от 22.07.2010 № 158-ФЗ «О внесении изменения в статью 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 30. Ст. 3989.
3. Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 16.
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3 «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
5. Федеральный закон от 07.02.2011 № 4-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 901.
6. Федеральный закон от 01.03.2012 № 17-ФЗ «О внесении изменения в статью 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2012. № 10. Ст. 1165.
7. Федеральный закон от 03.02.2014 № 3-ФЗ «О внесении изменений в статью 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (не вступил в силу) // СПС Консультант Плюс.
8. Федеральный закон от 03.07.2016 № 329-ФЗ «О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). С. 4262.
9. Дикарев И.С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, её обуславливающие // Российская юстиция. 2013. № 12.
10. Есина А.С. Дознание в органах внутренних дел. М.: Щит-М, 2004.
11. Мичурина О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы её реализации в органах внутренних дел: монография. М.: МосУ МВД России, 2008.
12. Рагимов М.Г. Участники уголовного процесса Российской Федерации: понятие и общая характеристика современного состояния правового института // Актуальные проблемы и перспективы юридической науки и правоприменительной деятельности Российской Федерации: материалы международной дистанционной научно-практической конференции. Вып. 5. М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2009.
13. Ромашова А.И. Особенности судебного разбирательства дел, расследованных в сокращенной форме дознания // Следственная практика: научно-практический сборник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Вып. 199. М., 2016.

14. *Осипов Д.В.* Совершенствование правовой регламентации производства дознания // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики: материалы 2-ой международной научно-практической конференции 11, 12 апреля 2012 г. М.: Российская академия правосудия. Юриспруденция, 2012.

References

1. Federal Law No. 144-FZ of 12.08.1995 "On Operational and investigative activities" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 3. Article 334.
2. Federal Law No. 158-FZ of 22.07.2010 "On Amendments to Article 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". 2010. No. 30. St. 3989.
3. Federal Law No. 404-FZ of 28.12.2010 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the improvement of the activities of the preliminary investigation bodies" // *Sobranie zakonodatelstva RF*. 2011. No. 1. Article 16.
4. Federal Law No. 3 of 07.02.2011 "On the Police" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7. St. 900.
5. Federal Law No. 4-FZ of 07.02.2011 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law "On the Police" // *Sobranie zakonodatelstva RF*. 2011. No. 7. Article 901.
6. Federal Law No. 17-FZ of 01.03.2012 "On Amendments to Article 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2012. No. 10. Article 1165.
7. Federal Law No. 3-FZ of 03.02.2014 "On Amendments to Article 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // *SPS Consultant Plus*.
8. Federal law of 03.07.2016 No. 329-FZ "On the performance of amendments to article 230 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedure code of the Russian Federation" // meeting of the legislation of the Russian Federation. 2016. No. 27 (part II). P. 4262.
9. *Dikarev I.S.* Differentiation of criminal procedure and the factors contributing to it // the Russian justice. 2013. № 12.
10. *Esina A.S.* Inquest in the internal affairs bodies. Moscow: Shchit-M, 2004.
11. *Michurina O.V.* The concept of inquiry in the criminal process of the Russian Federation and the problems of its implementation in the internal affairs bodies: monograph. Moscow: MosU of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008.
12. *Ragimov M.G.* Participants in the criminal process of the Russian Federation: the concept and general characteristics of the current state of the legal institute // Actual problems and prospects of legal science and law enforcement activity of the Russian Federation: materials of the international remote scientific and practical conference. Issue 5. Moscow: Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009.
13. *Romashova A.I.* Features of judicial proceedings of cases investigated in the abbreviated form of inquiry / / Investigative practice: scientific and practical collection of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Issue 199. M., 2016.
14. *Osipov D.V.* Improving the legal regulation of inquiry proceedings // Prospects for the development of criminal procedure law and criminalistics: materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference on April 11, 12, 2012. Moscow: Russian Academy of Justice. Jurisprudence, 2012.

Шевелева Ксения Владимировна,
преподаватель кафедры Правовое обеспечение национальной безопасности,
Российский технологический университет РТУ МИРЭА, Москва,
Kseniya_Sheveleva92@mail.ru

О НОРМАТИВНО-ПРАВОВОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ПОНЯТИЙ «НАЦИЗМ» И «ФАШИЗМ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. В современном мире проблема проявлений нацизма в обществе становится все более актуальной, так как после распада Советского Союза участились случаи интерпретации итогов Второй мировой войны, выражающиеся в умалении подвига советских солдат в победе над фашистской армией, случаи публичного оправдания нацистских преступников в целях реабилитации идеологий нацизма и фашизма. В статье рассматриваются вопросы толкования, а также юридического закрепления, используемого в уголовном кодексе понятия «нацизм», так как устойчивая нормативно-правовая база, содержащая четкие определения употребляемых терминов, становится эффективным методом борьбы с изучаемыми преступными явлениями. В уголовном праве РФ реализация данного положения необходима, в первую очередь, для правильного понимания содержания преступления, его сущности, а также объективных признаков, которые в дальнейшем влияют на квалификацию преступления и назначение наказания. Автором также исследуются вопросы законодательного разграничения терминов «фашизм», «нацизм», так как часто в нормативно-правовых источниках и отечественных исследованиях данные понятия употребляются в качестве синонимичных, а равно взаимозаменяются друг другом, что неверно с правовой, исторической и философской точек зрения. В статье проблема разграничения представлена методом сравнения, где автором раскрывается этимология исследуемых понятий, выявляются качественные характеристики идеологий, служащих элементами их разграничения. В работе анализируются ранее используемые, но так и не получившие своего правового закрепления, понятия «фашизма», в частности, предложенное РАН. В результате исследования предлагаются меры преодоления указанных проблем, в целях устранения законодательных пробелов, связанных с отсутствием законодательно закрепленных определений понятий «фашизм» и «нацизм».

Ключевые слова: фашизм, нацизм, национал-социализм, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, реабилитация нацизма, преступление, толкование, разграничение, идеология

Kseniya V. Sheveleva,
lecturer at the Department of Legal Support of National Security,
Russian Technological University of RTU MIREA, Moscow,
Kseniya_Sheveleva92@mail.ru

ON THE NORMATIVE-LEGAL CONSOLIDATION OF THE CONCEPTS OF "NAZISM" AND "FASCISM" IN THE DOMESTIC LEGISLATION

Abstract. In the modern world, the problem of manifestations of Nazism in society becomes relevant, since after the collapse of the Soviet Union, cases of encroachment on the results of World War II, expressed in diminishing the feat of Soviet soldiers in defeating the fascist army, cases of public justification of Nazi criminals for the purpose of rehabilitation of the Nazism and Fascism ideologies, became more frequent. The article deals with the interpretation, as well as the legal consolidation, of the concept of "Nazism" in the criminal code, since a stable legal framework containing clear definitions of the terms used becomes an effective method of combating the criminal phenomena under study. The implementation of this provision in the criminal law of the Russian Federation is necessary primarily for a correct understanding of the content of the crime, its essence, as well as objective signs that will later affect the qualification of the crime and the imposition of punishment. The author also explores the issues of legislative delineation of the terms "fascism" and "Nazism" since these concepts are used as synonymous, as well as interchangeable with each other in regulatory sources and domestic studies quite often, which is incorrect from a legal, historical and philosophical point of view. The problem of demarcation in the article is presented by the method of comparison, where the author reveals the etymology of the studied concepts and reveals the qualitative character-

istics of ideologies that serve as elements of their demarcation. The work analyzes the previously used concepts of "fascism" proposed by the Russian Academy of Sciences, which has not received its legal consolidation. As a result of the study, measures are proposed to overcome these problems, in order to fill legislative gaps related to the lack of legally enshrined definitions of the concepts of "fascism" and "Nazism".

Keywords: Fascism, Nazism, National Socialism, World War II, Great Patriotic War, Rehabilitation of Nazism, Crime, Interpretation, Demarcation, Ideology

Одной из самых значимых проблем XXI века, стоящих перед юридической наукой в целом, и в уголовно-правовой сфере в частности, является грамотное толкование терминологии, закреплённой в Уголовном кодексе РФ, так как право находит свое выражение не только в нормативных правовых актах, но и в совокупности проявлений юридического мышления и мировоззрения, правосознания и правовой культуры правоприменителей. Многие, казалось бы, устоявшиеся понятия активно используются в научной сфере, звучат с экранов телевизоров во всевозможных публичных выступлениях, а некоторые из них являются частью федерального законодательства РФ. Между тем, в отдельных случаях именно нормативно-правовое закрепление определений данных понятий отсутствует. В связи с этим, требуется более тщательное внимание к вопросам правового содержания терминов, употребляемых в УК РФ [1].

В данном контексте обратимся к важной для нашего общества проблеме предотвращения любых проявлений фашизма и нацизма, их уголовно-правового регулирования. Вторая мировая война до сих пор является самым глобальным военным столкновением, превосходившим по своим масштабам все предшествующие и последующие войны в истории планеты. Особое значение война имела для советского народа, который перед лицом угрозы поражения и уничтожения сплотился и смог дать отпор гитлеровской агрессии. Бесспорно, война нанесла значительный ущерб Советскому Союзу. «На полях сражений, в концлагерях, на оккупированных территориях, в блокадном Ленинграде, в тылу погибло около 30 млн советских людей; уничтожена треть национального богатства страны; разрушено 1710 городов, более 70 тыс. деревень и сел, уничтожено огромное количество заводов, фабрик, шахт, многие километры железнодорожных путей; сократилась доля мужского населения страны» [2]. Последствия таковы, что массовое истребление советских людей в годы войны до сих пор сказывается на демографической ситуации в России. Вот почему победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. является предметом гордости и достоинства нашего народа, а забота об участниках войны, а также охрана исторической памяти о событиях того времени становится историческим долгом государства.

В тоже время, чем дальше от нас события Второй мировой войны, тем больше фактов обеления и даже героизации лиц, воевавших на стороне фашистской Германии, случаев фальсификации истории СССР в годы войны, увековечивания памяти нацистских преступников, а также их реабилитация. В частности, с 2013-2014 гг. публичные проявления нацизма на Украине превратились в привычную повседневность. Факельные шествия сторонников ОУН-УПА, террор молодчиков неонацистского толка в отношении коммунистов, русскоговорящих граждан и русского языка, не прекращаются по сей день. Личности националистов, таких как Степан Бандера, всячески популяризуется, и, напротив, подвергаются шельмованию ветераны советских вооружённых сил и Великой Отечественной войны. Избиения же последних на территории страны становятся обыденностью.

К сожалению, отдельные случаи героизации нацистов и их реабилитация, в различных формах, характерны и для нашей страны. В условиях кризиса российского общества в 90-х гг. XX в. массированному воздействию подверглось историческое сознание населения. Со стороны внешних и внутренних сил, а также из-за различных объективных и субъективных обстоятельств, основной мишенью информационных атак стал период Великой Отечественной войны. Как следствие, в российском обществе стал отмечаться рост правонарушений и преступлений, связанных с посягательствами на историческое прошлое РФ, участились случаи оправдания и героизации нацизма. Обострение международной обстановки и стремление западных стран вытеснить Россию на обочину мировой политики привели к масштабным и спланированным акциям со стороны европейских государств по фальсификации истории Великой Отечественной войны, главным образом в отношении места и роли Советского Союза в 1939–1945 гг. В такой обстановке действующей позицией государства является полноценная охрана исторической памяти о подвиге советского народа и недопущение преступных деяний, направленных на пренебрежение роли СССР в Победе над гитлеровской Германией. Президент России В.В. Путин, в статье, посвященной 75-летию Великой Победы, напоминает: «...важно передать потомкам память о том, что победа над нацизмом была одержана прежде всего советским народом, что в этой героиче-

ческой борьбе – на фронте и в тылу, плечом к плечу – стояли представители всех республик Советского Союза» [3]. А министр иностранных дел РФ С.В. Лавров заявил: «вызывают возмущение попытки фальсифицировать историю, уравнивать жертв и палачей... Россия будет и далее жёстко противодействовать подобным замыслам, которые угрожают устойчивости всего мироустройства» [4].

Таким образом, наличие исследуемых деяний, а также их распространенность, как криминологические условия установления ответственности за посягательства на историческое наследие в современном обществе, подтолкнуло законодателя на разработку уголовно-правовых норм.

Первой разработкой законодателя стала статья 354¹ Уголовного кодекса РФ «Реабилитация нацизма», введённая Федеральным законом от 05.05.2014 года [5]. Нарушение закона, запрещающего оправдывать нацизм, распространять заведомо ложные сведения о деятельности СССР в военное и послевоенное время, а также ряд деяний, совершенных с целью выразить явное неуважение к общественной памяти нашло свое выражение в объективной стороне рассматриваемого преступления, которая отражается следующим образом:

1. Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран, совершенное публично;
2. Одобрение преступлений, установленных указанным приговором;
3. Распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенное публично;
4. Распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества;
5. Осквернение символов воинской славы России.

Ответственность за перечисленные деяния введена в целях устранения законодательного пробела, так как после установления нормы количество обвиняемых по статье неукоснительно растет и способы совершения преступления совершенствуются. Приведём конкретные примеры.

Первым обвиняемым по статье стал гражданин Л., опубликовавший 24 декабря 2014 года на личной странице социальной сети «ВКонтакте» статью под названием «15 фактов о бандеровцах, или о чем молчит Кремль». Согласно статистике, публикацию увидело более 20 пользователей. Сотрудниками Следственного комитета РФ было возбуждено уголовное дело. В материалах дела говорилось, что гражданин, совершив «репост» статьи, распространил «заведомо ложные сведения» о деятельности СССР в годы Второй Мировой войны [6]. Как видится, использование

информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе «Интернет», способствует распространению исследуемых деяний.

Однако, совершаются перечисленные деяния не только в виртуальном пространстве: «К., разделяя идеи экстремистской националистической направленности, в том числе о невозможности проживания на территории Российской Федерации лиц неславянской национальности, создал на территории Семеновского района Нижегородской области экстремистское сообщество, назвав его «ОБ-418». За основу идеологии организации К. взял 88 заповедей теоретика нацистского движения Д. Лейна, главный смысл которых состоит в преимуществе белой расы и сохранении ее чистоты» [7].

Анализ приговоров позволяет утверждать об оправданности включения статьи 354¹ в УК РФ «Реабилитация нацизма», в которой вводится в правовой оборот важное понятие «нацизм», но содержание понятия не раскрывается ни в самой статье, ни в примечании к ней, и ни в одном из ныне действующих в нашей стране нормативно-правовом акте. Аналогичные правовые коллизии имеются и в других законодательных актах.

Поэтому автору представляется необходимым определить уголовно-правовое содержание термина «нацизм». Вместе с тем, прежде чем раскрыть определение исследуемого термина, необходимо отметить, что в некоторых, ранее опубликованных нормативно-правовых актах встречается понятие «фашизм», которое по смыслу норм, является синонимичным по отношению к «нацизму». Например, в преамбуле Федерального закона от 19.05.1995 года № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» устанавливается «необходимость международного сотрудничества в целях поддержания всеобщего мира и согласия, недопущения проявлений фашизма в любой форме» [8]. Однако, определение употребляемого понятия также отсутствует в отечественном законодательстве.

В связи с этим, предлагается рассмотреть этимологию двух терминов, а также разграничить их смысловое содержание.

С момента возникновения понятия «фашизм» в начале XX века и до настоящего времени его значение постепенно менялось. Изначально, термин «фашизм» происходит от итальянского «fascio» - «союз, объединение, связка». В историческом аспекте «фашизм» рассматривается как массовое политическое движение, существовавшее в Италии в 1920-1940-е гг. под руководством Б. Муссолини [9]. В дальнейшем термин «фашизм» применялся в отношении сходных идеологий и политических режимов в других странах, в том числе и в гитлеровской Германии. Во многом это было связано с массовым распространением данной

идеологии и практики в различных странах Европы, Азии и Латинской Америки.

Слово «нацизм» ведёт своё происхождение от названия идеологии немецких фашистов («национал-социализм») и есть её сокращённое наименование. Идеи шовинизма, национализма и антисемитизма нашли поддержку у политически неокрепших масс населения Германии в 20-30-х гг. XX в., что отразилось в идеологии партии А. Гитлера, которая, изначально, основывалась на программе итальянского лидера Муссолини. В дальнейшем, как известно, теория и практика и итальянского фашизма, и германского нацизма привела к геноциду целых народов, массовым человеческим жертвам, в том числе в нашей стране, что отмечалось в решениях Международного трибунала в Нюрнберге [9].

Вот почему в повседневной жизни, а также довольно часто и в справочной литературе, понятия «фашизм» и «нацизм» фактически не разграничиваются. Проиллюстрируем наш тезис обращением к толковому словарю Ожегова, в котором определение фашизма звучит следующим образом: «идеология воинствующего расизма, антисемитизма и шовинизма, опирающиеся на нее политические течения, а также открытая террористическая диктатура одной господствующей партии, созданный ею репрессивный режим, направленный на подавление прогрессивных общественных движений, на уничтожение демократии и развязывание войны» [11], тогда как термин «нацизм» немногословно определен как «германский фашизм». Из последнего следует, что нацизм – это политическое явление, продвигающее идеи фашизма на территории Германии и являющееся одной из его форм.

Вместе с тем, в последнее время в отечественной науке стало принято разделять понятия «фашизм» и «нацизм». Так, Рыжов П.С., выделяет следующие отличительные черты фашизма, как политического строя: «крайний радикализм во всех вопросах; упрощение или ликвидация институтов, связанных с личностными правами и свободами обычного населения; достижение «корпоративных» интересов государства; скрытность; применение физической расправы над оппонентами и инакомыслящими; наличие харизматического лидера» [10].

Тогда как, отличительными чертами германского нацизма Рыжов считает: «обострённый национализм, расизм, антисемитизм, реваншизм и шовинизм; мистификация и оккультизм, пропаганда и дезинформация; наличие не только харизматического лидера, но придание ему статуса миссии, отца народа, бога на земле; военная агрессия, нечеловеческие зверства и истребление всех, кто не вписывается в собственные рамки и представления, не считаясь с размерами потенциального противника (группа лиц или целые страны и народы)» [10].

Как видится из представленного перечня, имеются существенные различия между этими двумя учениями. Обе идеологии имеют в основе постулат о национальном превосходстве, но если в фашизме оно направлено на усиление государства, то в нацизме превосходство направлено на доминирование расовой принадлежности, которая заключается в абсолютной агрессии к неугодным идеологии лицам.

Таким образом, понятия «нацизм» и «фашизм» имеют общие начала и сходства по характерным признакам, однако, как общественные явления их, на наш взгляд, необходимо разграничивать в силу адекватного и эффективного правоприменения, в связи с чем предлагается внести изменения в действующее законодательство РФ следующим образом: целесообразно ввести понятия «фашизм», «нацизм» в нормативно-правовые акты, где так или иначе употребляются данные термины, но отдельно друг от друга, через запятую. Данное нововведение позволит юридически разграничить их смысловое значение, не подразумевая их синонимичность. В свою очередь это более четко определит круг общественных отношений, во круг которых строится правовая норма. В конечном счёте рекомендуется внести изменения в Уголовный кодекс, а именно в статью 354¹ «Реабилитация нацизма», которую предлагается переименовать следующим образом «Реабилитация фашизма, нацизма».

Помимо существующей проблемы разграничения понятий «фашизм», «нацизм», имеется и другая — нормативно не закреплены их определения, хотя определённые усилия в этом направлении предпринимались. Так, первой попыткой законодательного определения понятия «фашизм» стал Указ Президента РФ от 23 марта 1995 года № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» [12], в котором Российской академии наук (РАН) предписывалось представить научное разъяснение понятия «фашизм» и связанных с ним понятий и терминов для подготовки предложений по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство. Академией предложено следующее определение термина «фашизм»: «идеология и практика, утверждающая превосходство и исключительность определенной нации или расы и направленная на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов, отрицание демократии, установление культа вождя, применение насилия и террора для подавления политических противников и любых форм инакомыслия, оправдание войны как средства решения межгосударственных проблем» [13]. Между тем, данное определение так и не закрепилось в отечественном законодательстве.

Следующей попыткой законодательного закрепления определения термина «фашизм» стал проект Федерального закона «О запрещении пропаганды фашизма в Российской Федерации» [14]. В статье 2 указанного закона устанавливались основные понятия, используемые в Законе, включая «фашизм», под которым понималась «идеология и практика господства одних рас и наций, и подавления других, выражающиеся в культе жестокости и насилия, в посягательствах на права и свободы граждан» [14]. Однако данный законопроект отклонен Председателем Государственной Думой В.В. Грызловым, ввиду неудачности некоторых формулировок, используемых в проекте. В итоге, понятие «фашизм» на сегодня не имеет юридически закреплённого определения, что сдерживает правоприменительную практику. В такой ситуации правильным шагом, на наш взгляд, является возвращение к определению, предложенному РАН. Как представляется, оно, в полной мере раскрывает сущность и содержание исследуемого понятия. В

этой дефиниции фашизм раскрывается как сложное социальное явление, представлены его характерные черты и механизм функционирования. На наш взгляд, именно данное определение требует своего законодательного закрепления.

Ещё более сложной является ситуация с определением понятия «нацизм», которое, к настоящему времени, так и не имеет своего правового закрепления. По нашему мнению, данный пробел необходимо устранить, так как у подобного рода понятий («фашизм» и «нацизм») не может быть никаких компромиссных названий и двойных интерпретаций.

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что в отечественном уголовном законодательстве отсутствуют разграничения в понятиях «фашизм», «нацизм», не имеется юридически выверенных определений данных терминов, что может вносить путаницу в правоприменительную практику и, со своей стороны обуславливать введение новых дефиниций в нормативно-правовые акты РФ.

Список литературы

1. Грибанов Е.В., Яблонский И.В. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма: историко-правовые основания и характеристика // Общество и право. 2017, С. 144
2. См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941 - 1945: Краткая история. - М. Воениздат, 1984
3. Путин В.В. «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим». [Электронный ресурс] / Режим доступа // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527> // (Дата обращения: 29.04.2021)
4. Лавров С.В. Великая Победа – источник нашей национальной гордости / Международная жизнь. 2015. № 5. С. 1
5. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации» // [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162575/ // (Дата обращения: 20.04.2021)
6. Приговор Семеновского районного суда Нижегородской области по уголовному делу № 1-55/2013 от 27 ноября 2013 г. //53 <http://rospravosudie.com/court-semenovskij-rajonnyj-sud-nizhegorodskaya-oblast-s/act-508422612/> (Дата обращения 02.03.2021)
7. Приговор Пермского краевого суда // [Электронный ресурс / Режим доступа // <http://xn--90afdbaav0bd1afybeub5d.xn--p1ai/16542187/extended> // (Дата обращения: 29.04.2021)
8. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. N 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941 - 1945 годов» (с изменениями и дополнениями) // [Электронный ресурс] // <https://base.garant.ru/1518946/> (Дата обращения: 20.04.2021)
9. Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1967, С.89
10. Рыжов П.С. Разграничение понятий фашизма и нацизма в Отечественной правовой системе //Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2018
11. Толковый словарь Ожегова // [Электронный ресурс] // <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33745> // (Дата обращения: 20.04.2021)
12. Указ Президента РФ от 23 марта 1995 г. N 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] // <https://base.garant.ru/10102720/> (Дата обращения: 20.04.2021)
13. Форум портала Российской академии наук. [Электронный ресурс] // <http://www.ras.ru/CSearchResults.aspx?SearchString=%d1%84%d0%b0%d1%88%d0%b8%d0%b7%d0%bc+%d1%8d%d1%82%d0%be> // (Дата обращения: 22.04.2021)
14. Законопроект № 99041517-2 О запрещении пропаганды фашизма в Российской Федерации. [Электронный ресурс] // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/99041517-2> // (Дата обращения: 22.04.2021)

References

1. Gribanov E.V., Yablonsky I.V. Criminal liability for the rehabilitation of Nazism: historical and legal grounds and characteristics//Society and law. 2017, Page 144
2. See: Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945: A brief history. - M. Voenizdat, 1984

3. *Putin V.V.* "75 years of the Great Victory: a common responsibility to history and the future." Electronic resource/ Access mode//<http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527>//Contact date: 29.04.2021
4. *Lavrov S.V.* The Great Victory is the source of our national pride/International life. 2015. № 5. Page 1
5. Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"//Electronic Resource// http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162575// Circulation Date: 20.04.2021
6. Sentence of the Semenovskiy District Court of the Nizhny Novgorod Region in criminal case No. 1-55/2013 dated November 27, 2013//53 <http://rospravosudie.com/court-semenovskij-rajonnyj-sud-nizhegorodskaya-oblast-s/act-508422612/>Date of application 02.03.2021
7. Sentence of the Perm regional court//Electronic resource / Mode of access // <http://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn-p1ai/16542187/extended/>// Date of the address: 29.04.2021
8. Federal Law of May 19, 1995 N 80-FZ "On Perpetuating the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War of 1941-1945" (with amendments and additions)//Electronic Resource// <https://base.garant.ru/1518946/> Circulation Date: 20.04.2021
9. *Galkin A.A.* German fascism. M, 1967, PAGE 89
10. *Ryzhov P.S.* The distinction between the concepts of Fascism and Nazism in the domestic legal system//Gaps in Russian legislation. Legal journal. 2018
11. Ozhegov's Explanatory Dictionary//Electronic Resource// <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33745/> Circulation Date: 20.04.2021
12. Decree of the President of the Russian Federation of March 23, 1995 No. 310 "On measures to ensure coordinated actions of state authorities in the fight against manifestations of fascism and other forms of political extremism in the Russian Federation"//Electronic resource// <https://base.garant.ru/10102720/> Date of appeal: 20.04.2021
13. Portal Forum of the Russian Academy of Sciences. Electronic Resource// <http://www.ras.ru/CSearchResults.aspx?SearchString=%d1%84%d0%b0%d1%88%d0%b8%d0%b7%d0%bc+%d1%8d%d1%82%d0%be/>Circulation Date: 22.04.2021
14. Bill No. 99041517-2 on the prohibition of the propaganda of fascism in the Russian Federation. Electronic Resource// <https://sozd.duma.gov.ru/bill/99041517-2/>Circulation Date: 22.04.2021

Авцинова Анна Александровна,

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой Социально-экономических наук, Липецкий казачий институт технологий и управления (филиал) Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), город Липецк, a.avtsinova@mail.ru

Дробот Елена Валерьевна,

кандидат экономических наук, доцент, ответственный редактор, Первое экономическое издательство, Москва, elenadrobot@mail.ru

Колесников Виктор Викторович,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью, Институт деловой карьеры, Москва, wwkolesnikoff@mail.ru

Макаров Иван Николаевич,

доктор экономических наук, доцент, научный сотрудник, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (филиал), город Липецк, профессор кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью, Институт деловой карьеры, Москва, excellennzz@gmail.com

Назаренко Владислав Сергеевич,

консультант отдела Стратегического планирования и территориального развития, Управление экономического развития Администрации Липецкой области, город Липецк, vs_nazarenko@mail.ru

РОЛЬ ТЕХНОСТРУКТУР И СЕТЕВЫХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ДИВЕРГЕНЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СИСТЕМ

Аннотация. Развитие цифровых технологий и сквозная цифровизация компаний приводит к эволюции организационных форм и бизнес-моделей. Стандартные методы, механизмы и технологии не могут сохранить конкурентоспособность компании или объединений. В статье рассматриваются новые возможности, которые цифровая экономика предоставляет для сетевых структур.

Ключевые слова: сетевые структуры, сети, цифровизация, партнерство, цифровая экономика, горизонтальная интеграция

Anna A. Avtsinova,

Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Head of the Department of Social and Economic Sciences, Lipetsk Cossack Institute of Technology and Management (branch) Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University), Lipetsk, a.avtsinova@mail.ru

Elena V. Drobot,

Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Executive Editor, First Economic Publishing House, Moscow, elenadrobot@mail.ru

Viktor V. Kolesnikov,

Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Management, Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow, wwkolesnikoff@mail.ru

Ivan N. Makarov,

doctor of Economic Sciences, Docent, Research Officer, Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation (branch), Lipetsk, Docent, Professor at the Department of Management, Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow, excellennzz@gmail.com

Vladislav S. Nazarenko,

Consultant at the Department of Strategic Planning and Territorial Development, Department of Economic Development Administration of the Lipetsk region, Lipetsk,
vs_nazarenko@mail.ru

THE ROLE OF TECHNOSTRUCTURES AND NETWORK FORMS OF ORGANIZATION IN THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE WORLD ECONOMY: DIVERGENCES OF MANAGEMENT SYSTEMS

Abstract. *The development of digital technologies and the end-to-end digitalization of companies leads to the evolution of organizational forms and business models. Standard methods, mechanisms and technologies cannot preserve the competitiveness of a company or associations. The article discusses the new opportunities that the digital economy provides for network structures.*

Keywords: network structures, networks, digitalization, partnership, digital economy, horizontal integration

Введение. Скорость изменения условий, в которых приходится функционировать компаниям, значительно отличает текущую ситуацию от прошлых столетий. Если считать, что каждому периоду в истории соответствует своя организационная форма, то в настоящее время конкурентным преимуществом фирм выступают взаимовыгодные отношения и взаимосвязи с партнерскими компаниями.

В качестве ответа на рост конкуренции на рынках, в том числе, конечно, и глобальных, компании начинают специализироваться на определенных ключевых направлениях и компетенциях, развивая широкую сеть партнерских отношений с компаниями для сохранения нужного уровня технологий и роста эффективности процессов как элемента конкурентоспособности.

Партнерские отношения формируются как в рамках цепочек создания стоимости (вертикально), так и между компаниями-конкурентами (горизонтально).

В последние десятилетия эксперты отмечают закономерный рост сетевых структур, которые становятся адекватным ответом на происходящие изменения в экономике и технологических системах.

Исследованиям сетевых структур занимались такие иностранные исследователи как М.Грановеттер, П.Бурдье, М.Хэннан и Дж.Фримен, О.Уильямсон, Г.Хамел, К.К.Прахалад, Д.Тис, Г.Пизано, Э.Шуен и другие.

Среди отечественных исследователей следует отметить В.Л. Тамбовцева, М.Ю. Шерешеву, В.Е. Дементьева, С.Г. Евсюкова, Е.В. Устюжану, Е.В. Попову.

Горизонтальная интеграция. Организационная структура фирмы и структура рынка в целом подвержены влиянию особенностей интеграционных процессов.

В частности значительное влияние оказывает вид интеграции. Так горизонтальная интеграция, представляя собой расширение за счет присоеди-

нения компаний той же отрасли и сферы деятельности, позволяет значительно повысить долю на рынке, а значит и прибыль.

Преимущества горизонтальной интеграции представлены на Рисунке 1, где помимо этого представлены и недостатки подобного вида интеграции.

В то же время следует учитывать и влияние, которое интеграционная стратегия фирмы и эффект масштаба могут оказать на процессы трансформации рыночной структуры.

В большей степени эффект масштаба свойственен горизонтальной интеграции компаний. Вертикальная интеграция в рамках цепочки создания стоимости ограничивает возможность производителя значительно и стремительно наращивать мощности, что в краткосрочном периоде определяет неизменность выпуска. Таким образом, при неизменном объеме продукции изменение совокупных затрат возможно за счет субаддитивности издержек. В долгосрочном периоде к этому фактору может добавиться и сокращение транзакционных издержек в рамках цепочки создания

Другая ситуация характерна для горизонтальной интеграции, где существует значительная возможность для использования эффекта масштаба. Помимо этого при горизонтальной интеграции возможно формирование синергетического эффекта при слиянии компаний.

Базой для подобного сокращения издержек является:

- перспектива использования совместных мощностей при выпуске технологически совместимой продукции;
- перспектива более продуктивного использования имеющегося человеческого капитала компаний;
- возможна реализация продукции посредством одних и тех же каналов сбыта;

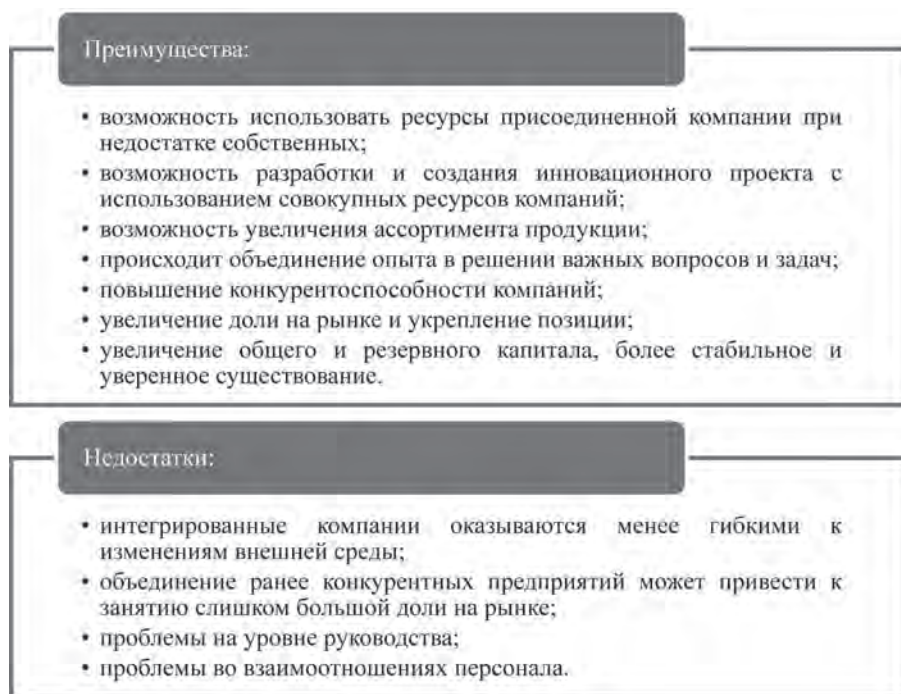

Рисунок 1. Преимущества и недостатки горизонтальной интеграции (авторская разработка)

- горизонтальная интеграция позволяет проводить тиражирование шаблонов продаж и паттернов управления, что обеспечивающих экономию на персонале;

- схожесть технологических процессов обуславливает частичное сокращение издержек на персонал в части идентичных функций, так как новые компетенции зачастую не требуются;

- при горизонтальной интеграции, например, в рамках локального географического рынка, возможна передача на аутсорсинг большей части процессов и операций.

Сетевые структуры. Развитие средств и масштабов распространения информации, многократное увеличение интенсивности процессов создания информации и передачи знаний привели к появлению новых форм взаимодействия хозяйствующих субъектов. Если основными характеристиками традиционных фирм являлись высокая капиталоемкость и материальный характер активов, а также высокая степень вертикальной интеграции с очерченными границами компании, то в настоящее время «новые фирмы» в качестве важнейшего актива рассматривают человеческий капитал.

Возрастает роль нематериальных активов, особенно с высокой специфичностью, комплементарных ресурсов, брендов и патентов. Именно эти активы в большей степени определяют создание дополнительной ценности. При этом происходят процессы, меняющие характер деятельности и организационную структуру компаний, в особенности крупных, которые освобождаются от непрофильных производств

и концентрируют все свои усилия на перспективных видах деятельности.

В последние годы особое внимание уделяется горизонтальным корпорациям, имеющим сетевую структуру или просто сетям.

Следует отметить, что на смену неоклассическому разделению рынка и фирмы пришли партнерство и сетевые структуры. Так О. Уильямсон отмечает, что в настоящее время уже сформирована плотная сеть взаимосвязей и отношений между партнерскими фирмами, и сетевые структуры стали новой формой организации на рынках.

С точки зрения М. Грановеттера деятельность агентов происходит в условиях сформированной и действующей системы отношений, что либо упрощает, либо усложняет возможности создания стоимости. М. Грановеттер выделяет три следующих элемента сети:

- совокупность позиций;
- связи (отношения);
- ресурсы.

В других концепциях в качестве характеристик сетевых структур выделяют [11]:

- наличие общих активов, интересов, целей;
- идентичные ценности, разделяемые участниками;
- распределение знаний между участниками сети, рост объемов знаний;
- соотношение вкладов участников и вознаграждений;
- стремление к росту и сохранению устойчивости структуры;

- приверженность стандартам и сохранение инфраструктуры сотрудничества.

Так Ф. Вебстер сетевую структуру рассматривает как «свободную гибкую коалицию, управляемую из единого центра, который берет на себя выполнение таких важных функций, как образование альянсов и управление ими, координация финансовых ресурсов и технологий, определение сфер компетенции и стратегии, а также решает соответствующие вопросы менеджмента, развития отношений с потребителями и управления связывающими сеть воедино информационными ресурсами» [15].

Следует отметить, что сетевая структура может иметь демократический или же в некоторой степени иерархический характер организации, в случае если существует зависимость относительно слабых партнеров от фирмы - лидера сети, которая устанавливает правила взаимодействия и координирует действия.

По степени влияния фирмы лидера, по устойчивости связей, размерам фирм, входящих в сеть и направлениям интеграции классифицируют сети Р. Майлс и Ч. Сноу [14]. Исследователи выделяют следующие основные типы сетей: внутренние, стабильные и динамичные.

Формирование сетевых структур в первую очередь обусловлено появлением механизма взаимодействия нового вида, обеспечивающего координацию деятельности фирм в рамках устанавливаемых норм и правил, что, в конечном счете, влияет на все стадии контрактных отношений, размер и структуру транзакционных издержек.

Централизованная оценка результатов, автономия и оперативность на местах сочетаются с динамичной сетью, в которой независимые фирмы взаимодействуют с целью единоразового производства товара или услуг.

Для полноценной реализации потенциала динамичной сети большое количество фирм либо их подразделений функционируют в рамках одной ценностной цепи, координируя свои действия для реализации определенной задачи. В дальнейшем фирмы могут выйти из данной сети и стать частью другой временной структуры.

Наличие большого количества компаний-партнеров, имеющих возможность стать участниками сети и имеющих способности или ресурсы, которых недостаточно на рынке, и позволяющих достигать общие цели сети, является отчасти и сильной стороной сети, и потенциальным источником определенных сложностей в будущем.

Компания, вклад которой невелик, может быть легко заменена конкурентом в обозримой перспективе, а значит, возможность выстраивать связи с партнерскими компаниями есть у компаний с четко сформированной позицией в цепочке, конкурентны-

ми преимуществами и соответствующими компетенциями, а также стабильными инвестициями в технологии и человеческий капитал.

Большие компании медленнее и сложнее адаптируются к изменениям, происходящим на рынке. Их сформированные информационные и технологические системы имеют большее сопротивление к внедрению новшеств и модернизация занимает большее время.

Новые организационные формы, такие как сетевые, могут с большей степенью успешности восполнять провалы в деятельности компаний и менеджмента, обеспечивать большую стабильность действий в изменяющихся условиях. Сетевые формы находятся в постоянном процессе обновления и изменения, основные элементы структур модернизируются в соответствии с происходящими преобразованиями технологического и другого характера.

Современные сети носят глобальный характер, они становятся более гибкими, имеют большую адаптивность и большую доходность, нежели традиционные фирмы (Рисунок 2).

Влияние цифровизации на развитие сетей. Значительную роль в становлении современного вида сетевых структур сыграли информационные технологии, поэтому можно смело утверждать, что происходящие в настоящее время процессы сквозной цифровизации компаний окажут значительное воздействие на дальнейшую эволюцию форм взаимодействия хозяйствующих субъектов.

По мнению А.И. Мозгового цифровая экономика может быть охарактеризована как «институциональная система, базирующаяся на передовых цифровых технологиях генерирования, обработки, хранения, передачи данных, преимущественном применении информационно-коммуникационных технологиях, функционирование которых направлено на повышение эффективности и темпов роста экономики, а также качества жизни населения» [14].

Действительно большие данные становятся одним из ключевых ресурсов в современных условиях, а применение таких технологий как интернет, блокчейн, а так же искусственного интеллекта позволяет вывести сетевое взаимодействие на новый уровень.

Цифровизация создает возможности для существенной трансформации всех существующих бизнес-моделей и повышения эффективности функционирования компаний.

В качестве одного из направлений цифровой трансформации фирм и влияния процесса цифровизации на развитие сетевых структур можно отметить формирование платформенных решений, обеспечивающих новые формы взаимодействия участников сети, реализацию различных стандартов и регламентов, внедрение механизмов управления ресурсами сети, а также элементов оценки и контроля.

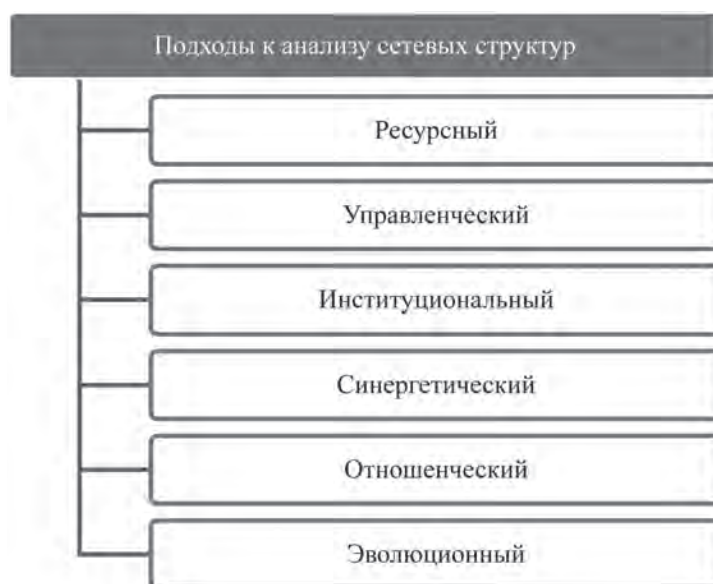

Рисунок 2. Подходы к анализу сетевых структур [4]

Помимо этого применение различных цифровых технологий позволяет повысить совместимость новых продуктов и решений фирм участников сети, сократить временные лаги на выстраивание таких продуктов и решений в систему цепочек и процессов сетевой структуры.

Цифровые сервисы позволяют сформировать систему умного обслуживания на всех стадиях продуктов и обеспечить полную вовлеченность в этот процесс всех участников.

Использование массивов данных и продвинутая аналитика, когнитивные технологии позволят управлять надежностью и эффективностью существующих

цепочек и механизмов формирования отношений, выводя взаимное доверие в рамках сетей на новый уровень. Большое значение будет иметь и кибербезопасность как одна из основных составляющих сети.

Использование больших данных, облачных вычислений, интернета вещей позволит существенно повысить производительность всех систем, улучшить логистику и повысить грамотность управления ресурсами, имеющимися в распоряжении у компаний.

Таким образом цифровая трансформация позволит получить новые возможности для сетевых структур, повышая эффективность взаимодействия элементов сети.

Список литературы

1. Аренков И.А., Смирнов С.А., Шарафутдинов Д.Р., Ябурова Д.В. Трансформация системы управления предприятием при переходе к цифровой экономике // Российское предпринимательство. 2018. Том 19. № 5. С. 1711-1722. doi: 10.18334/rp.19.5.39115
2. Бабанова Ю.В., Орлов В.М., Антонян Р.С. Гибкие технологии управления предприятием в условиях цифровизации экономики // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2018. № 6 (216). С. 61-66.
3. Кони́на Н.Ю. Проблемы менеджмента крупнейших мировых фирм в условиях цифровой трансформации // Neftegaz.RU. 2018. № 7. С. 18-26.
4. Коровин Г.Б. Сетевые структуры в промышленности региона // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 4. С. 1132-1146. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-9>
5. Мозговой А.И. Повышение эффективности управления за счет цифровизации экономики // Вестник Евразийской науки, 2018 №5, <https://esj.today/PDF/91ECVN518.pdf>
6. Петропавлов И.А. Сетевые формы организации в современных хозяйственных системах. Часть 1 // Креативная экономика. 2007. № 2. С. 70-76.
7. Петропавлов И.А. Сетевые формы организации в современных хозяйственных системах. Часть 2 // Креативная экономика. 2007. № 3. С. 79-78.
8. Петропавлов И.А. Сетевые формы организации в современных хозяйственных системах. Часть 3 // Креативная экономика. 2007. № 4. С. 62-69.
9. Рогатных Е.Б. Влияние цифровизации на развитие современной мировой экономики // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 11. Т. 5. С. 64-70.
10. Сафрончук М.В. Влияние цифровой трансформации на бизнес и деловую среду // Экономика и управление: проблемы и решения. 2018. № 2. Т.3 С. 38-44.

11. Designing Organizations to Meet 21st-Century Opportunities and Challenges / Miles R. E., Snow C. C., Fjeldstad O. D., Miles G., Lettl C. // *Organizational Dynamics*. 2010. Vol. 39, iss. 2. P. 93–103. <https://doi.org/10.1016/j.orgdyn.2010.01.00>
12. *Granovetter M.* Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // *American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 91. No. 3.
13. *Hannan M., Freeman J.* The Population Ecology of Organizations // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 82. №5. P. 939–940.
14. *Miles R. E., Snow C. C.* Causes of failure in network organizations // *California Management Review*. 1992. Vol. 34, no. 4. P. 53–72.
15. *Webster J.* Networks of Collaboration or Conflict? Electronic Data Interchange and Power in the Supply Chain // *The Journal of Strategic Information Systems*. 1995. Vol. 4. № 1

References

1. *Arenkov I. A., Smirnov S. A., Sharafutdinov D. R., Yaburova D. V.* Transformation of the enterprise management system in the transition to the digital economy. 2018. Volume 19. No. 5. pp. 1711–1722. doi: 10.18334/rp.19.5.39115
2. *Babanova Yu. V., Orlov V. M., Antonyan R. S.* Flexible technologies of enterprise management in the conditions of digitalization of the economy // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2018. No. 6 (216). pp. 61–66.
3. *Konina N. Yu.* Problems of management of the largest world firms in the conditions of digital transformation. *Neftegaz. RU*. 2018. No. 7. pp. 18–26.
4. *Korovin G. B.* Network structures in the region's industry // *The economy of the region*. 2020. Vol. 16, no. 4. pp. 1132–1146. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-9>
5. *Mozgovoy A. I.* Improving management efficiency through digitalization of the economy // *Bulletin of Eurasian Science*, 2018 No. 5, <https://esj.today/PDF/91ECVN518.pdf>
6. *Petropavlovsk I. A.* Network forms of organization in modern economic systems. Part 1 // *Creative Economy*. 2007. No. 2. pp. 70–76.
7. *Petropavlovsk I. A.* Network forms of organization in modern economic systems. Part 2 // *Creative Economy*. 2007. No. 3. pp. 79–78.
8. *Petropavlovsk I. A.* Network forms of organization in modern economic systems. Part 3 // *Creative Economy*. 2007. No. 4. pp. 62–69.
9. *Rogatnykh E. B.* The impact of digitalization on the development of the modern world economy // *Economics and Management: problems, solutions*. 2017. No. 11. vol. 5. C. 64–70.
10. *Safronchuk M. V.* The impact of digital transformation on business and the business environment // *Economics and Management: problems and solutions*. 2018. No. 2. vol. 3, pp. 38–44.
11. Designing Organizations to Meet 21st-Century Opportunities and Challenges / Miles R. E., Snow C. C., Fjeldstad O. D., Miles G., Lettl C. // *Organizational Dynamics*. 2010. Vol. 39, iss. 2. P. 93–103. <https://doi.org/10.1016/j.orgdyn.2010.01.00>
12. *Granovetter M.* Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // *American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 91. No. 3.
13. *Hannan M., Freeman J.* The Population Ecology of Organizations // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 82. №5. P. 939–940.
14. *Miles R. E., Snow C. C.* Causes of failure in network organizations // *California Management Review*. 1992. Vol. 34, no. 4. P. 53–72.
15. *Webster J.* Networks of Collaboration or Conflict? Electronic Data Interchange and Power in the Supply Chain // *The Journal of Strategic Information*

Алиева Светлана Викторовна,

доктор социологических наук, заведующий кафедрой Менеджмента и предпринимательского права,
Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, город Пятигорск,
svet_al55@mail.ru

Жамборов Анзор Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Огневой подготовки, Северо-Кавказский институт повышения
квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, город Нальчик,
Jamborow@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОДЕЛИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Рассматривается проблема обеспечения эффективной правоохранительной деятельности усилиями государственных правоохранительных структур в тесном взаимодействии с общественными формированиями правоохранительной направленности и различными социальными группами. На основе анализа теоретических и нормативных источников обоснована целесообразность реализации социально-ориентированной модели правоохранительной деятельности как условия обеспечения конструктивного взаимодействия правоохранительных органов и институтов гражданского общества.

Ключевые слова: социальный институт, правоохранительная деятельность, обеспечение правопорядка, моделирование поведения, социальные технологии, социокультурное пространство, социально ориентированная модель

Svetlana V. Aliyeva,

doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Management and Business Law,
North Caucasus Institute-Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Pyatigorsk,
svet_al55@mail.ru

Anzor A. Zhamborov,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Fire Training, North Caucasus Institute
of Advanced Training (branch) Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik,
Jamborow@mail.ru

IMPLEMENTATION OF A SOCIALLY-ORIENTED LAW ENFORCEMENT MODEL IN MODERN RUSSIA

Abstract. This article examines the problem of effective law enforcement by state law enforcement agencies in close cooperation with law enforcement agencies and various social groups. Based on the analysis of theoretical and regulatory sources, the introduction of a society-oriented law enforcement model is justified as a condition for constructive interaction between law enforcement agencies and civil society institutions.

Keywords: social institution, law enforcement, law enforcement, behavior modeling, social technologies, sociocultural space, socially oriented model

Современная российская реальность, демонстрируя состояние непредсказуемости и неопределенности, обозначила проблему обеспечения общественной безопасности и сохранения социальной стабильности. Необходимость противостояния вызовам и угрозам требует повышения эффективно-

сти правоохранительной деятельности, способной предотвратить дисфункциональные и дезорганизационные процессы в обществе.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности России проводится модернизация правоохранительных органов, и создаются необходимые

условия взаимодействия с гражданским населением. Это обеспечивается за счет открытости и публичности в работе полиции, что способствует формированию доверия граждан и сотрудничеству с правоохранительными органами.

Для достижения генеральной цели обеспечения благополучия и социальной защищенности человека созданы социальные институты, среди которых особое место занимает полиция.

Если рассматривать категорию «социальный институт» в классической парадигме, то ее определение связано с объяснением общественного устройства. Э. Дюркгейм, называя социальный институт «фабрикой по производству социальных связей», подчеркивает их роль в обеспечении общественной стабильности [1]. Аналогичного взгляда придерживался Т. Парсонс, отмечая, что социальные институты обеспечивают устойчивое функционирование социальных систем, благодаря выполнению функции координации социальных действий [2].

Значительный интерес представляет позиция Р. Мертона, который обращает внимание на двойственность выполняемых функций: с одной стороны социальные институты обеспечивают общественную стабильность, а с другой – сами институты способны превратиться в дестабилизирующий фактор, становясь дисфункциональными [3]. Многие современные ученые видят в качестве причины такого явления человеческий фактор, в связи с чем в своих исследованиях акцентируют внимание на таком важном аспекте, как присутствие живых людей, выполняющих социальные функции института. Так, Гуцаленко Л.Е. в статье «Нужна ли социологии жизни живая личность?» вносит в определение социальных институтов важную характеристику, подчеркивая присутствие в них организованных, компетентных, живых, реальных людей, сотрудников, руководителей [4].

Выполняя, прежде всего, патриотическую миссию, полиция реализует различные функции, связанные с обеспечением правопорядка в обществе и социальной защиты человека. Во многом выполнение этих функций обусловлено современным состоянием социума, характерными чертами которого является либеральность, толерантность, унификация потребностей, единое информационное пространство. С одной стороны гражданам предоставлена возможность свободного самовыражения, а с другой существует опасность появления деструктивных проявлений в поведении людей, порождающих конфликтность. Как отмечает И.Ю. Сундиев, основные инструменты, порождающие деструктивное состояние социума, находят свое выражение в стимулировании излишнего потребления, замыкании человека в виртуальном пространстве, размывание субъектности в результате внедрения унификации потребностей, «унисекса»,

популяризации и внедрения технологий «вечного кайфа» и др. [5].

Как социальный институт, полиция обладает значительным потенциалом воздействия на поведение людей, прежде всего, с помощью юридических норм, поддерживающихся силой принуждения. Одновременно она выполняет функцию правовой и социальной защиты личности. Как отмечают Е.В. Коваленко, В.И. Коваленко, О.А. Соколова социальная функция правоохранительной деятельности полиции реализуется на двух уровнях и может быть представлена как социально-интегративная функция и как социально-сервисная. На первом уровне осуществляется консолидация общества, моделирование поведения и правосознания социума, на втором – помощь, охрана, поддержка слабо защищенных групп населения и создание комфорта социальной среды [6]. Обе функции, несмотря на различие, направлены на противостояние деструктивному воздействию факторов внешней и внутренней среды для предотвращения различных рисков, представляющих угрозу целостности российского общества.

В современных условиях наряду с принуждением к соблюдению правопорядка, полиция должна выполнять социальную функцию, направленную на обеспечение эффективных коммуникаций с населением, осуществление профилактических действий по защите граждан и проведение воспитательных мероприятий с подрастающим поколением.

Эффективное противодействие преступности выступает сегодня для общества и государства важнейшей как правовой задачей, характеризующей состояние правозащиты и правоприменения и их законодательного обеспечения, так и социальной задачей, связанной не только с достижением социально терпимого уровня преступности в стране и ее регионах и социально одобряемого состояния работы правоохранительных органов, но и активной ролью институтов гражданского общества и различных социальных групп в обеспечении правопорядка.

Минимизировать преступность в стране, которая в настоящее время выступает как фактор социально-правовой дестабилизации общества и угроза национальной безопасности государства, можно путем законодательного обеспечения и осуществления эффективной правоохранительной деятельности усилиями государственных правоохранительных структур в тесном взаимодействии с общественными формированиями правоохранительной направленности и различными социальными группами. При этом речь должна идти об эффективности использования правоохранительными органами в своей профессиональной деятельности передовых административно-правовых, оперативно-розыскных, следственно-процессуальных, криминалистических и собственно социальных технологий.

Социальные технологии сегодня проникают в различные сферы социальной практики и представляют собой инструменты воздействия на общество, с целью внесения изменений. В этом плане наиболее точно определяет социальную технологию В.В. Щербина. Он трактует социальную технологию как инструментальные средстварешения типовых проблем, возникающих в социальных практиках с целью получения социально-значимых результатов, связанных с деятельностью людей в определенной социальной системе [7].

В других определениях присутствуют характеристики, связанные с процессами их реализации. Например, М. Марков трактует социальную технологию как способ организации деятельности, считая, что для этого способа организации деятельности типично расчленение сложного процесса на систему предписанных взаимосвязанных процедур, а также характерны алгоритмизация и стандартизация процедур [8]. Е.О. Нечаева рассматривает социальную технологию как продукт социального проектирования и средство обеспечения процессов воспроизводства или совершенствования процессов деятельности и типовых процедур управления [9].

В работе В.Н.Иванова сущность социальной технологии определяется рядом универсальных признаков, которые присущи всем технологиям: разделение процесса на операции; поэтапность действий, направленных на получение прогнозируемого результата; координация действий; однозначность выполнения процедур и операций [10].

Как можно заметить во всех приведенных определениях внимание акцентируется на социальных аспектах человеческой жизни и на способах их преобразования. При этом подчеркивается возможность тиражирования типовых процедур, последовательность выполнения операций и гарантированное получение социально-значимого результата. Следовательно, одним из возможных вариантов обеспечения конструктивного взаимодействия правоохранительных органов и институтов гражданского общества в реализации социальных технологий может выступить социально-технологический подход. По оценке современных исследователей, он позволяет получать оптимальный социальный результат при наименьших материальных и моральных издержках.

С помощью социальных технологий могут быть решены многие проблемы, такие, как конфликты, социальная напряженность, стрессы, эмоциональное выгорание и др. Кроме того, к ним прибегают в тех случаях, когда возникает потребность нахождения оптимальных способов взаимодействия сотрудников правоохранительных органов с гражданами, в определении новых способов поддержания социальной стабильности и общественной безопасности. Если переформулировать данную мысль более точно, то

можно сказать, что социальные технологии представляют собой способ организации и упорядочения целесообразной практической деятельности, совокупность приемов, направленных на определение или преобразование социального объекта, достижение заданного результата [11].

Наиболее общепринятым является суждение о роли социальной технологии как инструмента воздействия на проблемы, возникающие в организации в процессе отношений людей с целью получения социально-значимых результатов [7, с.153]. Отсюда следует, что применение социальных технологий в правоохранительной деятельности в современных условиях выступает условием значимых социальных преобразований. Основываясь на понимании их сущности как алгоритмизированного процесса, можно выделить ключевые элементы технологизации социального пространства: ориентация на решение конкретных проблем; направленность на настоящее и будущее состояния объекта; формулирование заданной последовательности действий, имеющих собственные внутреннюю логику и пространственно-временной горизонт.

Использование социальных технологий обуславливается переходом правоохранительных органов современной России на социально ориентированную модель организации и деятельности. Этот переход является следствием общемировой тенденции, проявившейся в развитых странах Запада в 60-е годы прошлого века.

Вместе с тем многочисленные исследования и реальная практика свидетельствуют о том, что эффективность правоохранительной деятельности в стране пока еще не достигла высокого уровня. Также все еще невысокими остаются уровни доверия населения к органам обеспечения правопорядка, удовлетворенности их работой и социальной поддержки.

Реформа правоохранительной системы страны объективно направлена на повышение социально-правовой эффективности всех правоохранительных органов, на расширение и укрепление их взаимодействия с гражданским обществом, на информационную открытость и управляемость с учетом общественного мнения, на формирование общественных правоохранительных объединений. В рамках реформы принят ряд основополагающих законодательных актов, например, Федеральные законы «О полиции» [12] и «Об участии граждан в охране общественного порядка» [13], декларирующие необходимость усиления социальной направленности и ориентированности правоохранительной деятельности.

Например, в законе «О полиции» из шести основополагающих принципов в организации деятельности полиции, четыре имеют выраженный социальный характер, а общественное мнение провозглашается

одним из ведущих критериев оценки эффективности полиции. Реализация этих принципов, а, в конечном счете, обеспечение социально ориентированной правоохранительной деятельности, требует соответствующих социальных технологий, которые рассматриваются нами как действенное условие повышения эффективности правоохранительной деятельности в стране и соответственно работы каждого ее субъекта.

Выросшая плюрализация общественного мнения, сложность взаимоотношений между населением и представителями власти, виртуальный формат коммуникации и др. привели к необходимости пересмотра традиционных подходов к организации взаимодействия и поиску актуального формата разрешения противоречия между формами реализации целей правоохранительной деятельности и удовлетворением общественных интересов. Актуализируется необходимость теоретического осмысления новой роли полиции, когда происходит смена жесткой иерархической пирамиды управления и взамен появляется новая структура, основанная на доверии и кооперативном сотрудничестве.

Отсюда следует, что одним из главных направлений развития правоохранительной деятельности становится участие граждан в общественной жизни, основанное на результативном использовании современных технологий. Соответственно, решающее значение приобретают социальные технологии. Возможности их применения безграничны в любых сферах общественной жизни, в том числе и в области правоохранительной деятельности. Однако используются они не всегда рационально. Отдельные виды социальных технологий в правоохранительной деятельности используются ее субъектами (коммуникационные, связи с общественностью, социальное

управление, социальный аудит и др.), но их применение либо односторонне, например, PR-модель информирование общественности вместо PR-модели двухсторонней симметричной коммуникации, либо малоэффективно, свидетельством чему являются уровень правосознания и правовой культуры, а также мера вовлеченности населения и институтов гражданского общества в дело преодоления и особенно профилактики преступности. Данные обстоятельства актуализируют необходимость изучения возможностей и эффективности применения в практике правоохраны как имеющихся, так и новых социальных технологий.

Итак, завершая рассмотрение проблемы реализации социально-ориентированной модели правоохранительной деятельности, сформулируем основные выводы.

Во-первых, правоохранительную деятельность осуществляет полиция, которая, являясь социальным институтом, выполняет функции защиты прав и интересов граждан, обеспечивает безопасность государства и охрану общественного порядка.

Во-вторых, в условиях возрастания роли человеческого фактора и социальных технологий в решении социальных проблем необходимым условием эффективности правоохранительной деятельности является целенаправленное включение в нее социально-управленческого механизма, способствующего формированию доверия граждан и развитию их сотрудничества с правоохранительными органами.

В-третьих, наряду с созданием социокультурного пространства взаимодействия полиции и граждан, необходимо создавать условия для профессиональной мотивации и социально-правовой защищенности сотрудников правоохранительных органов и членов их семей.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991.
2. Парсонс Т. Социальная система//О социальных системах/Под. ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. -М.: Академический Проект, 2002.
3. Мертон Р. Явные и латентные функции//Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996.
4. Гуцаленко Л.Е. Нужна ли социологии жизни живая личность?// Социологические исследования. 2003. №10. С. 7.
5. Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. Вторая попытка: необходимость и возможность восстановления социального системогенеза // Экономические стратегии. – 2015. – № 3. – С. 128-141. Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/biology/vtoraya-popytka-neobxodimost-i-vozmozhnostvosstanovleniya-socialnogo-sistemogeneza/>. (дата обращения: 16.03.2021).
6. Коваленко Е.В., Коваленко В.И., Соколова О.А. Социальная мета-функция правоохранительной деятельности в современном российском обществе// НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2016. № 3 (224). Выпуск 35. С.137.
7. Щербина В.В. Рационализирующие социальные технологии// Вестник РУДН, серия Социология, январь 2016, том 16, № 1. – С.153.
8. Марков М. Теория социального управления. М., 1978.
9. Нечаева Е.О. Социальные технологии: история становления и версии понимания//Вестник РГГУ. Серия «Философия.Социология.Искусствоведение», 2014. №1(10). - С.55-56.(С.55-64). Режим доступа: [file:///C:/Users/1/Downloads/ratsionaliziruyushie-sotsialn-e-tehnologii%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/1/Downloads/ratsionaliziruyushie-sotsialn-e-tehnologii%20(1).pdf)(дата обращения: 19.04.2021).

10. Иванов В.Н. Социальные технологии в современном мире. – М.: Славянский диалог, 1996. – С.26-27.
11. Кравченко А.И. Социология управления: фундаментальный курс: Учебное пособие/А.И.Кравченко, И.О. Тюрина. – 4-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Деловая кн.; Москва: Акад. Проект, 2008.-С. 823.
12. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ//Собрание законодательства РФ (СЗРФ). 2011. № 7. Ст. 900.
13. Об участии граждан в охране общественного порядка Федеральный закон «Об участии граждан в охране общественного порядка» от 02.04.2014 № 44-ФЗ (последняя редакция). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161195/(дата обращения: 16.04.2021).

References

1. Durkheim E. On the division of social labor. Sociology method. – М.: Nauka, 1991.
2. Parsons T. Social system // On social systems / Under. ed. V.F. Chesnokova and S.A. Belanovsky. – М.: Academic Project, 2002.
3. Merton R. Explicit and latent functions//American sociological thought: Texts. Moscow: International University of Business and Management, 1996.
4. Gutsalenko L.Ye. Does the Sociology of Life Need a Living Personality?//Sociological Research. 2003. № 10. P.7.
5. Sundiev I. Yu., Frolov A.B. The second attempt: the need and the possibility of restoring social systemogenesis // Economic strategies. – 2015. – № 3. – P. 128-141. Access mode: <http://spkurdyumov.ru/biology/vtoraya-popytka-neobxodimost-i-vozmozhnostvosstanovleniya-socialnogo-sistemogeneza/>. (Date of access: 03.16.2021).
6. Kovalenko E.V., Kovalenko V.I., Sokolova O.A. Social meta-function of law enforcement in modern Russian society// NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 2016. № 3 (224). Issue 35.P.137.
7. Shcherbina V.V. Rationalizing social technologies//Bulletin of RUDN University, Sociology series, January 2016, volume 16, № 1. – p. 153.
8. Markov M. Theory of social management. М., 1978.
9. Nechaeva E.O. Social technologies: the history of formation and versions of understanding//Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Philosophy. Sociology. Art criticism", 2014. № 1 (10).- P.55-56. (P. 55-64). Access mode: file:///C:/Users/1/Downloads/ratsionaliziruyushie-sotsialn-e-tehnologii%20(1).pdf (date of access: 19.04.2021).
10. Ivanov V.N. Social technologies in the modern world. – М.: Slavic Dialogue, 1996. – P.26-27.
11. Kravchenko A.I. Sociology of management: a fundamental course: Textbook / A.I. Kravchenko, I.O. Tyurin. – 4th ed., Rev. and add. – Yekaterinburg: Business book; Moscow: Acad. Project, 2008.- P. 823.
12. On the police: Federal Law of February 7, 2011 № 3-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation (SZRF). 2011. № 7. Art. 900.
13. On the participation of citizens in the protection of public order Federal Law "On the participation of citizens in the protection of public order" dated 02.04.2014 № 44-FZ (last edition). Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161195/ (date of access: 04.16.2021).

Гостев Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра коммуникационных технологий и цифрового образования Московского государственного лингвистического университета, Москва,
Gostevan@inbox.ru

Демченко Татьяна Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью, Институт деловой карьеры, Москва,
tstarshinova@mail.ru

Орлов Александр Александрович,

подполковник полиции, слушатель Академии управления МВД России, Москва,
aorlov48@mvd.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УСЛОВИЙ ТРУДА СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ: СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье представляются результаты содержательного анализа научной литературы по проблеме условий труда сотрудников полиции; раскрывается нормативная правовая база, регулирующая управление условиями труда сотрудников полиции; определяются показатели характеристики и оценки условий труда этой категории граждан России; показываются результаты конкретного социологического исследования условий труда современного сотрудника полиции на эмпирической базе полицейских подразделений г. Москвы и Московской области; констатируется факт качественной разработанности нормативных правовых документов, регулирующих труд сотрудника полиции, и сложности их реализации в практической деятельности подразделений полиции; разрабатываются практические рекомендации структурам власти по совершенствованию управления условиями труда сотрудников полиции.

Ключевые слова: МВД России, полиция, граждане России, институт исполнительной власти, условия труда, сотрудники полиции, общественная ответственность, материально-техническое обеспечение труда, семья, законодатель, психологическое обеспечение, должностные обязанности, потребности жизнедеятельности человека, личность сотрудника полиции, удовлетворенность трудом, правоохранительные династии, мотивация на труд

Alexander N. Gostev,

Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Chief Researcher, Scientific and Educational Center for Communication Technologies and Digital Education, Moscow State Linguistic University, Moscow,
Gostevan@inbox.ru

Tatyana S. Demchenko

Ph.D. of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Management, Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow,
tstarshinova@mail.ru

Alexander A. Orlov,

police lieutenant colonel, student of the MIA Academy of Management, Moscow,
aorlov48@mvd.ru

IMPROVING THE WORKING CONDITIONS OF POLICE OFFICERS: SOCIAL AND MANAGERIAL ASPECT

Abstract. The article presents the results of a meaningful analysis of the scientific literature on the problem of working conditions of police officers; discloses the regulatory legal framework governing the management of working conditions of police officers; Define the characteristics and assessment of working conditions of this category of Russian citizens; shows the results of a specific sociological study of the working conditions of a modern police officer on the empirical basis of police units in Moscow and the Moscow region; The fact of the qualitative development of normative legal documents governing the work

of a police officer and the difficulty of their implementation in the practical activities of police units is noted; Practical recommendations are being made to the authorities to improve the management of working conditions of police officers:

Keywords: Ministry of Internal Affairs of Russia, police, citizens of Russia, institution of executive power, working conditions, police officers, public responsibility, material and technical support of labor, family, legislator, psychological support, official duties, needs of life of a person, personality of a police officer, satisfaction with labor, law enforcement dynasties, motivation to work

Введение. Полиция – особый институт федеральной исполнительной власти, целью деятельности которого является охрана правопорядка. В настоящее время она решает сложные задачи: повышает уровень эффективности (результативности) правоохранительной деятельности; укрепляет к себе доверие российских граждан, обеспечивает правоохранительную деятельность в процессе реализации стратегических государственных программ и другие. Труд сотрудников полиции как силового института государства ненормированный по времени, связан с рисками потери здоровья и жизни, высоко интеллектуален, требует прилежности, дисциплины и ответственности. Например, если говорить об интеллектуальности труда сотрудников полиции, как отмечает Министр МВД России В.А. Колокольцев, в стране «рост тяжких составов произошел преимущественно за счет увеличения посягательств с использованием цифровых информационных технологий. Криминальные деяния, совершенные с использованием IT-технологий, составляют всё большую долю в общей структуре преступности. Сегодня она достигла 25%» [20]. Априори, чтобы противостоять «интеллектуальной преступности», нужна соответствующая подготовка сотрудников полиции.

Очевидно, что разрешение современных задач борьбы с преступностью без всестороннего морального, материального, правового, информационного и иных видов обеспечения затруднительно. Априори, хорошие условия труда – это фактор эффективной (продуктивной) деятельности любого человека. В этой связи в российских и зарубежных гуманитарных, экономических и иных науках эта проблема находится постоянно в поле зрения ученых. Наблюдения практики показывают, что большинство знаний этого общественного феномена, полученные ранее, можно интерпретировать и экстраполировать на труд современных сотрудников полиции, что предполагает изучение и применение лучших практик советской милиции.

Высокий уровень общественной ответственности обуславливает сотрудника полиции постоянно находиться в состоянии уравновешенности, не допускать нарушений правил несения службы, соблюдать нормативные правовые установки и быть всегда готовым к исполнению своего профессионального долга, полной отдаче моральных и физических сил избранной профессии.

Методика исследования. В изучении проблемы управления совершенствованием условий труда

сотрудников полиции для обеспечения достоверности, верификации, точности его результатов авторами применялся комплекс теоретических (анализ, синтез, сравнение, аналогия и другие) и эмпирических (экспертный опрос, анализ документов, наблюдение, интервью и другие) методов. В работе применен комплексный подход с технологиями структурно-функционального анализа. Полученные результаты для установления связей, зависимостей между исследуемыми процессами и явлениями обрабатывались математическими и статистическими способами.

Эмпирическая база: подразделения полиции г. Москвы и Московской области, документы научных исследований деятельности полиции. Кластеры – десять ОВД. Эксперты (N = 216) – сотрудники полиции.

Обсуждение проблемы. Результаты анализа научных трудов с рассматриваемой тематикой [22, 25, 28] показывают, что условиям работы общественного института полиции уделяется достаточно внимания, но их рассмотрение еще не объединено в системную теоретическую конструкцию. Очевидно, что содержание этого фактора определяется направлением деятельности. Например, условия труда сотрудника полиции в образовательной организации, участкового уполномоченного полиции, ГИБДД, финансовой части, тыловых, кадровых подразделений и т.п., неравнозначны. В этой связи исследователи рассматривают условия труда сотрудников полиции исходя из предмета их деятельности. Так, одни определяют условия труда сотрудников полиции в процессе профилактики незаконной миграции [17, 18, с. 27]; другие – противодействия рецидивной преступности иностранных граждан [19, с.26]; третьи – функционирования системы общественных механизмов стимулирования сотрудников полиции [26, с. 30]; четвертые – анализа рабочего времени сотрудника полиции [22, с.101; 25, с. 70]; пятые – регулирования служебного времени и времени отдыха в деятельности сотрудников [28, с. 287]; шестые – формирования имиджа руководителя ОВД [27, с. 17]; седьмые – организацию управления органом внутренних дел Российской Федерации [29, с. 81]; восьмые – исследования психологии эффективного труда в социальной сфере [17, с. 342]; девятые – обеспечения безопасности населения в условиях гибридной войны [21, с. 129]; десятые – изучения конфликтных взаимоотношений в организациях полиции [23, с.132]; одиннадцатые – противодействия инфор-

мационно-психологической защиты социальной организации [24, с. 79] и т.п.

Например, очевидно, что, если сотрудник полиции не имеет достаточного времени отдыха для восстановления моральных и физических сил, то по закону систем он определяет большинство из внешних и внутренних факторов как враждебные, неприемлемые, конфликтные. В результате у него появляются проблемы в общении с окружающими людьми, снижается уровень психологической активности в труде, утрачивается мотивация на служебную деятельность и т.п. Многие авторы отмечают [18, 22, 25, 27], что при ненормированном распорядке дня, сокращенном времени, отведенного на отдых, постоянном пребывании в состоянии психолого-эмоционального напряжения, активном общении с представителями криминальной (антисоциальной) среды, при систематических учебных тренировках, наступает профессиональное выгорание личности сотрудника полиции, утрачивается его интерес к качественно-му исполнению своих трудовых функций, и, соответственно, такое отношение скажется на общем имидже полиции, который законодатель регламентирует формировать как позитивный.

Некоторые исследователи [26, 28, 29] на основе конкретных результатов хронометража рабочего дня сотрудников полиции с обеспеченной репрезентативностью делали выводы, что большая часть из них в современных условиях работы подразделений полиции объективно не может с достаточным качеством выполнять свои должностные обязанности, решать проблемы организации, считать свой профессиональный труд престижным.

Содержательный анализ научных исследований позволяют судить о том, что квалифицировать условия труда сотрудников полиции можно по различным показателям: экономическому, политическому, нормативно-правовому, социально-психологическому, образовательному, экологическому и иным, соответствующим всему спектру потребностей жизнедеятельности человека. Кроме того, анализ позволил определить системообразующие условия труда этой категории российских граждан: напряженность труда, ответственность, продолжительность рабочего дня, время досуга (свободное от службы время), низкий уровень материально-технического обеспечения и другие. Эти негативные условия сопряжены с другими, сопутствующими (неочевидными, скрытыми).

Результаты конкретного социологического исследования. Содержательный анализ нормативно-правовых документов, регулирующих деятельность МВД России, показал, что в нем осуществляется своевременное, соответствующее современным условиям правовое обеспечение дея-

тельности полиции. Так, учитывая сложность социально-психологической ситуации в стране, которая ретранслируется на организации полиции, Приказом МВД России от 02.09.2013 № 660 утверждено Положение об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации [11], организованы специальные подразделения для его реализации.

Разрабатываются и реализуются меры по регулированию процесса регламентации служебного времени сотрудника полиции, которые изложены в главе 8 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и имеет название «Служебное время и время отдыха сотрудника органов внутренних дел» [3].

Априори, учитывая особое предназначение полиции как силовой структуры, категория «время отдыха», представленная в ст. 55 этого закона частично отличается от формулировки аналогичного понятия, содержащегося в ТК РФ [1] и определяется как «время, в течение которого сотрудник органов внутренних дел свободен от выполнения служебных обязанностей», с исключением указания на то, что такое время сотрудник может использовать по собственному усмотрению. Это означает, что несмотря на предоставленное время отдыха, сотрудник полиции остается функционирующим субъектом системы. Данное утверждение подтверждают нормы ч. 2 ст. 27 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [2], в котором указано, что сотрудник полиции независимо от замещаемой должности, места нахождения и времени суток обязан: 1) Оказывать первую помощь гражданам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также гражданам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья; 2) В случае обращения к нему гражданина с заявлением о преступлении, об административном правонарушении, о происшествии либо в случае выявления преступления, административного правонарушения, происшествия принять меры по спасению гражданина, предотвращению и (или) пресечению преступления, административного правонарушения, задержанию лиц, подозреваемых в их совершении, по охране места совершения преступления, административного правонарушения, места происшествия и сообщить об этом в ближайший территориальный орган или подразделение полиции.

Очевидно, что из вышеуказанных нормативных определений следует, что как такового понятия «время отдыха» для сотрудника полиции не существует, а имеется некий период, в течении которого полицей-

ский просто неформально освобожден от непосредственного выполнения возложенных на него задач по обеспечению правопорядка.

Формально для сотрудника органов внутренних дел устанавливаются виды отдыха (перерыв в течение служебного дня, ежедневный отдых, еженедельные выходные дни, нерабочие праздничные дни и отпуска). Согласно ч. 1 ст. 56 Федерального закона Российской Федерации «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] сотруднику предоставляются следующие отпуска с сохранением денежного довольствия: 1) Основной отпуск; 2) Дополнительные отпуска; 3) Каникулярный отпуск; 4) Отпуск по личным обстоятельствам; 5) Отпуск по окончании образовательной организации высшего образования МВД России; 6) Другие виды отпусков в случае, если их оплата предусмотрена законодательством Российской Федерации.

Для сотрудников полиции законодателем определен широкий спектр социальных гарантий [5], им индексируется размер ежемесячной денежной компенсации [9], выплачиваются ежемесячные надбавки к месячному окладу в соответствии с замещаемой должностью за сложность выполняемых задач [8]; уволенным со службы, членам их семей и лицам, находящимся на их иждивении, гарантируется медицинская помощь и обеспечение их санаторно-курортным лечением [7]; оплачивается проезд в транспорте [16]; организовано продовольственное обеспечение отдельных категорий сотрудников в мирное время [15]; предоставляется возможность медико-психологической реабилитации [13] и другие льготы.

Очевидно, что эти положения разработаны для идеальных условий работы полиции: полная укомплектованность, самоотверженная и прилежная работа кадров, достаточное бюджетное материально-техническое обеспечение и т.п. В настоящее же время с этими и другими показателями в подразделениях полиции есть трудноразрешаемые проблемы. Так, сотрудники полиции, привлекаемые для охраны правопорядка сверхурочно, а также в праздничные и выходные дни, не в полной мере могут реализовывать свое гарантированное конституционное право на отдых из-за проблем, например, комплектования подразделений полиции.

Результаты исследования показали, что не все положения нормативно-правовых документов полностью реализуются в практической деятельности подразделений МВД, поэтому значительная часть сотрудников полиции негативно отзывалась об условиях реализации своих должностных обязанностей (см. Рисунок 1).

Как видно на рисунке 34,7 % сотрудников полиции скорее отрицательно отзывались об условиях службы.

Результатами экспертного опроса определено, что добросовестные (прилежные, ответственные) сотрудники полиции ограничены временем отдыха, необходимого для восстановления сил, профилактики здоровья. Этот вывод сделан путем сравнительно-сопоставительного анализа реального состояния дел с занятостью большей части сотрудников полиции на службе и требованиями норм Трудового кодекса Российской Федерации [1], должностных регламентов, правил внутреннего трудового распорядка и ведомственных приказов. Так, эксперты отмечали, что больше половины сотрудников полиции (54,2%)

Рисунок 1. Удовлетворенность сотрудников полиции условиями своего труда

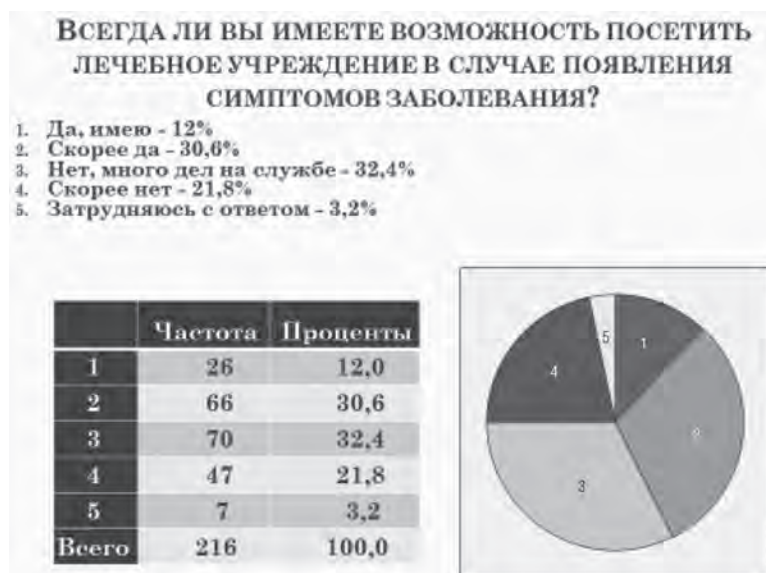

Рисунок 2. Мнение экспертов о возможности регулярного сохранения своего здоровья сотрудниками полиции

не всегда имеют возможность посетить лечебное учреждение даже в случае появления симптомов заболевания (см. Рисунок 2).

Очевидно, что если человек не имеет регулярную возможность сохранять основную жизненную ценность – собственное здоровье, то можно констатировать факт излишней загруженности его на рабочем месте и неэффективной организации управления условиями труда сотрудниками полиции.

Априори, основной, наиболее близкий, ценный, необходимый институт общества для каждого человека – это его семья. Семья, по сути, для сотрудника полиции – свое государство, которое создает (или не создает) особые условия для его опасного труда, выполняя такие функции, как репродуктивная (продолжение рода), социализации (формирование успешной личности), воспитательная (передача знаний; формирование умений навыков, привычек, убеждений, мировоззрения и т.п.); экономическая, защитная, эмоционально-психологическая и многие другие.

Но, как показал опрос экспертов, большая часть сотрудников полиции (51,8%) практически оторвана от семьи (см. Рисунок 3).

В интервью многие эксперты отмечали, что у сотрудника полиции не остается времени на регулярное воспитание детей в семье, поэтому в их семьях больше разводов, чем в среднестатистической российской. Отмечались и такие факты, как коррупция, снижение уровня выполнения профессионального долга, изменение внутреннего отношения сотрудника к объектам и субъектам, подлежащих охране и защите.

Следует отметить, что большинство экспертов почти не опасались критически высказываться в кон-

тексте характеристики условий службы сотрудников полиции, что можно объяснить либо низким уровнем их мотивации на службу в органах МВД России, либо значительным достижением руководства министерства в обеспечении гласности, доверия к кадрам (см. ниже список нормативных правовых документов, регулирующих работу системы МВД).

Сложность положения с мотивацией российских граждан на службу в МВД косвенно констатировал Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольников на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации: «... поставленные перед нами задачи решались в условиях возросших нагрузок, связанных, в том числе, со значительным некомплектом. Сегодня он составляет порядка 70 000 (семидесяти тысяч!) человек» [20]. Если считать, что в полиции работает около 900 000 сотрудников, то общий некомплект составляет около 13%, а на основных должностях, сотрудники которых «непосредственно взаимодействуют с населением (патрульно-постовая служба, участковые уполномоченные полиции, сотрудники оперативного блока)» [20] до 30%. Поэтому, объективно, только по этому показателю сотрудник полиции, работающий непосредственно с населением, перегружен работой на 30%.

Точность данных о сложности условий труда данных категорий граждан России коррелируется с результатами ответов на вопрос о количестве детей в семье (см. Рисунок 4). Вывод очевиден, семьи большинства сотрудников полиции имеют не более двух детей, что не всегда является показателем крепости семьи, ее материальной обеспеченности и уверенности в хорошем будущем детей.

Рисунок 3. Возможность сотрудников полиции проводить досуговые мероприятия в семье

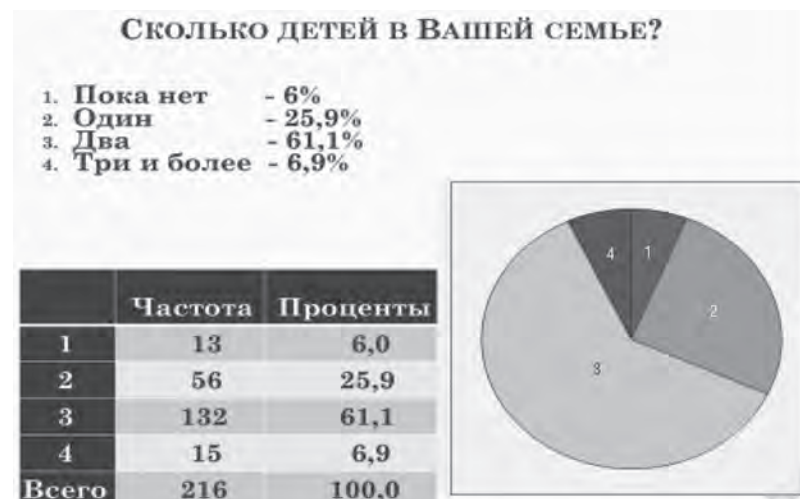

Рисунок 4. Количество детей в семьях сотрудников полиции

Результаты проведенного авторами исследования выявили такой факт: повышение уровня денежного довольствия сотрудников полиции не соответствует степени роста предъявляемых к ним профессиональных требований. Априори, этот факт объясняется некомплектом кадров и, как следствие, высоким уровнем загруженности других сотрудников, не соответствием уровня подготовленности кадров и оплатой их труда.

В интервью почти все сотрудники полиции констатировали такой факт: повышение уровня денежного довольствия сотрудников полиции в последние годы не способствует росту их мотивации на качественное исполнение обязанностей по охране правопорядка, поскольку увеличилась нагрузка, а также повысились требования, предъявляемые к сотрудникам этой структуры. Более того, этот факт стал восприниматься как средство для управления

личным временем полицейского и попранием его права на отдых.

Показателен и такой опасный для общества факт – прогрессирующий отказ от создания династий правоохранителей в семьях сотрудников полиции. Оказалось, что уменьшается количество представителей МВД, которые бы рекомендовали своим детям получать профессию полицейского (см. Рисунок 5). Этот факт можно квалифицировать как своеобразную протестную форму общественного контроля [4, 5].

Сравнительно-сопоставительный анализ мнений экспертов, содержательный анализ нормативно-правовых документов [6, 10, 12, 14] показали, что вышеуказанные негативные факторы своевременно учтены высшими органами управления органов внутренних дел, разработаны основы гарантий, компенсации, льготы для сотрудника полиции, призванные

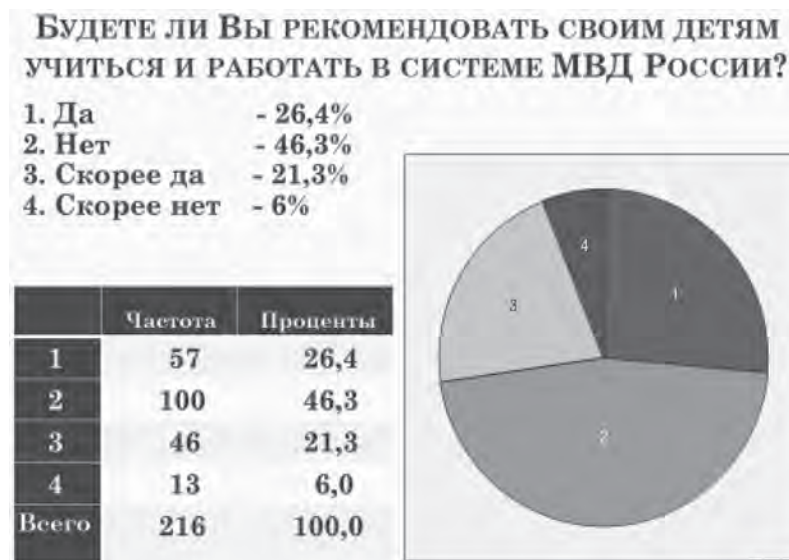

Рисунок 5. Мнение сотрудников полиции о желании рекомендовать своим детям служить в МВД России

повысить уровень их прилежности, профессионализма, мотивацию на правоохранительный труд. Проводится большой объем организационной работы по их практической реализации. Но общие социально-политические, экономические, внешнеполитические и иные обстоятельства обусловили возникновение этих же проблем почти во всех институтах федеральных органов власти. Поэтому, находясь в системе федеральных органов исполнительной власти, МВД России подвержена всем негативным факторам, имеющимся в России.

Следует отметить, что в МВД России, как ни в одной другой структуре федеральных органов исполнительной власти, реализуется принцип научности в управлении подразделениями полиции. Например, на высоком уровне качества осуществляется профессионально-психологический отбор кадров с использованием знаний психологии. С этой целью в штате имеются должности профессиональных психологов, практикуются сеансы «психологической разгрузки», проводятся контрольные проверки лояльности сотрудников полиции на специальном детекторе.

Заключение. Таким образом, труд сотрудников полиции связан с рисками потери здоровья и жизни, ненормирован по времени, высоко интеллектуален, требует прилежности, дисциплины и ответственности. Поэтому он должен быть всесторонне морально, материально, законодательно, информационно и т.п. обеспечен. Результаты данного исследования показывают, что уровень качества обеспечения службы сотрудников полиции обуславливает сложные условия труда среднестатистического полицейского, что приводит к утрате его мотивации на эффективный труд и падение авторитета полиции в целом.

Точно квалифицировать условия труда сотрудников полиции можно по показателям соответствующим всему спектру потребностей жизнедеятельности человека. Системообразующими показателями оценки условий труда этой категории российских граждан являются: напряженность труда, ответственность, продолжительность рабочего дня, время досуга, уровень материально-технического обеспечения и другие.

В МВД России осуществляется своевременное, соответствующее современным условиям правовое обеспечение деятельности полиции. Но не все положения нормативно-правовых документов полностью реализуются в практической деятельности подразделений МВД, что приводит к снижению уровня мотивации на эффективный труд у сотрудников полиции.

Практические рекомендации.

I. В области совершенствования нормативно-правовой базы.

Научным организациям МВД России необходимо разработать и предложить законодателю проект Трудового кодекса органов внутренних дел Российской Федерации, основываясь на положении о том, что «правоохранительная деятельность имеет ряд особенностей, которых нет у представителей профессий, не связанных с охраной правопорядка».

II. В области административно-организационной работы.

МВД России предложить разработать методические рекомендации:

– по организации воспитательной работы с сотрудниками полиции в сложившихся социально-экономических и организационно-кадровых условиях;

– по материальному стимулированию труда сотрудников полиции в условиях перераспределения должностных обязанностей в непредвиденных обстоятельствах «за счет внутреннего перераспределения бюджетных средств».

III. В области теоретических разработок и научно-исследовательской работы.

Научным организациям, вузам МВД России организовать исследования по направлениям:

– изучение и применение лучших практик управления условиями труда советской милиции;

– политический механизм управления условиями труда сотрудников полиции;

– экономический механизм управления условиями труда сотрудников полиции;

– механизм общественной ответственности в системе управления условиями труда сотрудников полиции;

– механизм гласности в системе управления условиями труда сотрудников полиции;

– механизм традиций в системе управления условиями труда сотрудников полиции.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // Российская газета, № 256, 31.12.2001.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О полиции» // Российская газета, 08 февраля 2011 г.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. От 08.12.2020) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Парламентская газета, № 52-53, 02-08.12.2011.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Российская газета, № 6435, 23 июля 2014 г.
5. Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ (ред. От 31.07.2020) «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 157, 21.07.2011
6. Государственная программа Российской Федерации: «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // <https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma> Дата обращения 12.01.2021 г.
7. Постановление Правительства РФ от 15.12.2018 № 1563 «О порядке оказания сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, отдельным категориям граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах внутренних дел, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, членам их семей и лицам, находящимся на их иждивении, медицинской помощи и обеспечения их санаторно-курортным лечением» // Собрание законодательства РФ, 24.12.2018, № 52, ст. 8290.
8. Постановление Правительства РФ от 22.01.2020 № 28 «О ежемесячной надбавке к месячному окладу в соответствии с замещаемой должностью за сложность выполняемых задач сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.02.2020, № 5, ст. 525
9. Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 № 1873 «Об индексации размера ежемесячной денежной компенсации, установленной частью 1.1 статьи 12 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 23.11.2020, № 47, ст. 7562
10. Приказ МВД РФ от 15 августа 2012 г. № 795 «О порядке принесения извинений гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции» // <https://base.garant.ru/70222544/> / Дата обращения 12.01.2021 г.
11. Приказ МВД России от 02.09.2013 № 660 «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»
12. Приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» // <https://dokipedia.ru/document/5200338>. Дата обращения 12.01.2021 г.
13. Приказ МВД России от 10.01.2012 № 5 (ред. От 20.08.2014) «О медико-психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета, № 58, 16.03.2012
14. Приказ МВД России от 1 декабря 2016 г. № 777 «Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции» // <https://мвд.пф/mvd/documents/20120328164545/item/15825952>. Дата обращения 12.01.2021 г.
15. Приказ МВД России от 23.06.2020 № 444 «О некоторых вопросах продовольственного обеспечения отдельных категорий сотрудников и иных категорий лиц в органах внутренних дел Российской Федерации в мирное время»
16. Приказ МВД России от 23.11.2020 № 794 «Об утверждении Порядка оплаты проезда сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и членам их семей, а также выплаты денежной компенсации расходов, связанных с оплатой проезда, членам семей и родителям погибшего (умершего) сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» // <http://pravo.gov.ru>, 22.12.2020

17. Бокарева В.Б., Лантев Л.Г., Гостев А.Н. Психология эффективного труда в социальной сфере: монография. Москва: Объединенная редакция; Ярославль, Филигрань. 2019. 629 с.
18. Ветрова О.А., Гостев А.Н., Демченко Т.С. Незаконная миграция как причина совершения преступлений иностранными гражданами, подпадающими по действие административного надзора (ВАК) // Вестник Академии права и управления, № 1 (58), 2020. С. 25-31
19. Ветрова О.А., Гостев А.Н., Демченко Т.С. Рецидивная преступность иностранных граждан на территории России: социолого-правовая характеристика // Вестник Академии права и управления. 2020. № 2 (59). С. 23-31.
20. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 21.03.2021 г.// URL: [http:// kremlin.ru](http://kremlin.ru) (дата обращения 10.04.2021 г.)
21. Гостев А.Н. Теоретико-методологические основы исследования феномена гибридной войны и проблемы безопасности: результаты анализа цифровых документов // Научно-практический журнал «Человеческий капитал» №12 (132) часть 2, 2019. С 126-147.
22. Гришаков А.Г., Реньев А.Г., Тырышкин В.В. Рабочее время участкового уполномоченного полиции и факторы, влияющие на его распределение в течение дня // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2016. № 2 (31). С. 98-106.
23. Демченко Т.С., Гостев А.Н. Организационный конфликт: социологический аспект: монография. М.: Изд-во СГУ, 2013. – 193 с.
24. Демченко Т.С., Гостев А.Н. Управление информационно-психологической защитой социальной организации: монография. М.: СГА, 2013, 198 с.
25. Инкижинова С.А., Кулаков В.В. Анализ использования рабочего времени сотрудников служб полиции // Сборник: Проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте изменения геополитической ситуации. Материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 68-74.
26. Кадыров Р.Х., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Общественные механизмы стимулирования сотрудников полиции (ВАК) // Вестник Академии права и управления, № 4 (61), 2020. С. 25-32
27. Кукулина Е.Ю., Демченко Т.С., Гостев А.Н. Имидж руководителя ОВД: социолого-герменевтический аспект// Вестник Академии права и управления, № 1 (63), 2021. С. 15-25
28. Саранкина Ю.А. Некоторые проблемные вопросы нормативно-правового регулирования служебного времени и времени отдыха в деятельности сотрудников ОВД // Евразийский юридический журнал. 2019. № 9 (136). С. 286-288.
29. Чеплухов Е.В., Гостев А.Н., Демченко М.В. Организация управления органом внутренних дел Российской Федерации: социологический аспект // Вестник Академии права и управления. 2020. № 3 (60). С. 75-85.

References

1. Labor Code of the Russian Federation dated 30.12.2001 № 197-ФЗ (ed. From 05.04.2021) //Russian newspaper, № 256, 31.12.2001
2. Federal Law of the Russian Federation dated 07.02.2011 № 3-ФЗ (ed. From 06.02.2020) «On the Police «//Russian newspaper, February 08, 2011
3. Federal Law of the Russian Federation dated 30.11.2011 № 342-ФЗ (ed. From 08.12.2020) «On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation «// Parliamentary newspaper, № 52-53, 02-08.12.2011.
4. Federal Law of the Russian Federation of July 21, 2014 № 212-ФЗ «On the Basics of Public Control in the Russian Federation «//Rossiyskaya Gazeta, No. 6435, July 23, 2014
5. Federal Law of 19.07.2011 № 247-ФЗ (ed. From 31.07.2020) «On social guarantees to employees of internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation «//Russian newspaper, № 157, 21.07.2011
6. State program of the Russian Federation: «Ensuring public order and countering crime «// <https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma> Date of appeal 12.01.2021
7. Decree of the Government of the Russian Federation dated 15.12.2018 № 1563 «On the procedure for providing employees of internal affairs bodies of the Russian Federation, certain categories of citizens of the Russian Federation dismissed from service in the internal affairs bodies, The authorities for the control of the traffic in narcotic drugs and psychotropic substances, members of their families and persons dependent on them, medical assistance and provision of their sanatorium and resort treatment «//Legislative Assembly of the Russian Federation, 24.12.2018, № 52, Art. 8290.
8. Decree of the Government of the Russian Federation dated 22.01.2020 № 28 «On the monthly supplement to the monthly salary in accordance with the replacement position for the complexity of tasks performed by employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation «//Legislative Assembly of the Russian Federation, 03.02.2020, № 5, Art. 525
9. Decree of the Government of the Russian Federation of 18.11.2020 № 1873 «On indexing the amount of monthly monetary compensation established by part 1.1 of article 12 of the Federal Law» On Social Guarantees to Employees of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation «//Legislative Assembly of the Russian Federation, 23.11.2020, № 47, Art. 7562

10. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of August 15, 2012 No. 795 «On the procedure for apologizing to a citizen whose rights and freedoms were violated by a police officer» // [https://base.garant.ru/70222544/Date of appeal 12.01.2021](https://base.garant.ru/70222544/Date%20of%20appeal%2012.01.2021).
11. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 02.09.2013 № 660 "On approval of the Regulation on the basics of the organization of psychological work in the internal affairs bodies of the Russian Federation" // "SPS" Consultant Plus"
12. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated December 31, 2013 № 1040 "Issues of evaluation of the activities of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" // <https://dokipedia.ru/document/5200338>. Circulation Date 12.01.2021
13. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 10.01.2012 № 5 (ed. From 20.08.2014) "On the medical and psychological rehabilitation of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta, № 58, 16.03.2012
14. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated December 1, 2016 No. 777 "On the organization of constant monitoring of public opinion on police activities" // <https://мвд.рф/mvd/documents/20120328164545/item/15825952>. Circulation Date 12.01.2021
15. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 23.06.2020 № 444 "On some issues of food supply to certain categories of employees and other categories of persons in the internal affairs bodies of the Russian Federation in peacetime"
16. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of 23.11.2020 № 794 "About the Statement of Poryadka Oplaty Drive to Staff of Bodies of Internal Affairs of the Russian Federation and Members of Their Families and also Payments of Monetary Compensation for Expenses Connected with Journey Payment, to Members of Families and Parents of the Died (Died) Employee of Law Enforcement Agencies of the Russian Federation" // <http://pravo.gov.ru>, 22.12.2020
17. Bokareva V.B., Laptev L.G., Gostev A.N. Psychology of effective labor in the social sphere: monograph. Moscow: Joint Edition; Yaroslavl, Filigran. 2019. 629 pages.
18. Vetrova O.A., Gostev A.N., Demchenko T.S. Illegal migration as a reason for the commission of crimes by foreign citizens subject to administrative supervision (HAC) // Bulletin of the Academy of Law and Management, No. 1 (58), 2020. Page 25-31
19. Vetrova O.A., Gostev A.N., Demchenko T.S. Relapse crime of foreign citizens in Russia: social and legal characteristics // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2020. № 2 (59). Page 23-31.
20. Speech of the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation of the general of police of the Russian Federation Vladimir Kolokoltsev at the enlarged meeting of board of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of 21.03.2021 // URL: <http://kremlin.ru> (date of the address of 10.04.2021).
21. Guest A.N. Theoretical and methodological foundations of the study of the phenomenon of hybrid warfare and security problems: the results of the analysis of digital documents // Scientific and practical journal "Human Capital" No. 12 (132) part 2, 2019. FROM 126-147.
22. Grishakov A.G., Repyev A.G., Tyryshkin V.V. Working time of the district authorized police and factors affecting its distribution during the day // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 2 (31). Page 98-106.
23. Demchenko T.S., Gostev A.N. Organizational conflict: sociological aspect: monograph. M.: Publishing House of SSU, 2013. – 193 pages.
24. Demchenko T.S., Gostev A.N. Department of Information and Psychological Protection of a Social Organization: monograph. M.: SGA, 2013, 198 p.
25. Inkizhinova S.A., Kulakov V.V. Analysis of the use of working time of police officers // Compendium: Problems of ensuring national security in the context of a change in the geopolitical situation. Materials of the international scientific and practical conference. 2017. Page 68-74.
26. Kadyrov R.Kh., Demchenko T.S., Gostev A.N. Public mechanisms for stimulating police officers (HAC) // Bulletin of the Academy of Law and Management, No. 4 (61), 2020. Page 25-32
27. Kuklina E.Yu., Demchenko T.S., Gostev A.N. Image of the head of the Department of Internal Affairs: social and hermeneutic aspect // Bulletin of the Academy of Law and Management, No. 1 (63), 2021. Page 15-25
28. Sarankina Yu.A. Some problematic issues of regulatory and legal regulation of official time and rest time in the activities of internal affairs officers // Eurasian legal journal. 2019. № 9 (136). Page 286-288.
29. Cheplukhov E.V., Gostev A.N., Demchenko M.V. Organization of management of the internal affairs body of the Russian Federation: sociological aspect // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2020. № 3 (60). Page 75-85.

Делия Виктор Павлович,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры Туризма,
Московский государственный университет спорта и туризма, Москва,
deliav52@icloud.com

Кульгачев Иван Петрович,

кандидат философских наук, доцент кафедры Индустрии гостеприимства, туризма и спорта,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва,
kulg-ivan@yandex.ru

Романова Марианна Михайловна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Индустрии гостеприимства, туризма и спорта,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва,
rmm2002@mail.ru

ФАКТОР «COVID-19» И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ТУРИСТСКУЮ ИНДУСТРИЮ РОССИИ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Проводится анализ влияния фактора «COVID-19» на состояние деятельности предприятий туристской индустрии в текущем году. На основе официальной статистической информации показано резкое снижение объемов движения въездных и выездных туристических потоков и, как следствие, падение доходов предприятий туристской индустрии. В ходе проведенного исследования выявлена необходимость оптимизации статистического учета внутренних визитеров. Меры, предпринятые центральными органами исполнительной власти, позволили во втором полугодии 2020 года активизировать деятельность предприятий туристской индустрии по организации путешествий в пределах, прежде всего, Российской Федерации.

Ключевые слова: туристская индустрия, внутренние, въездные, выездные туристические потоки, статистическая информация, доходы от международного туризма

Viktor P. Delia,

doctor of Economic Sciences, Docent, Professor at the Department of Tourism, Moscow State University
of Sports and Tourism, Moscow,
deliav52@icloud.com

Ivan P. Kulgachev,

Ph.D. of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Hospitality, Tourism and Sports,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow,
kulg-ivan@yandex.ru

Marianna M. Romanova,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Hospitality, Tourism and Sports,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow,
rmm2002@mail.ru

THE COVID-19 FACTOR AND ITS IMPACT ON THE RUSSIAN TOURISM INDUSTRY: STATISTICAL ANALYSIS

Abstract. The analysis of the influence of the "COVID-19" factor on the state of activity of the tourism industry enterprises in the current year is carried out. On the basis of official statistical information, a sharp decrease in the volume of traffic of incoming and outgoing tourist flows and, as a result, a drop in the income of tourism industry enterprises is shown. The study revealed the need to optimize the statistical accounting of internal visitors. The measures taken by the central executive authorities made it possible in the second half of 2020 to intensify the activities of tourism industry enterprises in organizing travel within, first of all, the Russian Federation.

Keywords: tourism industry, domestic, inbound, outbound tourist flows, statistical information, income from international tourism

Введение. В связи с распространением по всему миру пандемии коронавируса в 2020 году утверждать о росте экономических показателей туристской индустрии не приходится. Россия является составной частью мирового сообщества, и фактор «COVID-19» не обошел стороной отечественные туристические дестинации, несмотря на прилагаемые усилия центральных органов исполнительной власти по активизации, прежде всего, внутреннего туризма. Длительная изоляция во многих регионах страны, заметное снижение активности субъектов экономической деятельности и, как следствие, падение доходов россиян, внутренняя неуверенность многих россиян в целесообразности путешествия в этот непростой период оказали существенное влияние на экономические показатели предприятий туристской индустрии. Этими обстоятельствами и обусловлена актуальность проведения исследования состояния отечественной сферы туризма на основе официальной статистической информации.

Цель исследования. Провести анализ влияния фактора «COVID-19» на состояние отечественной туристской индустрии в сравнении с «допандемийным» периодом и по итогам 2020 года на основе официальных статистических данных, а также экспертных оценок.

Методы исследования. В рамках данного исследования были использованы методы экономико-статистического и факторного анализа, экспертных оценок, анализа официальной статистической информации и научных источников по проблемам состояния отечественной сферы туризма и другие.

Результаты исследования и их обсуждение. Сфера туризма не является отраслью, несмотря на постоянные и систематические утверждения ряда представителей органов власти, научного сообщества и общественных туристических организаций, так как не производит однородную продукцию. Туристическая сфера включает в себя межвидовую деятельность, уровень развития которой определяет состояние целого ряда отраслей. В связи с этим обстоятельством особенностью статистической информации в туризме является многообразие источников её получения. Источниками информации в туризме являются: статистическая отчетность федерального и регионального наблюдения по отраслям экономики: гостиницы и рестораны, транспорт и связь, аренда и предоставление услуг, здравоохранение и предоставление социальных услуг, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг; отчетность Минэкономразвития России, Росстата, Министерства путей сообщения Российской Федерации, Федеральной пограничной службы ФСБ России; выборочные исследования, проводимые Росстатом, территориальными комитетами по статистике, другими организациями.

Исследователи отмечают [1, 2, 6], что форм статистического наблюдения, отражающих состояние туризма в России, немалое количество. Что и каким образом они отражают в системе технико-экономической и социальной информации, простому обывателю, а порой и профессионалу турбизнеса, понять весьма непросто. В связи с изложенным в рамках данного исследования анализ проводился только по ограниченному кругу показателей, которые наиболее рельефно отражают состояние туристской индустрии во временной отрезок его мониторинга.

Фактор «COVID-19» активно исследуется представителями научного сообщества и непосредственно представителями туристического бизнеса, наиболее пострадавшего от пандемии коронавируса [3, 4, 5, 7].

Оценка динамики туристических потоков в Российской Федерации. Во многом состояние развития сферы туризма той или иной страны оценивают по количеству посетивших её туристов и экскурсантов, как своих соотечественников, так и иностранных визитеров. Анализ статистических данных (см. Таблицу 1) показывает, что фактор «COVID-19», привел к падению въездных туристических потоков в Российскую Федерацию в 3,84 раза (минус 18,060 млн визитеров), а выездных российских визитеров стало меньше на 32,969 млн визитеров (в 3,67 раза). Выбрали или нет эти 32,969 млн российских визитеров путешествие по своей стране в 2020 году – однозначный ответ дать сложно.

С одной стороны, представители центральной исполнительной власти прилагали значительные усилия по активизации деятельности по развитию внутреннего туризма в сложившихся условиях. Это субсидии туроператорам за организацию туров по России от Калининграда до Алтая, а также стимулирование доступных внутренних туристических поездок через возмещение части стоимости оплаченной туристской услуги в рамках программы лояльности для держателей карт «Мир» («Кешбэк») и другие меры, предпринимаемые Правительством Российской Федерации.

С другой стороны, при анализе движения внутренних туристических потоков (см. Таблицу 1) всегда возникают затруднения по причине того, что статистической формы на основе которой ведется формирование официальной статистической информации в системе статистического наблюдения России, до настоящего времени нет. Поэтому вся туристическая общественность ориентируется на экспертную оценку, которую дают, как правило, представители органов власти в сфере туризма. И зачастую, давая экспертную оценку состоянию внутреннего туризма, приходится обращаться к показателям зафиксированным в коллективных средствах размещения (далее – КСР) (см. Таблицу 2).

Более детальный анализ показывает еще более значительное сокращение въездного туристическо-

Таблица 1.

Внутренние /въездные /выездные туристические потоки России (млн визитеров)

Год/страна	2010	2015	2019	2020
Внутренние туристические потоки				
Россия	34,7*	50,0*	60,0 - 62,0*	40-42*
Въездные туристические потоки				
Россия	2,134***	26,852**	24,419**	6,359**
Выездные туристические потоки				
Россия	12,605***	34,390**	45,330**	12,361**
* информация представителей Ростуризма [13]				
** данные Росстата [11]				
*** данные Федеральной пограничной службы ФСБ России [14]				

Таблица 2.

**Доходы от международного туризма и количество размещенных лиц в КСР России
(млрд долл. США/млн лиц)**

Год/доходы от международного туризма и количество размещенных лиц в КСР	2010	2015	2018	2019	2020
Доходы от международного туризма (мировые)	966*	1 196*	1 229*	1 323*	-
Доходы от международного туризма России	8,83*	8,420*	11,802*	10,9*	-
Количество размещенных лиц в КСР (тыс. чел.: всего)	34 747**	49 284**	73 693,9**	76 042**	47 382**
Количество размещенных российских граждан в КСР (тыс. чел.)	27 166,7**	43 656,9**	62 210,1**	65 186**	45 223**
Количество размещенных иностранных граждан в КСР (тыс. чел.)	-	5 627,3**	11 483,8**	10 128,7**	3 004**
* ЮНВТО (Всемирная туристская организация) [15]					
** данные Росстата [11]					

го потока из стран Дальнего зарубежья. Численность размещенных иностранных граждан в коллективных средствах размещения, что также является одним из конкретных показателей въездного туризма, резко снизилась (в 3,37 раза - см. Таблицу 2) в 2020 году по сравнению с предыдущим годом. Снижение уровне прибывших в 2019 году по сравнению с 2018 годом более чем на 1,3 миллиона визитеров объясняется отсутствием в календаре России такого массового событийного мероприятия как чемпионат мира по футболу, прошедшим в России в 2018 году. А размещение в КСР только 3,0 млн иностранных граждан в 2020 году (а по данным итогов года всего лишь 2,2 млн иностранных граждан) – это, очевидно, фактор «COVID-19». Предпринимаемые центральными органами исполнительной власти меры в условиях пандемии коронавируса по поддержке предприятий туристической индустрии, направленные на активизацию путешествий российских граждан по своей стране, позволили во второй половине 2020 года существенно изменить ситуацию. Открыты для путешествий по стране все регионы России и с 15 октября 2020 года вновь работают программы «кешбэка», для путешествующих по России.

Доходы от международного туризма. Доля доходов России в общем мировом объеме от междуна-

родного туризма незначительно выросла в 2018 году до 0,96 % в сравнении с показателями 2010 года (0,887 %). Учитывая то обстоятельство, что туристов из стран дальнего зарубежья в 2019 году прибыло в Россию на 1 млн 300 тыс. (снижение более чем на 10 %) меньше, чем в году проведения чемпионата мира по футболу (2018 год), то и доля доходов от международного туризма России получилась ниже предыдущего года. Ещё более низкие доходы от международного туризма будут по итогам 2021 года. По экспертной оценке, доходы от международного туризма России составили в 2020 году порядка 3 млрд долл.

Объем платных услуг, оказанных населению, по показателям: услуги туристических агентств, туроператоров и прочие услуги по бронированию и сопутствующие им услуги; услуги гостиниц и аналогичные услуги по предоставлению временного жилья; услуги санаторно-курортных организаций. Сегодня, исходя из анализа действующих форм статистических наблюдений в сфере туризма страны, наиболее адекватную информацию о развитии туризма в России, как представляется, дает приложение 3 к форме № П-1 «Сведения об объеме платных услуг населению по видам». Вне всякого сомнения, методология, рекомендованная ЮНВТО - «Вспомогательный счет

туризма: рекомендуемая методологическая основа», рассматривает более широкий круг показателей при оценке значимости туризма нежели проводимый авторами анализ. Как представляется, наиболее прозрачную статистическую информацию о состоянии развития сферы туризма в России можно получить при анализе объема платных услуг, оказываемых населению по таким показателям как: туристские услуги (с 2017 года «услуги туристических агентств, туроператоров и прочие услуги по бронированию и сопутствующие им услуги»); услуги гостиниц и аналогичных средств размещения (с 2017 года – «услуги гостиниц и аналогичные услуги по предоставлению временного жилья»); санаторно-оздоровительные услуги (с 2017 года – «услуги санаторно-курортных организаций»).

Анализ показателей объемов платных услуг, оказанных населению, в сфере туризма (см. Таблицы 3 и 4) наглядно показывает значительное падение деловой активности предприятий туристской индустрии в рассматриваемый период времени в сравнении с предыдущим годом. В 2020 году в 2,08 раза уменьшился объем платных услуг, оказанных населению по показателю «услуги туристических агентств,

туроператоров и прочие услуги по бронированию и сопутствующие им услуги» (далее – «туристские услуги»), в 1,57 раза по показателю «услуги гостиниц и аналогичные услуги по предоставлению временного жилья» (далее – «услуги гостиниц») и в 1,65 раза по показателю «услуги санаторно-курортных организаций» (далее – «санаторно-оздоровительных услуги»).

Отмена режима самоизоляции во многих регионах России в июле 2020 года, меры, предпринятые центральными исполнительными органами власти по активизации предпринимательской деятельности, а также по мотивации путешествий российских граждан в туристические дестинации страны привели к росту экономических показателей, дали возможность сохранить рабочие места на отечественных предприятиях туристской индустрии. Так если по итогам второго квартала 2020 года (режим «активной введенной самоизоляции») объем платных «туристских услуг» составил всего 2,912 млрд руб., то в третьем квартале того же года он составил уже 27,047 млрд руб. (+ 24,135 млрд руб.), соответственно: «услуги гостиниц» 10,149 млрд руб. во втором квартале и 54,825 млрд руб. (+ 44,676 млрд руб.) в третьем квартале и по по-

Таблица 3.

Объем платных услуг, оказанных населению в сфере туризма, в России (млн руб.)

Год/страна	2010	2015	2019	2020
Объем платных туристских услуг (с 2017 года – «услуги туристических агентств, туроператоров и прочие услуги по бронированию и сопутствующие им услуги»), оказанных населению				
Россия	82 246,256	158 251,941	179 826,421	86 545,711
Объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения (с 2017 года – «услуги гостиниц и аналогичные услуги по предоставлению временного жилья»)				
Россия	111 736,785	188 991,893	247 278,831	157 747,853
Объем платных санаторно-оздоровительных услуг (с 2017 года – «услуги санаторно-курортных организаций»)				
Россия	60 523,064	110 513,130	127 185,843	76 978,399
Источник: данные Росстата [11]				

Таблица 4.

**Объем платных услуг, оказанных населению в сфере туризма, в России (млн руб.)
в 2019 – 2020 годах и в первом квартале 2021 года**

Год/страна	2019 3 мес.	2019 6 мес.	2019	2020 3 мес.	2020 6 мес.	2020	2021 3 мес.
Объем платных туристских услуг (с 2017 года – «услуги туристических агентств, туроператоров и прочие услуги по бронированию и сопутствующие им услуги»), оказанных населению							
Россия	31 840	75 668	179 826	32 776	35 688	86 546	20 944
Объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения (с 2017 года – «услуги гостиниц и аналогичные услуги по предоставлению временного жилья»)							
Россия	51 649	113 932	247 279	50 091	60 240	157 748	50 267
Объем платных санаторно-оздоровительных услуг (с 2017 года – «услуги санаторно-курортных организаций»)							
Россия	21 723	52 453	127 186	21 476	23 751	76 978	20 132
Источник: данные Росстата [11]							

казателю «санаторно-оздоровительные услуги» - второй квартал 2,275 млрд руб. и третий квартал 32,199 млрд руб. (+ 29,974 млрд руб.). Сухие статистические показатели свидетельствуют о резком росте экономических показателей и высокой эффективности использования рычагов административного воздействия при реализации целенаправленной финансовой поддержке отечественных предприятий туристской индустрии.

Несмотря на значительный спад доходности организаторов туризма, в Российской Федерации за 2020 год прекратило свою деятельность не столь внушительное число туроператоров: в марте в Едином федеральном реестре туроператоров числилось 4571 компаний, а в декабре было зафиксировано 4293 - то есть за период пандемии в 2020 прекратили деятельность 278 компаний, из которых лишь около 20% были ориентированы на выездной туризм (107 компаний). Согласно оценкам Ассоциации туроператоров (АТОР) доходы туроператоров упали в среднем на 60% по всем видам туризма (при сравнении с показателями за 2019 год).

Если такие объекты туристского рынка как туроператоры в общем смогли пережить кризисные обстоятельства без массового банкротства, то турагентства, осуществляющие розничную торговлю, значительно поредели в количестве из-за воздействия коронавирусной инфекции на сферу путешествий. В целом по стране закрылось более 6 тысяч турагентств в марте 2020 года, то есть около 30% от общего числа. При этом около 18% решили либо полностью отказаться от офисной работы, либо перейти в онлайн режим взаимодействия с клиентами, либо сократить размеры арендуемых площадей под офисы, либо произошла кооперация конкурирующих турагентов, которые стали совместно арендовать офисы (или же арендовать их с предприятиями других сфер).

Пандемия коронавируса значительно снизила показатели туристской индустрии и в Российской Федерации. В то же время, предпринятые Правительством Российской Федерации меры в форме «кэшбэков» и иных способов поддержки туристического бизнеса позволили и сегодня оказывать нашим гражданам услуги по организации путешествий и удерживать сферу гостеприимства от безудержного падения, что не удалось сделать ряду ведущих туристических держав. Так столицу России в 2020 году посетило 13,6 млн туристов. Несмотря на ограничения, связанные с коронавирусом, отдельные регионы России даже уве-

личили отдельные экономические показатели в сфере туризма. Например, Ставропольский край в 2020 году оказал платных услуг населению по показателю «Услуги туристических агентств, туроператоров и прочие услуги по бронированию и сопутствующие им услуги» (до 2018 года этот показатель имел название «Объем платных туристских услуг») на 1,5 млрд рублей больше чем в 2019 году. Прежде всего это связано с оказанием на территории этого региона экскурсионных услуг. Падение показателей сферы туризма по Краснодарскому краю и Республике Крым составило порядка 20%, а не 70-90% как в ряде туристических дестинаций стран Западной Европы (например Испании, Италии, Греции).

Предпринимаемые Правительством Российской Федерации в 2021 году шаги также создают возможности для развития, прежде всего, внутреннего туризма и сохранения малого и среднего предпринимательства в сфере туризма. В то же время финансовая поддержка предприятий туристской индустрии в этом году значительно снизилась. «Кэшбека», направленного только на развитие детского туризма, как представляется, недостаточно для удержания на рынке ряда организаторов туризма.

Заключение. По итогам проведенного исследования можно констатировать следующее:

- фактор «COVID-19» привел к резкому снижению движения въездных, выездных и внутренних туристических потоков, что способствовало возникновению экономических и социальных проблем в сфере туризма и индустрии гостеприимства как результата снижения доходов предприятий и сокращению рабочих мест;
- вынужденное фактором «COVID-19» целенаправленное вложение финансовых средств в форме субсидий организаторам туризма, направленных на развитие внутреннего туризма, позитивно отражается на решении экономических и социальных проблем (занятости населения) как трудовых ресурсов, занятых в сфере туризма, так и населения отечественных туристических дестинаций, что убедительно свидетельствует о необходимости и дальнейшей финансовой поддержке отечественного производителя внутреннего туристского продукта;
- меры, предпринятые центральными органами исполнительной власти, позволили во втором полугодии 2020 года активизировать деятельность предприятий туристской индустрии по организации путешествий в пределах, прежде всего, Российской Федерации.

Список литературы

1. Александрова А.Ю. Формирование интегрированной системы статистики туризма в Российской Федерации. //Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2017. № 1. С. 41-61.
2. Кульгачёв И.П., Романова М.М. Алгоритмы развития внутреннего туризма в России и его статистическое измерение. //Российский экономический интернет-журнал. 2018. № 4. С. 64.

3. Леонидова Е.Г. Проблемы туризма как фактора развития региона в контексте влияния пандемии COVID-19 // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 3. С. 624-637.
4. Макринова Е.И., Лысенко В.В., Рыбочкина Е.А. Формирование активной политики государства в сфере поддержки индустрии туризма в условиях кризиса // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2020. № 4 (83). С. 27-41.
5. Меняйлов А.А., Дмитриева Л.С. Внутренний туризм на Кавказских минеральных водах в период COVID-19 // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2020. Т. 6. № 2. С. 32-40.
6. Овчаров А.О., Сочков А.Л. Статистические методы определения видов экономической деятельности в туризме. //Фундаментальные исследования. 2014. № 12-9. - С. 1983-1987.
7. Рысаева М.А., Кабиров И.С. Перезапуск российского туризма – коллапс по имени COVID-19 //Вестник Национальной академии туризма. 2020. № 3 (55). С. 20-23.
8. В августе 2020 года стартует программа по поддержке внутреннего туризма в России. - URL: https://rostov-gorod.ru/press_room/news/8918/104914/ (дата обращения 27.05.2021).
9. Кабмин выделил 3,5 млрд рублей на возмещение туроператорам части затрат из-за коронавируса. - URL: <https://tass.ru/ekonomika/8188241> (дата обращения 20.05.2020).
10. Мишутин анонсировал выделение еще 4,5 млрд рублей на детский кешбэк. - URL: https://iz.ru/1176914/2021-06-10/mishutin-anonsiroval-vydelenie-eshche-45-mlrd-rublei-na-detskii-keshbek?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1623318792000 (дата обращения 06.06.2021).
11. Сайт Росстата. - URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 02.06.2021).
12. Ростуризм назвал срок приема заявок на субсидии для туроператоров по въездному туризму. - URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/73362/> <https://tass.ru/ekonomika/8188241> (Дата обращения 26.05.2021).
13. Сайт Ростуризма. URL: <https://tourism.gov.ru/> (дата обращения 02.06.2021).
14. Сайт Федеральной пограничной службы ФСБ России. URL: <http://ps.fsb.ru/> (дата обращения 30.05.2021).
15. Сайт ЮНВТО URL: <https://www.unwto.org/statistics> (дата обращения 29.05.2021).

References

1. Aleksandrova A.YU. Formirovaniye integrirovannoy sistemy statistiki turizma v Rossiyskoy Federatsii. //Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika. 2017. № 1. S. 41-61.
2. Kul'gachov I.P., Romanova M.M. Algoritmy razvitiya vnutrennego turizma v Rossii i yego statisticheskoye izmereniye. //Rossiyskiy ekonomicheskii internet-zhurnal. 2018. № 4. S. 64.
3. Leonidova Ye.G. Problemy turizma kak faktora razvitiya regiona v kontekste vliyaniya pandemii COVID-19 // Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava. 2020. T. 14. № 3. S. 624-637.
4. Makrinova Ye.I., Lysenko V.V., Rybochkina Ye.A. Formirovaniye aktivnoy politiki gosudarstva v sfere podderzhki industrii turizma v usloviyakh krizisa // Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava. 2020. № 4 (83). S. 27-41.
5. Menyaylov A.A., Dmitriyeva L.S. Vnutrenniy turizm na Kavkazskikh minyeral'nykh vodakh v period COVID-19 // Nauchnyy rezul'tat. Tekhnologii biznesa i servisa. 2020. T. 6. № 2. S. 32-40.
6. Ovcharov A.O., Sochkov A.L. Statisticheskiye metody opredeleniya vidov ekonomicheskoy deyatel'nosti v turizme. // Fundamental'nyye issledovaniya. 2014. № 12-9. - S. 1983-1987.
7. Rysayeva M.A., Kabirov I.S. Perezapusk rossiyskogo turizma – kollaps po imeni COVID-19 //Vestnik Natsional'noy akademii turizma. 2020. № 3 (55). S. 20-23.
8. V avguste 2020 goda startuyet programma po podderzhke vnutrennego turizma v Rossii. - URL: https://rostov-gorod.ru/press_room/news/8918/104914/ (data obrashcheniya 27.05.2021).
9. Kabmin vydellil 3,5 mlrd rubley na vozmeshcheniye turoperatoram chasti zatrat iz-za koronavirusa. - URL: <https://tass.ru/ekonomika/8188241> (data obrashcheniya 20.05.2020).
10. Mishutinanonsirovalvydeleniyeshche4,5mlrdrubley nadetskiiyeshbek.-URL:https://iz.ru/1176914/2021-06-10/mishutin-anonsiroval-vydelenie-eshche-45-mlrd-rublei-na-detskii-keshbek?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1623318792000 (data obrashcheniya 06.06.2021).
11. Sayt Rosstata. - URL: <https://rosstat.gov.ru/> (data obrashcheniya 02.06.2021).
12. Rosturizm nazval srok priyema zayavok na subsidii dlya turoperatorov po v'yездному turizmu. - URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/73362/> <https://tass.ru/ekonomika/8188241> (Data obrashcheniya 26.05.2021).
13. Sayt Rosturizma. URL: <https://tourism.gov.ru/> (data obrashcheniya 02.06.2021).
14. Sayt Federal'noy pogranchnoy sluzhby FSB Rossii. URL: <http://ps.fsb.ru/> (data obrashcheniya 30.05.2021).
15. Sayt YUNVTO URL: <https://www.unwto.org/statistics> (data obrashcheniya 29.05.2021).

Лебедев Никита Андреевич,

доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт экономики Российской академии наук, Москва,
ieras@inecon.org

НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРИОРИТЕТОВ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ МАШИНОСТРОЕНИЯ

Аннотация. Раскрыта направленность приоритетов инновационной модернизации отечественных предприятий машиностроения. Показано, что инновационная работа на предприятиях машиностроения должна ставить цель достижения более высокого технологического градуса и получения продукции с оптимизированными свойствами; машиностроительное производство должно встроиться в транснациональные цепочки по созданию стоимости, стать более прибыльным.

Ключевые слова: экономический рост, инновации, модернизация, промышленная политика, структурные реформы, технологическое развитие, финансовые институты, институты развития, экономическая политика

Nikita A. Lebedev,

doctor of Economic Sciences, Full Professor, leading researcher of the Institute
of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
ieras@inecon.org

ORIENTATION OF PRIORITIES OF INNOVATIVE MODERNIZATION OF RUSSIAN MACHINE-BUILDING ENTERPRISES

Abstract. The focus of the priorities of innovative modernization of domestic machine-building enterprises is revealed. It is shown that innovative work at machine-building enterprises should set the goal of achieving a higher technological degree and obtaining products with optimized properties; machine-building production should be integrated into transnational value chains and become more profitable.

Keywords: economic growth, innovation, modernization, industrial policy, structural reforms, technological development, financial institutions, development institutions, economic policy

В текущих условиях характер инновационной модернизации комплекса машиностроения обладает многочисленными организационными формами, что, по большей части, объясняется особенностями производственной деятельности, например, условиями обработки, хранения и сбыта продукции. При этом самостоятельными особенностями характеризуется активность научных и внедренческих структур, коррелирующих с предприятиями – товаропроизводителями.

Квалифицированная политика инновационной модернизации, осуществляемая предприятиями машиностроения, означает, прежде всего, потенциал обновления складывающегося вектора развития, идентичного поставленным на данный период задачам для решения намеченных целей.

В относительно более узком значении политика инновационной модернизации определяет приоритеты интенсификации производства в корреляции

с научно-техническими достижениями в контексте ориентации на эффективное развитие производства машиностроительных предприятий.

В то же время, имеющийся отечественный модернизационный опыт подтверждает [1], что только лишь *производственная* инновационная конструкция обеспечивает конкурентные преимущества этих предприятий, определяет стратегическую основу их долгосрочного устойчивого развития.

Однако, ни для кого не секрет, что в целом отечественный машиностроительный комплекс не готов решать стоящие перед ним задачи: для этого, прежде всего, нельзя не реконструировать масштабные конструкторские бюро, на что требуются значительные средства, которых нет у отдельно взятых машиностроительных предприятий. Поэтому задачей на перспективу представляется разработка для каждой отдельной отрасли машиностроения тактических и стратегических ориентиров. На текущий период к та-

ким ориентирам, как вариант, можно отнести, с одной стороны, инвестиции, увеличивающие конкурентоспособность, а с другой, – аргументированную экономически реминисценцию новаторских зарубежных технологий и образцов при сохранении имеющегося научного потенциала.

Но на отраслевые инвестиции в инновационную модернизацию при этом устанавливают определённые ограничения не только природно-климатическое своеобразие, но и последствия перекраивания отрасли, в частности, имеющие сегодня значение организационно-правовые формы собственности машиностроительных предприятий, диспаритет цен на выпускаемую продукцию, истощение бюджетного финансирования, снижение покупательной способности, кредитно-налоговая политика и др.

Как одно из достаточно серьёзных пассивных направлений можно определить и практику органов управления с их системой разграничения предметов ведения полномочий, управления новыми научными исследованиями через научно-исследовательские организации.

С другой стороны, к одной из активных возможностей развития инновационной модернизации машиностроительных предприятий можно было бы отнести внедрение ими инновационных технологий в производство как ориентация на рост конкурентоспособности продукции [2]. Надо полагать, что инкорпорирование современных методов производства и технологий остаётся основой исследований; это пролонгирует активный спрос на товары на рынках, но тем временем в прорывные технологии непосредственно инвестируют три процента предприятий, осуществляющих капитальные вложения в т.ч. в основную капитал.

Вместе с тем, статистика Счётной палаты РФ показывает, что если расходы на научные исследования в 2019 году достигли 422,0 млрд руб., а в 2020 году из бюджета планировалось направить 519 млрд руб., то в 2021 году эта сумма должна составить 486 млрд руб. (около 6-7 млрд долл.) [3]. Для сравнения, правительство США на сайте Белого дома разместило информацию о суммах, выделенных на научные исследования из американского бюджета: в 2019 году – 118 млрд долл., в 2020 году – 134 млрд долл., в 2021 году планируется ассигновать 142 млрд долл., что соответствует требуемому на Западе 3% от ВВП (в 2019 году – 21,4 трлн долл.). В КНР в 2019 году как частные, так и государственные инвесторы ассигновали на науку 322 млрд долл., в 2020 году – около 400,0 млрд долл. Данные статистической службы Евросоюза демонстрируют, что страны ЕС в 2019 году выделили на НИОКР из бюджета 396 млрд евро инвестиций. При этом, расходы на гражданские и технические научно-исследовательские отечественные разработки составили в 2019

году 1,03% ВВП (1,13 трлн руб.), что подтверждает тезис о замораживании во внедренческой сфере связующей основы между производством и наукой [4].

Таким образом, говоря об организации инновационной модернизации, нельзя не отметить, что инновационная работа на предприятиях машиностроения должна ставить цель достичь более высокий технологический градус и получить продукцию с оптимизированными свойствами, что, безусловно, потребует значительной финансовой поддержки, без которой стратегия развития машиностроения работать не будет.

При этом существенно, чтобы результаты инновационной работы могли бы быть достигнуты в среднесрочном периоде. Очевидно, что в этот период конкурирующие предприятия не станут не развиваться, поэтому и наши условные предприятия смогут оказаться в отставании. Когда же на рынке продукции отечественного машиностроения конкуренция обострится, отставание может привести к потере ранее наработанных сфер, в которых предприятиям вполне комфортно. Поэтому консервация положения требует от предприятий формирования парадигмы инновационного сценария производства. В ряде случаев, как показывает анализ, инновационная модернизация возможна путём объединения потенциала заинтересованных акторов. На активизацию конкурентоспособности предприятий направлены «научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, содержанием и итогом которых становится инновационная продукция» [5].

Статистика, в частности, показывает, что в 2019 году отраслевые показатели машиностроения были следующими: выпуск самолётов для гражданской авиации составил 20 шт., тракторов 4283 шт., 72 гражданских судна, грузовых вагонов – около 55 тыс. единиц, пассажирских вагонов – 2 тыс. единиц, автомобилей – 1 723 376 шт.; производство станков только в Центральном федеральном округе составило 4,7 тыс. шт.

Статистические показатели отражают также необходимость понимания, что в перспективе активная инновационная модернизация сможет особенно способствовать форсированию критичных явлений, консолидировать ситуацию. Но нельзя не понимать, что в среднесрочной перспективе отдельные отрасли машиностроения исходя из своеобразия, ограничивающего их возможности, без поддержки со стороны государства в обозримой перспективе не могут быть успешными.

Строго говоря, решения, принимаемые машиностроительными предприятиями о переходе к инновационной модернизации, сами по себе далеко не означают их непроизвольной материализации. Но тогда на качественном уровне стоит вопрос об алгоритме этого перехода. Косвенный ответ на этот

вопрос содержит «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года», где перейти на инновационный путь предполагается с использованием модели лидерства в научно-технических секторах и передовых фундаментальных исследованиях, на что необходимо будет к 2030 году затратить не менее 3% ВВП [6]. В том же смысле в русле перехода к инновационной модернизации Прогнозом заданы варианты, которые возможны в организации экспорта – высокотехнологичных базовых услуг и товаров с повышенной наукоёмкостью [7]. Вне всякого сомнения, когда сложатся реальные условия для формирования мощного высокотехнологического комплекса и реальной инновационной системы, путём неординарных усилий будет возможно разрешить затруднения перехода машиностроительных предприятий к инновационной модернизации.

Безусловно, будет возрастать и такого рода стимул инновационной модернизации, такого типа инновационная форма деятельности предприятий машиностроения как кластеры инновационных технологий – возможная перспективная инновационная форма организации деятельности, способная обеспечить перспективное развитие отрасли [8].

Основополагающие принципы кластерной политики были очерчены «Концепцией долгосрочного развития РФ на период до 2020 года» [9], которая формировала высокотехнологические производственные кластеры как одно из принципиальных условий экономической модернизации и согласно которой кластерная политика сводилась к созданию необходимых условий поддержки кластеров, стимулирующих на их основе проведение инновационной модернизации [10]. Обновлённой концепции в текущих условиях не представлено, хотя имеется мнение, в частности, участников экспертного семинара «Глобальные и российские тренды развития кластеров», проведённого в НИУ «Высшая школа экономики», согласно которому кластерная политика должна быть пересмотрена на федеральном уровне [11].

Тем не менее, анализ показывает, что кластеры продолжают оставаться одним из важнейших инновационных проектов, средством диверсификации предприятий машиностроения – расширения ассортимента производимой продукции, освоения новых производств и рынков сбыта. А в контексте программ по созданию инновационных кластеров может быть проведена поддержка предприятий по следующим направлениям:

- развитие конкурентоспособности предприятий. Кластеры меняют условия конкуренции отдельных товаропроизводителей. И наоборот, при снижении конкурентных преимуществ имеется возможность вхождения на ранее недоступные рынки;

- не менее важным направлением, чем развитие конкурентоспособности предприятий, при создании кластеров выступают источники их финансовой поддержки [12]. Как нам представляется, с этой точки зрения в перспективе станут актуальными, во-первых, частичный перенос финансовой нагрузки на регионы, во-вторых, расширение внебюджетного финансирования, и, в-третьих, переход на самокупаемость.

Само собой, интереса заслуживает и нефинансовая поддержка кластеров в законодательно определённых консультационной и информационной формах, или поддержка в виде предоставления льгот со стороны государства, например, либо в виде передачи имущества в пользование, либо владения небольшими предприятиями, работающими в кластерах [13], хотя следует отметить, что в этой области важно чётче определить правовые интересы кластеров.

Конечно, важно и то, что кластеры взаимодействуют как с органами управления и регионального самоуправления, с научно-образовательными учреждениями, так и с представителями бизнеса, прежде всего, в формате наращивания инновационности машиностроительных предприятий, что, несомненно, преумножит их производственные ресурсы. Практика деятельности кластеров должна быть нацелена на рост их инновационного потенциала [14], крайне необходимый рост цифровой трансформации производственных процессов. Понятно, что потребуются изменение роли машиностроительных предприятий путём детализирования стратегии развития, путём формирования инновационного спроса, расширения инициативы в поиске рыночных ниш, глобального присутствия, освоения принципиально новой продукции [15].

С точки зрения тактических и стратегических ориентиров направленность развития инновационных бизнес-моделей, процессных и продуктовых инноваций такова: машиностроительное производство после технического перевооружения и внедрения технологий, повышающих конкурентоспособность продукции, устранения несовместимости передовых технологий с действующим оборудованием, преодоления недостатка финансирования и недостатка мотивации со стороны отдельных руководителей [16], должно встроиться в транснациональные цепочки по созданию стоимости, стать прибыльным, и постепенно отойти от опоры на госзаказ. Как следствие, предприятия-новаторы, прежде всего, упрочат свои позиции, конкретизируют форматы сотрудничества, определяют комплексные решения на принципах отечественных технологий. Темпы внедрения ими инноваций должны ускориться, качественные особенности, внутренняя эффективность и конкурентоспособность продукции с использованием инновационного инструментария, повысят эффективность производственных процессов, приблизят нормативы к мировым и др. Усложне-

ние отечественного рынка, несмотря на тенденцию его зависимости от стоимости углеводородов на мировом рынке, скорее всего, пойдёт по направлению развития расширения ассортимента дополнительных

услуг и сервисного блока, создания добавленной стоимости, расширения межотраслевого сотрудничества, что в свою очередь должно способствовать снижению себестоимости продукции машиностроения.

Список литературы

1. Алексеев, В.В. (отв. ред.). Опыт российских модернизаций XVIII-XIX века. – М.: Наука, 2000.
2. Сухоцкая, В.С., Радько, М.М. Инновации в производстве – путь повышения конкурентоспособности предприятия // Труды Белорусского государственного технологического университета. – 2017. – Серия 5. – № 1. – С. 6-59.
3. ach.gov.ru/checks/9658
4. <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/10/09/813027-razvivayutsya-innovatsii>
5. ГК РФ. Гл.38 «Выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ» // www.consultant.ru
6. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. – М., 2013. С.124-125 / E-mail: macro@economy.gov.ru
7. Перечень высокотехнологичной продукции (См.: Приказ МПТ от 29 марта 2019 г. № 1021) / Структура показателей, характеризующих товарооборот России за 2020 год // Russian-trade.com
8. Миндлин Ю.Б. Сравнительная характеристика кластеров и территориально-производственных комплексов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2020. – № 4. – С.81-86.
9. Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года // утв. Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662 – р
10. Миндлин Ю.Б. Сравнительная характеристика кластеров и интегрированных бизнес-групп // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 2 (115). – С.879-883.
11. Носкова Е. Кластерная политика нуждается в пересмотре // Российская газета RG.RU. Спецвыпуск № 93 (8147).
12. Стрельник М.М. Источники финансирования кластера и его участников // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 9. – С.155-165.
13. Федеральный закон № 209-ФЗ от 24.07.2007 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», ст. ст. 18,19 // www.garant.ru
14. Костина О.И., Мухина О.М. Оценка инновационного потенциала и инновационной политики Калужской области // Экономика и менеджмент высоких технологий. – 2019. – № 12.
15. Коровкин В.В., Кузнецова Г.В. Перспективы цифровой трансформации российского машиностроения // *Ars Administrandi* (Искусство управления). – 2020. – Т.12. – № 2. – С.291-313.
16. https://www.cnews.ru/reviews/it_v_promyshlennosti_2020/articles/tsifrovizatsiya_promyshlennosti_poka

References

1. Alekseev, V.V. (ed.). Experience of Russian modernizations of the XVIII-XIX centuries. – M.: Nauka, 2000.
2. Sukhotskaya, V.S., Radko, M. M. Innovations in production – the way to increase the competitiveness of the enterprise // Proceedings of the Belarusian State Technological University. – 2017. – Series 5. – No. 1. – P. 6-59.
3. ach.gov.ru/checks/9658
4. <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/10/09/813027-razvivayutsya-innovatsii>
5. Civil Code of the Russian Federation. Chapter 38 "Implementation of research, development and technological works" // www.consultant.ru
6. Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030 // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. – M., 2013. pp. 124-125 / E-mail: macro@economy.gov.ru
7. List of high-tech products (See: MPT Order No. 1021 of March 29, 2019) / Structure of indicators characterizing Russia's trade turnover for 2020 // Russian-trade.com
8. Mindlin Yu.B. Comparative characteristics of clusters and territorial-industrial complexes // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. – 2020. – No. 4. – p. 81-86.
9. Concepts of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020. By Order of the Government of the Russian Federation No. 1662 – r of November 17, 2008
10. Mindlin Yu. B. Comparative characteristics of clusters and integrated business groups. – 2020. – No. 2 (115). – p. 879-883.
11. Noskova E. Cluster policy needs to be revised // Rossiyskaya gazeta RG.RU 12.
12. Strel'nik M.M. Sources of financing of the cluster and its participants // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2020. – No. 9. – p. 155-165.
13. Federal Law No. 209-FZ of 24.07.2007 "On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation", Article 18,19 // www.garant.ru

14. *Kostina O.I., Mukhina O.M.* Evaluation of the innovation potential and innovation policy of the Kaluga region // Economics and management of high Technologies. – 2019. – № 12.
15. *Korovkin V.V., Kuznetsova G.V.* Prospects of digital transformation of Russian machine building / / Ars Administrandi (Art of management). – 2020. – Vol. 12. – No. 2. – p. 291-313.
16. https://www.cnews.ru/reviews/it_v_promyshlennosti_2020/articles/tsifrovizatsiya_promyshlennosti_poka

Лисова Екатерина Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Государственного и муниципального управления и конституционного права, Институт деловой карьеры, Москва,
lisovaekaterina78@gmail.com

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация. Описывается уровень жизни населения регионов, входящих в состав Приволжского Федерального округа. Сопоставляются экономическая и социальная составляющие уровня жизни. Отмечается ведущая роль социальной компоненты. Для нахождения числовых значений индикаторов рекомендуется использовать статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели». Автор предлагает методику определения интегрального показателя уровня жизни. Его подсчет осуществляется с использованием табличного процессора «Microsoft Excel». Произведены расчеты интегральных показателей для всех регионов Приволжского Федерального округа. Делается вывод о возможной перспективности компаративного анализа уровня жизни населения в динамическом и пространственном аспектах. Прогнозируется возможность его использования для выработки управленческих решений на региональном и федеральном уровнях.

Ключевые слова: уровень жизни населения, индикаторы уровня жизни населения, уровень социального развития регионов, «весовые» коэффициенты показателей, интегральный показатель уровня жизни населения

Ekaterina V. Lisova,

Ph.D. of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of State and Municipal Administration and Constitutional Law, Institute of Business Career, Moscow,
lisovaekaterina78@gmail.com

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE STANDARD OF LIVING OF THE POPULATION OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

Abstract. The article describes the standard of living of the population of the regions that are part of the Volga Federal District. The economic and social components of the standard of living are compared. The leading role of the social component is noted. To find the numerical values of the indicators, it is recommended to use the statistical collection «Regions of Russia. Socio-economic indicators». The author offers a methodology for determining the integral indicator of the standard of living. Its calculation is carried out using the table processor "Microsoft Excel". Calculations of integral indicators for all regions of the Volga Federal District are made. The conclusion is made about the possible prospects of a comparative analysis of the standard of living of the population in dynamic and spatial aspects. The possibility of its use for the development of management decisions at the regional and federal levels is predicted.

Keywords: population living standard, indicators of the population living standard, the level of social development of regions, "weight" coefficients of indicators, an integral indicator of the population living standard

Уровень жизни населения достаточно давно считается одним из основных показателей общего уровня социально-экономического, а также социального регионального развития. В настоящий момент времени целая группа индикаторов как социальной, так и экономической направленности используется для придания ему числовых характеристик.

Некоторые исследователи отождествляют данное понятие с качеством жизни населения [1, 2], в трудах других авторов [3, 4] подразумевается су-

щественное отличие между данными показателями. Последняя точка зрения в основном сводится к тому, что уровень жизни считается количественным показателем, в то время как другой показатель является качественным.

На наш взгляд, именно уровень жизни населения региона, представленный в числовых характеристиках, является наиболее значимым компаративным индикатором социально-экономического и социального регионального развития.

Не вызывает сомнения и тот факт, что данный показатель является интегрированным и должен рассчитываться на основе целой группы индикаторов, входящих в его состав, по каким-либо предлагаемым методикам.

На сегодня единой методики подсчета уровня жизни населения, одобренной государственными органами, на территории нашего государства не существует. По всей видимости, это объясняется следующими двумя причинами.

Во-первых, самим количеством индикаторов, входящих в состав показателя уровня жизни населения и последующими техническими трудностями при их обработке. К примеру, наиболее известный статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели» [5], который ежегодно издает Федеральная служба государственной статистики, содержит порядка четырехсот индикаторов, около двухсот из них, так или иначе, связаны с исследуемым показателем.

Во-вторых, это объясняется существенной геополитической дифференциацией российских регионов, которая не оставляет возможности единого подхода к оценке уровня их социально-экономического и социального развития.

Описанные причины на практике заставляют искать очевидный выход, заключающийся в уменьшении количества используемых индикаторов, путем экспертного выбора наиболее значимых из них. Не менее важной задачей видится и определение «весовых» коэффициентов выбранных индикаторов для подсчета интегрального показателя регионального уровня жизни населения.

Необходимо также заметить, что при исследованиях регионального уровня жизни населения многие авторы дифференцируют его экономическую и социальную составляющие, причем доминирование признается за последней [6, 7]. Поэтому данный показатель непосредственно влияет на уровень социального развития региона.

В таких условиях многие авторы [8, 9] осуществляют самостоятельный выбор индикаторов уровня жизни населения для его дальнейшего описания, придания ему числовых значений и последующего компаративного анализа. На наш взгляд, наиболее значимыми показателями, размещенными в разделе «Уровень жизни» статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели», можно признать:

- реальные среднедушевые доходы (тыс. руб.), данный индикатор отражает доход на душу населения в регионе за год;
- реальные среднедушевые расходы (тыс. руб.), такой индикатор показывает расход на душу населения в регионе за год;

- заработная плата работников предприятий (реальная начисленная, тыс. руб.), этот показатель равен средней заработной плате работающих в регионе за год;

- отношение величины прожиточного минимума к среднедушевым доходам населения, такой индикатор численно равен отношению величины прожиточного минимума в регионе к доходу на душу населения в регионе за год;

- численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в % к общей численности населения), данный индикатор численно равен отношению числа населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума к общей численности населения в регионе, переведенного в проценты.

При этом, первый и третий показатели прямо пропорциональны числовому значению интегрального показателя уровня жизни населения, в то время как остальные – обратно пропорциональны.

Агрегированный показатель уровня жизни населения в регионе можно подсчитать по следующей формуле:

$$I = \sum_{i=1}^5 q_i L_i, \quad (1)$$

где q_i – «вес» или «весовой» коэффициент каждого из пяти используемых индикаторов, L_i – числовые значения каждого из пяти используемых индикаторов, I – числовое значение интегрального показателя уровня жизни населения в регионе.

Как было отмечено ранее, значения «весовых» коэффициентов определяются авторами самостоятельно с привлечением экспертов-профессионалов. Для нашего исследования с учетом мнений других авторов [10, 11] «весовые» коэффициенты можно численно определить, как:

- «Реальные среднедушевые доходы» – 0,2;
- «Реальные среднедушевые расходы» – 0,1;
- «Реальная начисленная заработная плата работников организаций» – 0,4;
- «Отношение величины прожиточного минимума к среднедушевым доходам населения» – 0,2;
- «Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума» – 0,1.

Для нахождения интегрального показателя уровня жизни населения в регионе по формуле (1) необходимо определить числовые значения каждого из пяти частных индикаторов. Данные значения ежегодно публикуются в сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели», раздел «Уровень жизни».

Определение числового значения интегрального показателя уровня жизни для каждого из анализируемых регионов осуществляются в табличном

процессоре «Microsoft Excel», причем для приведения их к единому виду все абсолютные значения трансформируются в относительные.

Такие индикаторы как «Реальные среднедушевые доходы» и «Реальная начисленная заработная плата работников организаций» принимают относительный вид путем деления их числовых значений на аналогичные среднероссийские показатели.

С другой стороны, индикаторы «Реальные среднедушевые расходы», «Отношение величины прожиточного минимума к среднедушевым доходам населения» и «Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума» принимают относительный вид за счет деления числовых значений среднероссийских показателей на числовые значения указанных индикаторов.

Заметим также, что представление данных индикаторов в относительном формате (с использованием среднероссийских показателей) позволяет достаточно просто охарактеризовать каждый из анализируемых показателей. Числовое значение, превышающее единицу, свидетельствует о превышении среднероссийского уровня и, наоборот, если числовое значение меньше единицы, среднероссийский уровень не достигнут.

Кроме того, предложенный подход подразумевает в формуле для нахождения интегрального показателя уровня жизни в регионе использовать индикаторы различного формата, представленные в различных единицах измерения.

Объектом исследования уровня жизни населения в нашем случае являлись регионы Приволжского

Федерального округа (далее – ПФО). Числовые значения интегрального показателя уровня жизни населения представлены в Таблице 1.

Анализируя данные таблицы, можно сделать следующие выводы:

- числовые значения интегрального показателя уровня жизни населения уступают среднероссийскому показателю во всех рассматриваемых регионах;
- наилучший показатель соответствует Республике Татарстан (0,9734), который весьма близок к среднероссийскому показателю;
- наихудшие показатели демонстрируют Республика Мордовия (0,6946) и Чувашская Республика (0,6902), значительно уступая при этом (более 30%) среднему по России показателю;
- общая дифференциация интегрального показателя (0,9734-0,6902) составляет около 28%, что свидетельствует о значительной дифференциации в уровне жизни населения регионов ПФО.

Касательно самой предлагаемой методики определения интегрального показателя уровня жизни в регионах необходимо отметить несколько перспективных моментов.

Во-первых, числовые значения интегрального показателя для различных регионов позволяют провести компаративный анализ уровня жизни населения.

Во-вторых, анализ на основе среднероссийских показателей определяет уровень жизни населения не только для каждого региона, но и всего округа в целом.

В-третьих, на основе проведенных исследований появляется возможность составить рейтинг регионов ПФО с дальнейшей разработкой практических

Таблица 1.

**Значения интегрального показателя уровня жизни населения
(Приволжский Федеральный округ, данные на 31.12.2018 года)**

Регион Приволжского Федерального округа	Значение интегрального индекса уровня жизни населения	Место в Приволжском Федеральном округе
Республика Татарстан	0,9734	1
Нижегородская область	0,8901	2
Пермский край	0,8722	3
Республика Башкортостан	0,8705	4
Самарская область	0,8513	5
Удмуртская Республика	0,8111	6
Оренбургская область	0,7795	7
Пензенская область	0,7485	8
Ульяновская область	0,7367	9
Кировская область	0,7204	10
Республика Марий Эл	0,7116	11
Саратовская область	0,7110	12
Республика Мордовия	0,6946	13
Чувашская Республика	0,6902	14

мероприятий, направленных на изменение неблагоприятных ситуаций в лучшую сторону.

Отметим также, что представляется перспективным компаративный анализ уровня жизни насе-

ления в динамическом аспекте, с временным горизонтом в 3-5 лет. Он может быть использован для выработки управленческих решений на региональном и федеральном уровнях.

Список литературы

1. Гордиевич Т.И. Уровень жизни и динамика доходов населения / Т.И. Гордиевич, П.В. Рузанов // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2020. – Т. 5. – № 1. – С. 127-135.
2. Соболев Т.С. Уровень жизни населения России: современный взгляд на действительность / Т.С. Соболев // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2020. – № 3 (34). – С. 7-12.
3. Мигунова Ю.В. Качество жизни населения сквозь призму потребительских предпочтений / Ю.В. Мигунова // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2021. – № 4. – С. 44-50.
4. Рыбкина М.В. Уровень и качество жизни населения как фактор конкурентоспособности региона / М.В. Рыбкина, О.Е. Стеклова, Е.Г. Денисова // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2021. – № 3 (159). – С. 103-109.
5. Регионы России (социально-экономические показатели) [Электронный ресурс] / Росстат России. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b18_14p.
6. Садыков Р.М. Ключевые тенденции и траектории социального развития российских регионов / Р.М. Садыков, Н.Л. Большакова // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2019. – № 3. – С. 126-132.
7. Галлямов Р.Р. Социальное развитие регионов в контексте социализации экономики: эволюционные этапы исследования и основные теоретические подходы в отечественной науке / Р.Р. Галлямов // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 8-2 (85). – С. 355-358.
8. Ханмагомедов С.Г. Индикаторы оценки уровня и качества жизни населения / С.Г. Ханмагомедов, Б.Ш. Кудаяева // Известия Дагестанского ГАУ. – 2021. – № 2 (10). – С. 95-100.
9. Меркулова Е.Ю. Индикаторы оценки качества жизни населения регионов России / Е.Ю. Меркулова, С.П. Спиридонов, В.И. Меньщикова // Экономический анализ: теория и практика. – 2018. – Т. 17. – № 11 (482). – С. 2066-2090.
10. Клизогуб Л.М. Моделирование качества жизни населения: региональный аспект / Л.М. Клизогуб // Математическое моделирование в экономике, управлении, образовании. – 2015. – № 1. – С. 72-78.
11. Лисова Е.В. Моделирование социально-экономических процессов региона / Е.В. Лисова // Путеводитель предпринимателя. – 2020. – Т. 13. – № 1. – С. 130-136.

References

1. Gordievich T.I. Uroven' zhizni i dinamika dohodov naseleniya / T.I. Gordievich, P.V. Ruzanov // Omskij nauchnyj vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. – 2020. – T. 5. – № 1. – S. 127-135.
2. Sobol' T.S. Uroven' zhizni naseleniya Rossii: sovremennyy vzglyad na dejstvitel'nost' / T.S. Sobol' // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.YU. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie. – 2020. – № 3 (34). – S. 7-12.
3. Migunova YU.V. Kachestvo zhizni naseleniya skvoz' prizmu potrebitel'skih predpochtenij / YU.V. Migunova // Izvestiya Ufimskogo nauchnogo centra RAN. – 2021. – № 4. – S. 44-50.
4. Rybkina M.V. Uroven' i kachestvo zhizni naseleniya kak faktor konkurentosposobnosti regiona / M.V. Rybkina, O.E. Steklova, E.G. Denisova // Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal. – 2021. – № 3 (159). – S. 103-109.
5. Regiony Rossii (social'no-ekonomicheskie pokazateli) [Elektronnyj resurs] / Rosstat Rossii. – Rezhim dostupa: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b18_14p.
6. Sadykov R.M. Klyuchevye tendencii i traektorii social'nogo razvitiya Rossijskih regionov / R.M. Sadykov, N.L. Bol'shakova // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal Koncept. – 2019. – № 3. – S. 126-132.
7. Gallyamov R.R. Social'noe razvitie regionov v kontekste socializacii ekonomiki: evolyucionnye etapy issledovaniya i osnovnye teoreticheskie podhody v otechestvennoj nauke / R.R. Gallyamov // Ekonomika i predprinimatel'stvo. – 2017. – № 8-2 (85). – S. 355-358.
8. Hanmagomedov S.G. Indikatory ocenki urovnya i kachestva zhizni naseleniya / S.G. Hanmagomedov, B.SH. Kudaeva // Izvestiya Dagestanskogo GAU. – 2021. – № 2 (10). – S. 95-100.
9. Merkulova E.YU. Indikatory ocenki kachestva zhizni naseleniya regionov Rossii / E.YU. Merkulova, S.P. Spiridonov, V.I. Men'shchikova // Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika. – 2018. – T. 17. – № 11 (482). – S. 2066-2090.
10. Klizogub L.M. Modelirovanie kachestva zhizni naseleniya: regional'nyj aspekt / L.M. Klizogub // Matematicheskoe modelirovanie v ekonomike, upravlenii, obrazovanii. – 2015. – № 1. – S. 72-78.
11. Lisova E.V. Modelirovanie social'no-ekonomicheskikh processov regiona / E.V. Lisova // Putevoditel' predprinimatel'ya. – 2020. – T. 13. – № 1. – S. 130-136.

Медик Ирина Николаевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Мировой экономики и экономической безопасности,
Байкальский государственный университет, город Иркутск,
m.irina.n@list.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Выделены основные положения экономической безопасности на страновом уровне за счет воздействия базисных глобализационных процессов, а также особенностей интеграции для итогового обеспечения экономической безопасности страны. Представлены ключевые вопросы, описывающие угрозы и возможности экономической безопасности страны в рамках расширяющейся глобализации мировой экономики. Систематизированы различные подходы к определению экономической безопасности в зарубежных и отечественных исследованиях. Выделены задачи стратегического развития, ключевые аспекты поддержания устойчивости экономической системы РФ в современных условиях под воздействием глобализационных тенденций. Обоснован вывод о том, что кризисные явления, воздействующие на экономику РФ, сформированы в результате структурных внешних и внутренних диспропорций, что определяет необходимость корректировки дисбаланса функционирования экономической системы, а также определения драйверов развития.

Ключевые слова: национальная экономическая безопасность, экономическая безопасность страны, глобализация, интеграция, мировая экономика

Irina N. Medik,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of World Economy and Economic Security,
Baikal State University, Irkutsk,
m.irina.n@list.ru

ECONOMIC SECURITY OF THE COUNTRY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Abstract. In the framework of this study, the main provisions of economic security at the country level are identified due to the impact of basic globalization processes, as well as the features of integration for the final provision of the country's economic security. The key issues describing the threats and opportunities to the country's economic security in the context of the expanding globalization of the world economy are presented. The author systematizes various approaches to the definition of economic security in foreign and domestic studies. The tasks of strategic development, the key aspects of maintaining and ensuring the economic security of the Russian Federation in modern conditions under the influence of globalization trends are highlighted. The conclusion is substantiated that the crisis phenomena affecting the Russian economy are formed as a result of structural external and internal imbalances, which determines the need to correct the imbalance in the functioning of the economic system, as well as to determine the drivers of development.

Keywords: national economic security, economic security of the country, globalization, integration, world economy

Формирование оптимальной системы экономической безопасности под воздействием глобализационных процессов играет ведущую роль в рамках принятия комплекса решений, направленных на достижение целевых индикаторов развития экономики РФ, включая заданное положение на мировой арене за счет оптимального взаимодействия внутренних и внешних стейкхолдеров.

Экономическая безопасность – это целостный комплекс, включающий воздействие условий и факторов на основании обеспечения суверенитета экономики страны при взаимодействии ее с другими странами, сохраняя при этом стабильность развития и устойчивость своего экономического положения в рамках стремления к саморегуляции. При систематизации данного понятия его можно определить как

«состояние защищённости внутренних и внешних составляющих в экономике, бесперебойное и стабильное их течение» [7].

В расширенном понимании экономическая безопасность является специфическим состоянием по обеспечению социально-экономической устойчивости на государственном уровне за счет гарантии стратегического развития экономики и одновременного сохранения уровня жизни на основании политики обеспечения защиты от широкого перечня изменений [1; 2].

Теоретические и методологические подходы по обеспечению экономической безопасности включают учет системы в рамках воздействующих тенденций, а не изолированно. Соответственно, воздействующими факторами выступают следующие положения: обеспечение экономического роста, выстраивание взаимодействия на международном уровне, укрепление коммуникаций, что позволяет сформировать протекционизм от негативных тенденций, имеющих различные векторы направленности и воздействия на систему.

Стратегия экономической безопасности и устойчивости системы при межгосударственных взаимодействиях определяет необходимость изучения ключевых тенденций глобализации с учетом интеграционных процессов по результатам заданных факторов, воздействующих на ключевые положения экономической безопасности страны [3].

Изучая воздействие негативных тенденций на систему обеспечения экономической безопасности государства, определяются основные направления совершенствования с учетом оценки воздействия отдельных векторов развития. Реализация мероприятий по повышению экономической безопасности формирует условия для стимулирования отдельных

направлений национальной политики и развития целостной системы с разработанным перечнем целевых индикаторов.

Современное общество подвергается влиянию широкого перечня движущих сил, в списке которых необходимо выделить глобализацию. Специфика понятия «глобализация» характеризуется Е.С. Дербеновой, О.Б. Бессерт как процесс расширения интеграционных связей между государствами и народами на основании политических и общественно-экономических форм взаимодействия с целью приведения к единообразию [2].

При углублении процессов глобализации за счет сопровождения высоких масштабов взаимозависимости национальных экономик значимой проблемой выступает обеспечение экономической безопасности страны. Выделение целевых индикаторов обеспечения экономической безопасности является основанием для формирования оптимального комплекса защиты от воздействия отрицательных факторов.

Воздействие значимых движущих сил в стратегическом развитии при межгосударственном взаимодействии определяет значимость данного воздействия на государственном уровне за счет обеспечения общего уровня экономической устойчивости. Изучение непосредственного влияния глобализационных тенденции на экономические векторы развития отражает, что необходимо исследовать ключевые тенденции и направления влияния факторов воздействия на экономическую безопасность страны [1].

Глобализационные процессы могут в равной степени как повышать экономическую безопасность страны, так и снижать экономическую устойчивость государства. На Рисунке 1 представлены основные

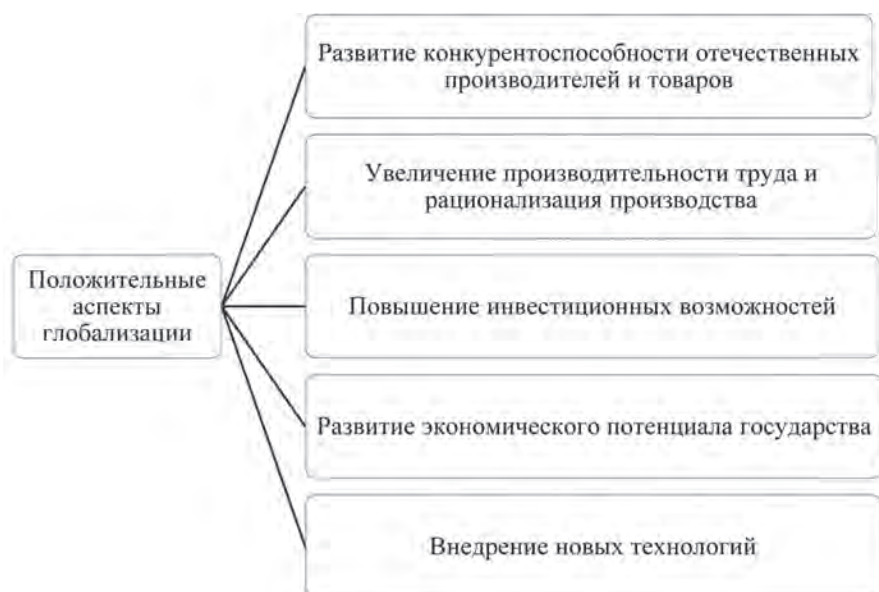

Рисунок 1. Направления, стимулирующие экономическую безопасность страны [7]

направления, стимулирующие экономическую безопасность страны.

Наибольшее воздействие на национальную экономику с целью обеспечения национальной экономической безопасности оказываются следующими международными движущими силами:

- Международный валютный фонд;
- Международный банк реконструкции и развития;
- Всемирный банк;
- Всемирная торговая организация [1; 4].

Таким образом, глобализация обеспечивает возможности для усиления интеграционных процессов в мировом экономическом сообществе. Положительное воздействие глобализации позволяет сформировать оптимальные и продуктивные международные коммуникации для усиления интеграционных связей между государствами за счет повышения эффективности экспортных и импортных торговых отношений.

Кроме того, глобализация формирует условия для интеграции национальной экономики в составную часть мировой экономики. Наиболее значимым аспектом изучения процесса воздействия глобализации на суверенитет и экономическую самостоятельность страны является выявление актуального уровня экономической безопасности и последующая разработка комплекса методов для повышения устойчивости экономических процессов развития [2].

К ключевым угрозам влияния глобализации на экономическую безопасность страны относят (см. Рисунок 2) [2]:

Стоит отметить, что отрицательное воздействие глобализационных процессов определяет-

ся тем, что интеграция в мировую экономику может негативно сказаться на общем состоянии экономической безопасности государства, поскольку в экономике России повышается уровень открытости и доступности для вмешательства других государств. Помимо этого, может возникнуть зависимость экономики национального рынка от международных тенденций, также усиливаются диспропорции, существующие в экономике страны, соответственно, сырьевая ориентация или недостаточность могут приобрести глобальный характер развития.

Исследователями М.С. Бородиным, Е.С. Дербеневой, О.Б. Бессерт, Е.В. Дробот определяются следующие причины негативного воздействия глобализационного процесса за счет уровня социально-экономических диспропорций между развивающимися и развитыми странами:

- проблемы между экономическим разрывом от воздействия технологических и финансовых аспектов развития глобализационных и интеграционных трансформаций одновременно с повышением эффективности развития традиционных отраслей [1];
- периодические финансовые кризисы, воздействующие на глобальные рынки, определяют значительные экономические потери для развивающихся стран [2];
- осуществление контроля развитых стран над процессами мировой торговли в собственных интересах, а не для осуществления принципов равноправия в мировых экономических процессах [3; 4].

При рассмотрении экономической безопасности Российской Федерации зависимость от импортных товаров и услуг является наиболее значимым аспектом

Рисунок 2. Ключевые негативные тенденции глобализационных процессов, воздействующих на экономическую безопасность страны [2]

обеспечения устойчивости [4; 5]. Рост удельного веса импортных поставок на внутреннем рынке определяет необходимость повышения конкурентоспособности экономики страны за счет усиления национальных предприятий, что является причиной сокращения итоговых расходов при ценообразовании, а также причиной уменьшения стоимости изделия по результатам интеграции инновационных технологических решений.

Воздействие данных движущих сил формирует основания для стабилизации экономики. Одновременно с этим угрозы, негативно влияющие на положение отечественных производителей рыночных отношений, определяют необходимость разработки системы мер поддержки и протекционизма за счет укрепления производственных связей и логистических цепочек.

Формирование политики экономической безопасности РФ под влиянием ограничения технологического потенциала и масштабного экспорта значительно сокращает возможность для противостояния объединениям транснациональных экономических интересов и взаимосвязей.

Так, для стимулирования роста экономической устойчивости и безопасности страны необходимо минимизировать зависимость от стоимости нефтегазовых ресурсов за счет обеспечения перестройки экономики, где рентная ориентация экономики Российской Федерации должна трансформироваться в инновационную ориентацию для преодоления «технологического отставания» [7].

При изучении воздействия глобализационных трендов развития национальной экономики необходимо принимать во внимание также и цифровизационные процессы, которые выступают стимулирующим инструментом для обеспечения национальной и экономической безопасности, а также для интеграции российских производителей в равной степени на международные и национальные рынки [5; 6].

Обеспечение инновационного вектора развития при выстраивании оптимальной стратегии экономической безопасности страны может быть реализовано на основании предоставления интеллектуальных ресурсов для повышения конкурентоспособности на межгосударственном уровне, что может также стать движущей силой для экономического роста Российской Федерации.

Формирование целевого уровня экономической безопасности РФ под воздействием глобализационных негативных тенденций определяет необходимость структурных трансформаций для стратегического роста в «глобальной инновационно-ориентированной цифровой экономике» [6].

По результатам исследования теоретических и практических подходов необходимо выделить ключевые задачи обеспечения экономической безопасности Российской Федерации на основании глобализационных процессов (Рисунок 3).

Таким образом, Российской Федерации необходимо проводить политику противодействия санкционным воздействиям за счет формирования оптимальных условий для технологического развития. Дополнительные инвестиционные потоки, направленные в формирование инфраструктурного обеспечения, минимизация торговых барьеров, стимулирующие условия для поддержания малого и среднего бизнеса, а также государственно-частного партнерства выступают в качестве ключевых мер по повышению конкурентоспособности по критериям устойчивости и инновационности [1-4]. Кроме представленных факторов обеспечения экономической безопасности, необходимо проводить оценку уровня денежных потоков, так как они являются значимыми угрозами для экономической безопасности страны [6].

Повышение уровня конкурентоспособности национального производителя должно быть направ-

Рисунок 3. Основные задачи обеспечения экономической безопасности Российской Федерации на основании глобализационных процессов [3]

лено на обеспечение контроля качества производимой продукции, а также трансформировать экономическую структуру за счет перехода от экспортной ориентации к производству готовой и переработанной продукции. При конкурировании Российской Федерации с мировыми экономиками необходимо обеспечивать политику умеренного протекционизма, данный подход позволит сформировать базис для развития экономики и минимизации угроз для экономической безопасности страны.

Отметим, что глобализационный процесс включает в равной степени положительные и отрицательные аспекты национальных систем, определяющих политическое, экономическое и социокультурное сближение, но при этом сохраняющих независимость страны и ее экономическую безопасность. Таким образом, современные условия определяют воздействие значимых движущих сил в стратегическом развитии при межгосударственном взаимодействии, определяют значимость воздействия на государственном уровне за счет обеспечения общего уровня экономической устойчивости. Соответственно, основанием для развития выступает высвобождение экономики от манипулятивных интеграционных процессов, что формирует систему одновременного сохранения суверенитета при включении в глобали-

зационные процессы и взаимодействие с другими государствами.

Воздействие кризисных тенденций на экономику РФ определяется перечнем социально-политических факторов, имеющих внутреннюю и внешнюю природу. Данные тенденции выступают основанием для отражения существующего дисбаланса функционирующей экономической системы, который ухудшает экономическую устойчивость и безопасность. Выделенные предпосылки определяют необходимость выделения ключевых движущих сил, как улучшающих, так и ухудшающих экономическую безопасность Российской Федерации.

Таким образом можно сделать вывод, что снижение экономической безопасности Российской Федерации сформировано воздействием социально-политических внутренних и внешних факторов, которые обнажили диспропорции развития российской экономики, ухудшающие экономическую национальную безопасность. Соответственно, ключевым направлением выступает определение новых движущих сил, обеспечивающих повышение конкурентоспособности страны. Воздействие данных тенденций определяет значимость глобализационных и интеграционных трансформаций одновременно с повышением эффективности развития традиционных отраслей.

Список литературы

1. Бородин М. С. Экономическая безопасность и устойчивое развитие // Индустриальная экономика. 2020. № 3. С. 53–57.
2. Дербенева Е.С., Бессерт О.Б. Экономическая безопасность страны // Вопросы студенческой науки. 2019. № 1(29). С. 189–192.
3. Дробот Е.В. Мировая экономика в условиях пандемии COVID-19: итоги 2020 года и перспективы восстановления // Экономические отношения. 2020. Том 10. № 4. С. 937–960.
4. Россия в новую эпоху: выбор приоритетов и цели национального развития: эксперт. докл. / Я. И. Кузьминов (рук. авт. кол.); П.В. Орехин, П.Н. Нетреба (отв. ред.); Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 112 с.
5. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения 15.05.2021).
6. Ускова Т.В. Ключевые угрозы экономической безопасности России // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). С. 7–16.
7. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. 09.11.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.01.2011. № 1. ст. 2.
8. Экономическая безопасность России: учебное пособие: в 3 ч. / под общ. ред. Т.А. Бондарской. Тамбов: ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2018. 269 с.

References

1. Borodin M. S. Ekonomicheskaya bezopasnost' i ustojchivoe razvitie // Industrial'naya ekonomika. 2020. № 3. S. 53–57.
2. Derbeneva E.S., Bessert O.B. Ekonomicheskaya bezopasnost' strany // Voprosy studencheskoj nauki. 2019. № 1(29). S. 189–192.
3. Drobot E.V. Mirovaya ekonomika v usloviyah pandemii COVID-19: itogi 2020 goda i perspektivy vosstanovleniya // Ekonomicheskie otnosheniya. 2020. Tom 10. № 4. S. 937–960.
4. Rossiya v novuyu epohu: vybor prioritetov i celi nacional'nogo razvitiya: ekspert. dokl. / YA. I. Kuz'minov (ruk. avt. kol.); P.V. Orekhin, P.N. Netreba (otv. red.); Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki, 2020. 112 s.

5. Ukaz Prezidenta RF ot 13.05.2017 № 208 «O Strategii ekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (data obrashcheniya 15.05.2021).
6. *Uskova T.V.* Klyuchevye ugrozy ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii // Problemy razvitiya territorii. 2019. № 1 (99). S. 7–16.
7. Federal'nyj zakon «O bezopasnosti» ot 28.12.2010 N 390-FZ (red. 09.11.2020) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 03.01.2011. № 1. st. 2.
8. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: uchebnoe posobie: v 3 ch. / pod obshch. red. T.A. Bondarskoj. Tambov: FGBOU VO «TGTU», 2018. 269 s.

Салихов Борис Варисович,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Теории регионоведения,
Московский государственный лингвистический университет, Москва,
mgsusalikhov@yandex.ru

ДОСТОЙНАЯ ЖИЗНЬ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ФУНКЦИЯ ПРОГРЕССИВНОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (ЧАСТЬ III)

Аннотация. Статья посвящена исследованию наиболее благоприятного, прогрессивного варианта из множества форм устойчивого и неустойчивого социально-экономического развития, а именно: характеристике качественной целостности достойной жизни как системной функции соответствующих дискреционных мероприятий. Методологическими основаниями работы являются классические положения концепции целевой функции, ключевые постулаты системной парадигмы, а также принцип нарастания сложности предмета исследования, что обусловлено открытостью, нелинейностью и неравновесностью развития современных социальных форм. Новыми представляются следующие научные результаты: во-первых, трактовка и содержание феномена достойной жизни как высшей цели в сфере обеспечения устойчивости социально-экономического развития; во-вторых, политэкономический алгоритм достижения названной высшей цели, включающий релевантные целостности в форме гражданского общества, правового государства, высокоэффективного общественного сектора экономики и ноосферного бытия природы. Научно-практическое значение выводов и умозаключений проведенного исследования заключается в дальнейшей систематизации целей, а также в актуализации общего гуманистического вектора в сфере конкретизации и решения задач как такового устойчивого национального и регионального развития.

Ключевые слова: достойная жизнь, духовно-нравственные основы экономики, прогрессивное устойчивое развитие, целевая функция, нарастание сложности, политэкономический анализ, гражданское общество, правовое государство, общественный сектор экономики, ноосферный тип воспроизводства

Boris V. Salikhov,

doctor of Economic Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Theory of region studies
of the Moscow state linguistic University, Moscow,
mgsusalikhov@yandex.ru

DECENT LIFE AS AN INTEGRAL TARGET FUNCTION OF PROGRESSIVE SUSTAINABLE DEVELOPMENT (PART III)

Abstract. The article is devoted to the study of the most favorable, progressive variant of the many forms of sustainable and un sustainable socio-economic development, namely: the characteristic of the qualitative integrity of a decent life as a system function of the corresponding discretionary measures. The methodological foundations of the work are the classical provisions of the concept of the objective function, the key postulates of the system paradigm, as well as the principle of increasing complexity of the subject of research, which is due to the openness, nonlinearity and disequilibrium of the development of modern social forms. The following scientific results appear to be new: first, the interpretation and content of the phenomenon of a decent life as the highest goal in ensuring the sustainability of socio-economic development; secondly, the political economic algorithm for achieving the named higher goal, including the relevant integrity in the form of civil society, constitutional state, a highly efficient public sector of the economy and the noospheric existence of nature. The scientific and practical significance of the conclusions of the study is the further systematization of the goals, as well as the actualization of the general humanistic vector in the sphere of concretizing and solving the problems of sustainable national and regional development as such.

Keywords: decent life, moral foundations of the economy, progressive sustainable development, objective function, increasing complexity, political economic analysis, civil society, constitutional state, public sector of the economy, noospheric type of reproduction

Введение: императивы нового «человеческого измерения» современного развития.

Сегодня вполне очевидным представляется тезис о ключевой роли человека в развитии всех сторон и сфер современного общества. Никто не может подвергнуть сомнению онтологическую значимость явного и неявного знания человека в решении множества научных и прикладных задач, обеспечивающих качество нашего бытия. Между тем, начавшееся третье тысячелетие отнюдь не ознаменовалось сколько-нибудь решительным прорывом человеческой цивилизации в направлении действительной гуманизации нашей жизни и деятельности. При этом растущий потенциал цивилизационного «дискомфорта» от пандемии коронавируса, наряду с углубляющимся социально-экономическим неравенством, технологическим и цифровым колониализмом, продолжающейся системной деструкцией природного капитала и многими другими провалами цивилизации, стал лишь акселератором более отчетливого проявления потенциала негативных проблем, расширенно воссоздаваемых еще в допандемический период социального развития [6, 11].

С одной стороны, нет таких решений, принимаемых наднациональными и национально-региональными структурами управления, которые не заключали бы в себе целевые установки, непосредственно связанные с повышением уровня жизни людей, ликвидации бедности, профилактики социальных катаклизмов, наиболее полной мобилизации творчески-трудового потенциала людей в рамках различных макрорегионов и регионов мира. С другой стороны, отмеченные планы и целевые функции априори включают в себе «неполный гештальт» реальных императивов, настойчиво диктуемых действительностью. Во-первых, преимущественно речь идет о решении множества проблем, тестируемых на предмет устойчивости сферы потребления (постоянно подчеркивается, что современный уровень потребления необходимо сохранить для будущих поколений). Очевидно, что такой «потребительский» критерий решаемых задач едва ли когда-нибудь оставит «в покое» природный потенциал, испытывающий все новые и новые разрушительные «цунами» безудержно растущего потребления, причем без должной амортизации ускоренно растрачиваемых ресурсов природы [4].

Во-вторых, существенным является морально-этический и ценностно-смысловой ракурс проводимых мероприятий в сфере обеспечения устойчивого развития. Основанная на монетарно-либеральной и денежно-плутократической идеологии, действующая парадигма социально-экономического и социально-политического развития в принципе не включает *человеческое измерение* в формат своих научно-практических алгоритмов. При этом человек, лишь

формально являясь целевой функцией (именно с потребительской, а не креативно-созидательной точки зрения), по-прежнему остается средством решения задач, мало связанных с действительным прогрессом личности, региональных социумов и человеческой цивилизации в целом. Можно считать вполне доказанным, что длительное замедление темпов мирового экономического роста (так называемая «новая нормальность»), углубляющееся социально-экономическое неравенство, системная деструкция человеческого капитала даже в странах лидирующей группы, ускоренное развитие симулякров (бесполезных секторов и целых отраслей экономики) и многое другое, имеют своим глубинным основанием длительное пренебрежение к человеку как, по сути, единственному онтологическому источнику радикальных инноваций и креативной революции [3]. Поскольку до сих пор человек еще не стал действительной целью общественного развития, постольку есть и будут основания делать вывод о том, что для обеспечения устойчивого развития «лечить» следует не экономику; «лечить» следует цивилизацию [6, с. 41].

Методология исследования: креативный потенциал сущности феномена «достойна жизнь».

Исследовательский концепт, непосредственно связанный с пониманием человека как «меры всех вещей», превращает его в интегральную целевую функцию не только в рамках парадигмы устойчивости, но и как такового общественного развития. Реализуя требования системной парадигмы (наиболее полный, именно междисциплинарный учет внешних и внутренних условий и факторов развития человека и всех форм его деятельности) [9, 13], а также учитывая синергию функционирования творчески-трудового капитала личности, связанную с открытостью, сложностью и нелинейностью становления и совершенствования данного капитала знаний и компетенций [2], видится вполне резонным очертить некую «систему проекта», где бы наиболее полно отразился императив гуманизации всего спектра общественных отношений. Анализ релевантной литературы позволяет обоснованно предположить, что такой «системой проекта» вполне может быть феномен *достойной жизни* человека (домохозяйства) [1, 14].

Восхождение к сущности достойной жизни априори предполагает системный подход, поскольку выходит далеко за пределы междисциплинарных характеристик, связанных, например, только или преимущественно с оценками экономических показателей. Здесь ключевую роль играют именно геосоциальные, цивилизационные условия и факторы, сконцентрированные в тех или иных социокультурных формах. Изначально и структурно достойную жизнь можно понимать как единство достойного уровня и достойного качества жизни, но тогда следует пред-

ложить отдельные трактовки соответствующих звеньев общего концепта, а также охарактеризовать возможные варианты их взаимосвязи. Если под *уровнем жизни* традиционно принято понимать степень удовлетворения материальных потребностей человека, то *достойный уровень жизни* резонно характеризовать как расширенно воссоздаваемый самим человеком, за счет производительного использования собственного капитала знаний и творчески-трудовых компетенций, уровень удовлетворения его материальных потребностей. Очевидно, что показателями достойного уровня жизни могут быть: постоянный рост реальных доходов и, одновременно, расходов и сбережений домохозяйства, положительная динамика индекса потребительских ожиданий, рост свободного времени при неуклонном повышении уровня эргономических параметров творчески-трудовой деятельности и другие.

Качество жизни человека всегда связано с социокультурными формами его творчески-трудовой деятельности и как такового бытия. При этом качество и уровень жизни могут пребывать в состоянии «понятийно-практических» диссонансов: высокий уровень жизни может отнюдь не сопровождаться таким же ее качеством; и наоборот, низкому уровню жизни может соответствовать весьма высокое его качество. Практика показывает, что именно качество жизни, как социокультурное бытие человека, является ведущим элементом в общей «сцепке» уровня и качества жизни. Таким образом, учитывая ценностно-смысловую обусловленность *качества жизни*, его можно определить как социокультурную форму уровня жизни. При этом *достойное качество жизни* резонно трактовать как духовно-нравственную форму достойного уровня жизни личности (домохозяйства). *Достойную жизнь*, таким образом, можно определить как духовно-нравственную форму уровня жизни. При этом духовная нравственность понимается в данном случае буквально, как безусловный приоритет требований принципов истинного гуманизма, свободного творчества, непрерывного самосовершенствования, добра и справедливости [16].

Другими словами, достойно живет тот, кто использует весь набор своих жизненных сил и получаемых средств для расширенного воссоздания истинно гуманистических, то есть *на деле прогрессивных* ценностей и смыслов, объективируемых в самом человеке-творце и в результатах его деятельности. Системными показателями достойной жизни могут быть такие переменные, как индексы счастья, процветания, политических прав и свобод, защиты прав собственности, а также показатели продолжительности здоровой творчески-трудовой жизни, общественной активности и т.д. Среди новых показателей достойной жизни можно обозначить *индекс креативно-интел-*

лектуальной экологии (показатель, характеризующий характер и содержание творчески-трудовой деятельности, релевантной эндогенным устремлениям и желаниям личности), *индекс «пробной перемены» занятий* (показатель, фиксирующий динамику попыток субъекта «попробовать себя» в различных, как правило новых, видах деятельности), *индекс «дисперсной активности»* (показатель, отражающий многообразие форм и видов творчески-трудовой деятельности субъекта) и другие.

Важно отметить, что понимание достойной жизни как социокультурной, именно духовно-нравственной формы уровня жизни, включает в себе внушительный креативный научно-практический потенциал. И если формирование и развитие достойного уровня жизни можно рассматривать как преимущественно социально-экономическую и организационно-управленческую задачу, то становление достойного качества жизни (и в целом достойной жизни как единства релевантного уровня и качества) требует не только многодисциплинарного, но и междисциплинарного подхода. Очевидно, что в феномене «достойная жизнь» должны абсорбироваться самые инновационные и критически значимые императивы и концепты, на деле характеризующие и, главное, превращающие человека в действительную «меру всех вещей».

Результаты исследования как императивы нового дискурса. Результаты исследования интегрируются, как минимум, в два взаимосвязанных ключевых положения, характеризующих *целостность достойной жизни, выступающей, одновременно, фактором и функцией прогрессивного устойчивого развития*. Первое положение, связанное с характеристикой достойной жизни как эндогенного фактора устойчивости человека как индивида, является критически значимым «центром тяжести» всей концепции устойчивого развития как такового, поскольку фиксирует ее базисное, именно человеческое начало. Индивид (человек, личность, домохозяйство), живущий достойно, то есть прогрессивно, *внутренне устойчив* относительно растущего множества турбулентных социальных и иных неблагоприятных условий, а также относительно различных соблазнов потребления и бесполезных зрелищ и т.д. Очевидно, что эндогенными, сугубо индивидуальными факторами такой устойчивости (своеобразного «иммунитета») являются следующие релевантные структурные элементы, конституирующие высшее качество как такового человеческого бытия.

Во-первых, – это креативно-интеллектуальная экология человека, то есть найденный самим человеком «путь к Храму» его собственной созидательной, творчески-трудовой судьбы. Другими словами, человек всегда устойчив к любым невзгодам и трудностям, если занят любимым делом, *рефлексирующим сущ-*

ностные основания его жизни и глубинные интенции непрерывной креативной самореализации. Естественным инструментом обнаружения и культивирования индивидуальной креативно-интеллектуальной экологии человека является его *внутренняя свобода мыслить и поступать так*, как того требует императив, обнаруженного и осознанного каждым индивидом, его собственного творчески-трудового предназначения. Каждый человек рождается свободным и обладающим огромным потенциалом созидательной, именно прогрессивной самореализации. При этом «позывные» креативно-интеллектуальной экологии могут меняться в течение всей жизни, и у человека всегда должно хватать смелости поменять вектор и творческие «координаты» своей деятельности. По образному выражению К. Юнга, всякий раз «жизнь надо беспрестанно добывать заново» [18, с. 18], сохраняя интерес к самому себе и всегда оставаясь самим собой. Именно в постоянном поиске пути «к самому себе» и состоит эндогенный базис расширенно воссоздаваемой устойчивости духа человеческого творческого созидания. Главное здесь заключается в том, чтобы жизнь стала *единым креативным проектом*, и именно это обстоятельство в решающей степени *конституирует действительную устойчивость человека* в современном мире, расширенно *воссоздавая иммунитет стойкости* к любым жизненным трудностям и невзгодам.

Во-вторых, явление креативно-интеллектуальной экологии объективно нацеливает на реализацию императива *устойчивости духовно-нравственной качественной целостности*, задающей ценностно-смысловые и, далее, социокультурные рамки всех форм и видов творчески-трудовой деятельности человека. Духовное качество бытия человека, реализующего свой эвристический потенциал в рамках креативно-интеллектуальной экологии, означает руководство в его решениях и действиях исключительно требованиями созидательности и действительного прогресса [17]. И если собственно креативно-интеллектуальная экология, как реализованная внутренняя свобода индивида, обеспечивает *устойчивость как таковых содержательных форм его деятельности*, то духовно-нравственный вектор данной экологии, как реализованное созидательное качество внутренней свободы индивида, обеспечивает *устойчивость прогрессивной направленности содержания деятельности человека*. Очевидно, что обе названные формы устойчивости есть специфические вариации личностного неявного знания, формирование и развитие которого всегда было и останется не только результатом собственного саморазвития каждого индивида, но также одной из важнейших психолого-педагогических задач социума.

Внутренняя, имманентная *устойчивость индивида*, определяемая внутренней свободой и реле-

вантным выбором вида деятельности в рамках креативно-интеллектуальной экологии (содержание деятельности), а также духовной нравственностью (прогрессивная направленность деятельности), только в том случае превратится из «вещи в себе» в «вещь для общества», то есть в *дискреционную устойчивость личности*, если внутренняя свобода человека как индивида будет дополнена внешней свободой человека как личности (если человек как индивид будет социализирован, то есть трансформирован в человека как личность). Следовательно, *«акселератор» общей устойчивости личности (домохозяйства) есть результат комплементарности и когерентности ее внутренней (естественной) и внешней (дискреционной) свободы*. Без внешней свободы креативно-интеллектуальная экология человека будет, в лучшем случае, деформированной и окажется преимущественно в латентной форме, а в худшем – приведет к потере человека «самого себя», к полной деструкции внутренней свободы и уничтожению «человеческого в самом человеке».

Важно отметить, что сам человек, стремясь к креативной самореализации, рано или поздно, начинает понимать свою индивидуальную роль в «производстве» внешней свободы, без которой невозможна прогрессивная устойчивость его творчески-трудового бытия. В этом и заключается политэкономическое основание решения проблемы устойчивого развития, поскольку только в рамках общественного выбора при соответствующем расчете согласия [7], а также создавая общественный сектор на основе индивидуального выбора соответствующих альтернатив (например, демократическое либо авторитарное качество государства), индивид может всерьез рассчитывать на созидательную «сцепку» двух названных форм свободы и, следовательно, на *релевантный уровень и содержание собственного устойчивого развития*. При этом политэкономическая логика развития событий изложена в следующих положениях.

Во-первых, внутренне свободный человек как индивид, реализуя свой императив креативно-интеллектуальной экологии и вступая в определенные взаимодействия с другими индивидами, формирует гражданское общество, которое, в свою очередь, производит правовое государство (то есть справедливое государство, иначе нет смысла в названных ранее взаимодействиях), а также конституционные «правила о правилах», где фиксируются все виды прав и свобод человека, а также «святость» и естественность защиты права собственности. Одновременно возникают и неформально институционализируются социокультурные инновации как основа будущих традиций социума (именно в «недрах» данного процесса человек как индивид превращается в человека как личность). Важно подчеркнуть, что именно *гражданское каче-*

ство общества делает человека устойчивым и прогрессивным, причем основанием «иммунной системы» данной устойчивости и прогрессивности является коалиция индивидов, системно заинтересованных в создании внешней свободы как гаранта свободы внутренней [7, 17].

Во-вторых, правовое государство, контролируемое гражданским обществом (сообществом индивидов, или обществом как «развернутыми» личностями) расширенно воссоздает справедливые и транспарентные «правила игры», или институциональный капитал, релевантный требованиям внутренней свободы индивидов как личностей. При этом следует отметить, что именно *правовое качество государства делает его устойчивым и прогрессивным*, причем «иммунная система» данной устойчивости и прогрессивности непосредственно определяется качественной целостностью и имманентной прогрессивностью гражданского общества. Названный ранее институциональный капитал призван, прежде всего, обеспечить неукоснительную реализацию конституционных «правил о правилах», а также «точно» и, одновременно, масштабно и деперсонифицированно обеспечивать наиболее полную реализацию конституционных прав и свобод личности, особенно прав собственности [12]. Как сказал Г. Гегель, «справедливость составляет нечто великое в гражданском обществе: хорошие законы ведут к процветанию государства, а свободная собственность есть основное условие его блеска» [5, с. 264].

В-третьих, гегелевская «свободная собственность» вкупе с реализуемым императивом креативно-интеллектуальной экологии личности есть основание «иммунной системы» *устойчивого прогрессивного социально-экономического развития (устойчивого уровня жизни)*, но не устойчивого развития экономики, которая объективно должна испытывать циклические формы неустойчивости как эндогенную, естественную основу своего развития, без чего едва ли возможен общий поступательный и прогрессивный тренд долгосрочного экономического роста. Можно сказать, что *устойчивость прогрессивного социально-экономического развития есть, в определенном смысле, функция неустойчивости и, возможно, турбулентности собственно прогрессивного экономического развития*. Отмеченное обстоятельство представляется важным, прежде всего, в методологическом смысле, поскольку сознательное стремление обеспечить непосредственно экономическую устойчивость может превратиться в свою противоположность: сформировать потенциал еще большей неустойчивости и экономики, и социума вместе. В то же время, устойчивость социально-экономического развития (при естественной, возможно, «шумпетерианской» неустойчивости экономики) обеспечивается, прежде всего, множеством государственно-правовых

дискреционных мер, интегрированных в прогрессивную идеологию социально-экономической политики, концепцию целевой функции, релевантные механизмы монетарно-фискального, валютного и любого иного регулирования [8, 10].

В-четвертых, устойчивость прогрессивного социально-экономического развития, а также циклический, но поступательный (в долгосрочном периоде) тренд устойчивого прогрессивного экономического роста предполагают *прогрессивную устойчивость природного потенциала*, под которой понимается развитие живой и неживой природы в условиях полного прекращения «вымывания» ее ресурсов. Постоянная социально-экономическая и долгосрочная экономическая устойчивость невозможны, если они не обеспечиваются за счет использования исключительно (в перспективе) воспроизводимых ресурсов природы. Другими словами, духовная нравственность личности, общества и государства, применительно к природному потенциалу, означает не только его сохранность на уровне некоего «статус-кво», а ускоренное восстановление (насколько такая «амортизация» еще возможна) уже изношенных элементов природного капитала. Очевидно, что достойная жизнь личности (домохозяйства) объективно невозможны в условиях растущих темпов деструкции как таковой среды обитания всего живого на земле [19].

Подводя предварительный итог, а также основываясь на ранее разработанной трактовке сущности устойчивого прогрессивного развития, представляющего собой процесс количественных и качественных изменений под воздействием динамического равновесия релевантных условий и факторов [15], можно предложить краткий их перечень. К рассматриваемым динамически равновесным условиям, обеспечивающим созидательный «фарватер» устойчивости достойной жизни, резонно отнести индивидуальные и общественные (социокультурные) ценности духовности и гуманизма, ценности внутренней и внешней свободы, справедливости и доверия, ценности самопознания и познания, «культ» творчества и труда, императив единства личности («свернувшегося» общества) и общества («развернутой» личности), воссоздаваемая реальность конституционных «правил о правилах» (как результат действительного общественно-го выбора индивидов) и другие.

К перечню динамически равновесных факторов, обеспечивающих содержательное «сущее» устойчивости достойной жизни, можно отнести непрерывно воссоздаваемый и созидательно функционирующий креативный и мотивационный капитал личности и общественный оптимизм, постконституционные транспарентные и высокоэффективные «правила игры» (создаваемые правовым и подконтрольным индивидам и обществу государством), прогрессивные и устой-

чиво реализуемые формы и виды политики государства, релевантные императивам достойной жизни и т.д. Очевидно, что устойчивость достойной жизни есть системный результат «трех равновесий»: во-первых, динамического равновесия внутренних и внешних *условий* духовно-нравственного «должного» в сфере творчески-трудовой деятельности; во-вторых, динамического равновесия внутренних и внешних *факторов* духовно-нравственного «сущего» творчески-трудовой деятельности; в-третьих, динамического равновесия в системе комплементарного и когерентного единства, *одновременно, внутренних и внешних условий и факторов*, то есть одновременно «должного и сущего». Примерная, предельно общая политэкономическая матрица обеспечения устойчивости достойной жизни личности (домохозяйства), показана в табл. 1.

Резонно подчеркнуть, что устойчивость достойной жизни личности (домохозяйства) достигается не сразу и обеспечивается отнюдь не «раз и навсегда». Формирование и дискреционная поддержка «трех равновесий» представляется настолько же важной, насколько является сложной политэкономической задачей. При этом именно политэкономическое

качество данной проблемы заключается в логике и перечне императивов (третий столбец табл. 1), где четко просматривается «дисциплинарная матрица» концепции общественного выбора и конкретных аспектов политической экономики: от методологического индивидуализма, с анализом имманентной человеку внутренней свободы, до правового государства как производителя релевантных институциональных форм общего и социально-экономического развития в рамках ноосферного вектора инновационных результатов предполагаемой креативной революции. Здесь важно подчеркнуть, что креативно-интеллектуальная экология человека, а также любая форма реализации его созидательной творчески-трудовой энергии, в условиях названных «устойчивостей» и «императивов», в духовно-нравственном смысле имеет критически значимое измерение: сохранность природного потенциала и, следовательно, самого себя. *Творчество человека не может быть «выше» творческого потенциала самой природы, хотя бы потому, что человек есть лишь ее часть.* Очевидно, в этом заключается важнейший императив справедливости и честности в отношении человека к окружающему миру.

Таблица 1.

Политэкономическая матрица обеспечения устойчивости достойной жизни личности (домохозяйства)

Целевая установка	Динамическое равновесие ключевого условия и ключевого фактора	Основной императив
Интегральная цель: Устойчивость достойной жизни личности (домохозяйства)	Условие: духовная нравственность как высший смысл жизни и творчески-трудовой деятельности. Фактор: внутренняя свобода индивида как основание его креативно-интеллектуальной экологии, непрерывного саморазвития и планирования жизни как «единый и непрерывный креативный проект»; как глубинный базис «креативной революции»	Императив и поиск внешней свободы; растущий <i>запрос на гражданское общество</i>
Обеспечивающая цель-1 Устойчивое развитие гражданского общества	Условие: духовная нравственность свободных индивидов как общее ценностно-смысловое и ментальное основание общества. Фактор: креативная элита общества свободных индивидов, воссоздающая и артикулирующая потребности индивидов в социокультурные ценности и в факт прогрессивных традиций	Императив «правил о правилах» и <i>запрос на правовое государство</i>
Обеспечивающая цель-2 Устойчивое развитие правового государства	Условие: расширенно воссоздаваемые гуманистические ценности и смыслы гражданского общества как «развернутой» личности. Фактор: политэкономическая элита государства и высокоэффективные коалиции гражданского общества, способные воссоздавать правовое государство, а также институциональный капитал с инклюзивной защитой прав собственности	Императив новых «правил игры» и <i>запрос на высокую эффективность экономики</i>
Обеспечивающая цель-3 Устойчивое социально-экономическое развитие	Условие: правовое государство, действующее строго в рамках общественного выбора (конституционного договора) и расширенно воссоздающее релевантные «правила игры». Фактор: управленческая элита и высокоэффективный бюрократический аппарат; средний и креативный класс, обеспечивающие гуманистический тип воспроизводства	Императив радикальных инноваций и <i>запрос на ноосферный природный капитал</i>
Обеспечивающая цель-4 Устойчивое развитие природного потенциала	Условие: восстановление природного потенциала как безусловная социокультурная ценность. Фактор: приоритет «природных инвестиций», обеспечивающих восстановление разрушенного природного потенциала; конституирование и институционализация природовосстановления на всех уровняе жизни и деятельности общества	Императив восстановления природного потенциала и <i>запрос на «человека достойного»</i>

Заключение. Таким образом, *парадигма достойной жизни*, (вместо парадигмы ВВП и других монодисциплинарных либо нецелостных качественных концептов исследования и решения проблемы устойчивого развития), вполне может претендовать хотя бы на статус *рабочей гипотезы* в предположении о том, что единство феноменов «индивидуального и общественного», а также органическая взаимосвязь внутренней и внешней свободы человека, выступающего, одновременно, как индивид и как личность, может на деле стать онтологией условий и факторов действительного механизма не только устойчивого, но и ускоренного современного социального развития. При этом *динамическое равновесие условий устойчивости достойной жизни* должно, очевидно, заключаться в строгом и неуклонном следовании императивам ценностей добра и гуманизма, то есть духовной нравственности, задающей вектор творчески-трудового созидания и действительного прогресса человека, социума и всей цивилизации.

Одновременно и наряду с этим, *динамическое равновесие факторов устойчивости достойной жизни* призвано концентрироваться вокруг релевантных политэкономических форм, представленных методологическим индивидуализмом (с «центром тяжести» в качестве креативно-интеллектуальной экологии человека как индивида); гражданским обществом, выступающим как «развернутая» личность и воссоздающим конституционные «правила о правилах»; правовым государством, ответственным за качество и созидательную эффективность всего набора «правил игры»; социально ориентированным механизмом экономического развития, где заданы жесткие рамки потребления природного капитала и расширенно воссоздается спрос на ноосферные радикальные инновации; природным потенциалом, все в большей степени превращающимся в универсальное, *редкое общее цивилизационное благо*, давно вышедшее за пределы ценности и ставшее, по сути, *бесценным суперблагом* для всех и каждого жителя планеты.

Список литературы

1. Антипина О.Н. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. 2012. № 2. С. 94-108.
2. Асланов Л.А. Менталитет и власть. Русская цивилизация. – М.: ТЕИС, 2009. – 557 с.
3. Бузгалин А.В. Закат неолитерализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122-142.
4. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. – 304 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
6. Данилов-Данильян В. Глобальный кризис как следствие структурных сдвигов в экономике // Вопросы экономики. 2009. № 7. С. 31-42.
7. Джеймс М. Бьюкенен. Сочинения. – М.: «Таурус Альфа», 1997. – 560 с.
8. Капелюшников Р.И. Экономическое неравенство – вселенское зло? // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 91-107.
9. Клейнер Г.Б. Системный ресурс экономики // Вопросы экономики. 2011. № 1. С. 89-101.
10. Клепач А., Куранов Г. О циклических волнах развития экономики США и России // Вопросы экономики. 2013. № 11. С. 4-34.
11. Колодко Г.В. Последствия. Экономика и политика в постпандемическом мире // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 25-45.
12. Коломиец А.Г. Инновации и защита прав собственности в эпоху радикальных экономических трансформаций // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 95-114.
13. Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 4-23.
14. Румянцева Е.Е. Экономика счастья. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 96 с.
15. Салихов Б.В. Научно-практический потенциал определения сущности устойчивого и неустойчивого развития (Часть II) // Вестник Академии права и управления. 2021. № 1 (62). С. 87-94.
16. Салихова И.С. Право человека на достойную жизнь как юридическая категория // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 129-133.
17. Фридрих А. Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изогграф, 2000. – 256 с.
18. Юнг К.Г. Об энергетике души. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2010. – 297 с.
19. Устойчивое развитие: общество, экология, экономика: материалы XV международной научной конференции. – М.: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2019. – 518 с.

References

1. Antipina O.N. Economic theory of happiness as a direction of scientific research // Issues of Economy. 2012. No. 2. Pp. 94-108.
2. Aslanov L.A. Mentality and power. Russian civilization. - M.: TEIS, 2009. - 557 p.
3. Buzgalin A.V. The decline of neoliberalism (to the 200th anniversary of the birth of Karl Marx) // Issues of Economy. 2018. No. 2. Pp. 122-142.

4. *Wallerstein I.* Mirosystem analysis. Introduction. - M.: URSS: LENAND, 2018. - 304 p.
5. *Hegel G.V.F.* Philosophy of Law. - M.: Mysl, 1990. - 524 p.
6. *Danilov-Danilyan V.* The global crisis as a consequence of structural changes in the economy // *Issues of Economy*. 2009. No. 7. Pp. 31-42.
7. *James M. Buchanan.* Compositions. - M.: "Taurus Alpha", 1997. - 560 p.
8. *Kapelyushnikov R.I.* Is economic inequality a universal evil? // *Issues of Economy*. 2019. No. 4. Pp. 91-107.
9. *Kleiner G.B.* Systemic resource of the economy // *Issues of Economy*. 2011. No. 1. Pp. 89-101.
10. *Klepach A., Kuranov G.* About cyclical waves of economic development in the USA and Russia // *Issues of Economy*. 2013. No. 11. Pp. 4-34.
11. *Kolodko Gzh. B.* Consequences. Economy and politics in the post-pandemic world // *Issues of Economy*. 2020. No. 5. Pp. 25-45.
12. *Kolomiets A.G.* Innovations and protection of property rights in the era of radical economic transformations // *Issues of Economy*. 2018. No. 9. Pp. 95-114.
13. *Kornai Y.* System paradigm // *Issues of Economy*. 2002. No. 4. Pp. 4-23.
14. *Rumyantseva E.E.* The economy of happiness. - M.: INFRA-M, 2010. - 96 p.
15. *Salikhov B.V.* Scientific and practical potential for determining the essence of and unsustainable development (Part II) // *Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2021. No. 1 (62). Pp. 87-94.
16. *Salikhova I.S.* The human right to a dignified life as a legal category // *Gaps in Russian legislation*. 2009. No. 4. Pp. 129-133.
17. *Friedrich A. Hayek.* Individualism and economic order. - M.: Izograf, 2000. - 256 p.
18. *Jung K.G.* About the energy of the soul. - M.: Academic project; The World Foundation, 2010. - 297 p.
19. Sustainable development: society, ecology, economy: materials of the XV international scientific conference. - M.: ed. CHOUVO "MU named after S.Y. Witte", 2019. - 518 p.

Трофимова Наталья Николаевна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента наукоёмких производств,
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург,
Tnn04@mail.ru

УСТОЙЧИВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные вопросы управления устойчивым развитием российских предприятий в рамках перехода к зеленой экономике. Показано, что промышленные предприятия внесли выдающийся вклад в экономическое развитие России, а их зеленое развитие с каждым годом привлекает все больше внимания исследователей. Обосновано, что в современных условиях назрела необходимость разработки и внедрения комплексной программы устойчивого развития зеленой промышленности. В результате проведенного исследования предложены некоторые управленческие решения, направленные на повышение устойчивости и дальнейшей зеленой трансформации промышленности в России.

Ключевые слова: зеленая экономика, зеленая промышленность, промышленные предприятия, экологически чистое производство, устойчивое развитие, устойчивые технологии, природные ресурсы

Natalia N. Trofimova,

Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Management of High-Tech Industries,
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg,
Tnn04@mail.ru

SUSTAINABLE TRANSFORMATION OF RUSSIAN ENTERPRISES IN THE CONTEXT OF THE TRANSITION OF INDUSTRY TO A GREEN ECONOMY

Abstract. The article deals with some issues of managing the sustainable development of Russian enterprises in the framework of the transition to a green economy. It is shown that industrial enterprises have made an outstanding contribution to the economic development of Russia, and their green development attracts more and more attention of researchers every year. It is proved that in modern conditions there is a need to develop and implement a comprehensive program for the sustainable development of the green industry. As a result of the conducted research, some management decisions aimed at increasing the sustainability and further green transformation of the industry in Russia are proposed.

Keywords: green economy, green industry, industrial enterprises, environmentally friendly production, sustainable development, sustainable technologies, natural resources

За последнее десятилетие концепция зеленой экономики стала стратегическим приоритетом для России. Однако, превратив свою экономику в движущую силу устойчивого развития, в российской промышленности в настоящее время все еще принимается не достаточно много эффективных управленческих решений, направленных на скорейший и повсеместный переход к зеленой экономике [4].

Причины сложившейся ситуации кроются, на наш взгляд, не только в высокой урбанизации, нехватке ресурсов и изменении климата, но и в общей экономической нестабильности, обусловленной текущей пандемией COVID-19, а также в недостаточно

эффективном управлении на уровне самих промышленных предприятий [9].

Идея устойчивого зеленого развития промышленных предприятий стала доминирующей реакцией на изменение климата и экологический кризис. При этом теория зеленого развития утверждает, что продолжающийся экономический рост вполне совместим с экологией нашей планеты, поскольку технологические изменения позволят полностью отделить рост ВВП от использования природных ресурсов.

Это требование теперь учитывается и в российской национальной промышленной политике и в международной политике в целях устойчивого развития. Однако практические результаты использования

природных ресурсов и выбросов углерода до сих пор не подтверждают перехода к управлению согласно концепции зеленой экономики.

Тем не менее, текущий финансовый кризис, вызванный мировой пандемией COVID-19, сделал концепцию зеленой экономики как никогда актуальной и назрела необходимость внедрения комплексной программы развития зеленой промышленности, поскольку именно она может реально способствовать реализации устойчивого развития российской промышленности в целом.

Достижение устойчивого развития – конечная цель зеленой экономики. Конечно, существуют некоторые достижения по переходу России к зеленой экономике и зеленой промышленности, но многие проблемы еще сохраняются [2].

Несмотря на то, что зеленая экономика является альтернативой доминирующей сегодня экономической модели, которая усугубляет неравенство, способствует неэкономному использованию природных ресурсов и вызывает их дефицит, создавая глобальные угрозы для окружающей среды и здоровья человека, национальная зеленая политика не эффективно работает в условиях глобального финансового кризиса.

Технологии, необходимые для решения указанных выше проблем, быстро развиваются на общемировом рынке и вызывают постоянно растущий общественный интерес. Глубокие научные знания, передовые инновации в их разработке и применении являются важным требованием, если российская промышленность хочет достичь лидерства во многих областях их применения или воспользоваться новыми возможностями на пути перехода к зеленой промышленности.

Итак, зеленая экономика – это альтернативное видение роста и развития не только промышленного сектора, но и экономики всей страны, которое будет способствовать устойчивому экономическому развитию и улучшению жизни людей способами, совместимыми с улучшением экологического и социального благополучия [5].

При этом одним из важных компонентов концепции зеленой экономики в промышленности является содействие развитию и внедрению новых экологически чистых технологий при производстве продукции [3]. Хотя экологически чистое производство не может принести экономических выгод в краткосрочной перспективе, долгосрочные инновации в области экологически чистых производственных технологий могут изменить затраты промышленных предприятий и усилить корпоративные конкурентные преимущества.

Экономическое развитие в эпоху индустриализации было достигнуто за счет чрезмерной эксплуатации природных ресурсов. Сегодня же человечество приближается к различным экологическим перелом-

ным моментам, за пределами которых, вероятно, произойдут резкие и необратимые изменения окружающей среды в большом географическом масштабе.

На этом не простом этапе инструменты экологической и промышленной политики могут поддерживать переход к экономическим структурам, которые помогут ускорить необходимые изменения в направлении устойчивого будущего. Для улучшения экологических показателей промышленные предприятия в краткосрочной перспективе должны подлежать довольно строгому государственному регулированию и при этом увеличивать инвестиции в модернизацию экологических технологий.

Устойчивая трансформация российских промышленных предприятий при переходе к зеленой экономике требует глубокого обновления экономических структур, промышленных технологий и политических институтов. Иными словами успешная трансформация требует экологизации на различных уровнях, от норм и ценностей до инноваций в производстве и управлении.

Инновации в технологиях и их применении являются ключом к тому, чтобы промышленность могла создавать новые ценности для бизнеса, а также приносить пользу людям и планете. В последние годы производственные предприятия модернизировали свои усилия в направлении устойчивого производства.

Экологические инновации помогают обеспечить зеленую эволюцию за счет изменений, которые могут привести к значительным улучшениям в окружающей среде. Текущий экономический кризис и переговоры об изменении климата следует рассматривать как прекрасную возможность для перехода к зеленой экономике за счет ускорения экологических инноваций в промышленности.

Рассматривая в первую очередь производственные системы, предприятия должны принять бизнес-стратегии, в которых они будут стремиться максимизировать эффективность использования ресурсов и обеспечить более чистое производство. Проще говоря, они должны принять стратегию «сокращение – переработка – повторное использование».

Кроме этого, принятие подобной стратегии в условиях нынешнего экономического спада эффективно для промышленных предприятий не только с экологической точки зрения, но и с экономической. Это обусловлено тем, что повышение эффективности использования сырья, материалов и энергии приведет к снижению эксплуатационных расходов [11].

На уровне государства следует оказывать помощь предприятиям российской промышленности, поддерживая повышение осведомленности о зеленой экономике, инвестируя в наращивание потенциала и разработку более эффективных производственных технологий.

Также рекомендуется сократить существующие субсидии на энергию, воду и другое сырье, поскольку их наличие искусственно снижает затраты промышленности на вводимые ресурсы, что затрудняет предприятиям экономическое обоснование эффективности.

Со стороны самих предприятий следует осуществлять переход от невозобновляемых к возобновляемым зеленым источникам энергии и материалов. Это также произойдет, когда предприятия увеличат использование возобновляемых источников энергии, например, путем замены ископаемого топлива использованием солнечной энергии.

Правительства многих стран должны сыграть очень важную роль в создании рыночных условий, позволяющих развиваться отрасли возобновляемых источников энергии.

Предприятия должны максимально эффективно перерабатывать и повторно использовать оставшиеся отходы, которые они генерируют в процессе производства продукции [6]. Причем в некоторых случаях предприятия могут сами перерабатывать и повторно использовать свои отходы, а на уровне государства необходимо создать рынок переработанных материалов и надлежащую нормативную базу, регулирующую хранение, транспортировку и переработку отходов.

Отмена субсидий, упомянутых выше, также поможет рынкам вторичной переработки, подавляя недобросовестную конкуренцию со стороны первичного сырья. Благодаря подобным мерам предприятия могут помочь в обеспечении более широкого разделения во всех обществах:

1. На первом уровне предприятия могут перепроектировать свою продукцию таким образом, чтобы она содержала меньше материалов (дематериализация).

2. На втором уровне они могут перепроектировать ее таким образом, чтобы она потребляла меньше энергии, воды, электричества и так далее. В этом случае важно, чтобы предприятия не только использовали энергоэффективный производственный процесс, но разрабатывали энергоэффективный продукт.

Из этого следует, что сегодня необходим государственный пакет стимулирующий зеленые инвестиции, а также осуществление необходимых изменений в политике, которые будут стимулировать зеленые частные инвестиции, давая толчок экономике и выводя ее на устойчивый путь экономического роста [12].

Следующей мерой перехода к зеленой промышленности должно стать снижение воздействия на окружающую среду, поскольку даже предприятия с очень низкими затратами материалов и энергии все равно генерируют опасные отходы. Поэтому промышленность должна снизить до приемлемого уровня свое воздей-

ствие на окружающую среду, а также ее воздействие на здоровье и безопасность своих работников [1].

Там, где это невозможно, предприятия должны утилизировать отходы или выделять загрязняющие вещества экологически приемлемым способом.

Государство всегда играет ключевую роль в принятии необходимых законов и нормативных актов. Рыночные инструменты, такие как налоги, также играют определенную роль. В России пока еще слаба не только законодательная база, но и возможности правоприменительной практики. Это приводит к тому, что сектор экологических услуг не способен должным образом развиваться.

Также необходимо на уровне государства поощрять предпринимателей к созданию предприятий в секторе экологических услуг [13]. Для существенного улучшения в этом направлении требуются более активные усилия. Например, государство может напрямую инвестировать в инфраструктуру управления отходами и борьбы с загрязнением, находящуюся в его собственности.

Наиболее очевидным примером являются городские очистные сооружения, муниципальные центры переработки отходов, мусоросжигательные заводы или свалки для муниципальных отходов, которые часто полностью или частично принадлежат государственным структурам. Такие инвестиции часто будут связаны с промышленностью, либо в качестве создателя инфраструктуры, либо в качестве основного пользователя.

Еще одним не менее важным шагом для зеленой трансформации промышленных предприятий является борьба с экологическими стандартами. Основные шаги по зеленой трансформации промышленных предприятий будут в конечном итоге являться конкурентным преимуществом, когда они столкнутся с непосредственной коммерческой проблемой, связанной с попыткой выйти на мировые рынки.

Существует огромное количество стандартов, связанных с окружающей средой. Эти стандарты требуют, чтобы предприятия перепроектировали свои продукты и бизнес-процессы в соответствии с требованиями международных стандартов или законодательством стран, в которые они хотят осуществлять экспорт [7].

В этом случае важно помимо контроля экологического дизайна продукции и создание необходимого потенциала научной поддержки для оказания помощи промышленности.

Государство должно играть важную роль в рамках политики закупок, которая благоприятствует товарам, производимым с наименьшим воздействием на окружающую среду.

Какой из возможных стандартов следует принять предприятию, будет зависеть от его конкретной

промышленной бизнес-модели. Однако, учитывая современные тенденции в стандартах системы управления, принятие подхода корпоративной социальной ответственности, который охватывает все экологические аспекты, может быть лучшим решением [10].

Это особенно верно в тех случаях, когда предприятия соблюдают стандарты ISO 14000, связанные с процессами системы менеджмента. Однако системы менеджмента также могут быть чрезвычайно полезны для соблюдения стандартов, связанных с продукцией, например, ISO 9000.

Тем предприятиям, которым удастся сделать это успешно, будет гораздо легче проникнуть на мировые рынки или сохранить свои позиции на них [8]. При этом они будут использовать новые источники

экономического роста, основанные на использовании зеленых технологий.

На уровне Правительства для реализации указанной меры следует оказывать содействие повышению осведомленности, наращиванию потенциала, созданию учреждений поддержки промышленности, которые могут помочь предприятиям внедрить системы управления, а также в создании необходимых органов по аккредитации и сертификации.

Использование предложенных мер по управлению переходом к зеленой промышленности, на наш взгляд, будет являться наиболее приемлемым способом для любого предприятия, обеспечивающим эффективную и непрерывную реализацию экологической стратегии в рамках зеленой экономики.

Список литературы

1. Дудин М.Н., Календжян С.О., Лясников Н.В. «Зеленая экономика»: практический вектор устойчивого развития России // Экономическая политика. 2017. № 2. С. 86–99.
2. Иванова Н.И., Левченко Л.В. «Зеленая» экономика: сущность, принципы и перспективы // Вестник Омского государственного университета. Серия: Экономика. 2017. № 2. С. 19–28.
3. Ляскова Е.А., Григорьева К.М. Формирование «зеленой» экономики и устойчивость развития страны и регионов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2018. Т. 12. № 1. С. 15–22.
4. Марьин Е.В. Антикризисный потенциал зеленой экономики // Контентус. 2020. № 8. С. 34–40.
5. Мишулина С.И., Бондаренко Т.И. «Зеленый» спрос как фактор и условие экологической модернизации экономики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2019. Т. 21. № 2. С. 99–112.
6. Рожкова Д.В. Органическое производство как приоритетное направление развития «зеленой» экономики // Вестник НГИЭИ. 2019. № 2 (93). С. 59–68.
7. Терешина М.В., Онищенко М.В. Политико-управленческие барьеры «Зеленого» роста в Российской Федерации // Южно-российский журнал социальных наук. 2015. № 3. С. 50–74.
8. Тетунашвили Е.В., Шумилина В.Е. Концепция зеленой экономики и ее роль в современном обществе // Молодой исследователь Дона. 2019. № 2 (17). С. 68–70.
9. Трофимова Н.Н. Ключевые препятствия для инновационного развития российского высокотехнологичного производства // Проблемы современных интеграционных процессов и поиск инновационных решений: сборник статей международной научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 181–186.
10. Трофимова Н.Н. Современные аспекты корпоративной социальной ответственности как средства устойчивого развития предприятий // Стратегии бизнеса. 2020. Т. 8. № 9. С. 235–239.
11. Трофимова Н.Н. Современные тенденции корпоративного риск-менеджмента в системе обеспечения экономической устойчивости промышленных предприятий // Управление. 2020. Т. 8. № 2. С. 30–38.
12. Трофимова Н.Н. Эффективное внедрения принципов устойчивого развития в бизнес-модель наукоемких предприятий российской экономики // Инновационные технологии современной научной деятельности: стратегия, задачи, внедрение: сборник статей международной научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 89–93.
13. Хуторова Н.А. Зеленый рост как новый вектор развития российской экономики // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2015. Т. 19. № 1. С. 190–198.

References

1. Dudin M.N., Kalendzhian S.O., Lyasnikov N.V. «Green Economy»: A Practical Vector of Russia's Sustainable Development // Economic Policy. 2017. № 2. P. 86–99.
2. Ivanova N.I., Levchenko L.V. «Green» economy: essence, principles and prospects // Bulletin of the Omsk State University. Series: Economics. 2017. № 2. P. 19–28.
3. Lyaskovskaya E.A., Grigorieva K.M. Formation of «green» economy and sustainable development of the country and regions // Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management. 2018. Vol. 12. № 1. P. 15–22.
4. Maryin E.V. Anti-crisis potential of the green economy // Contentus. 2020. № 8. P. 34–40.
5. Mishulina S.I., Bondarenko T.I. «Green» demand as a factor and condition for ecological modernization of the economy // Bulletin of the Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology. 2019. Vol. 21. № 2. P. 99–112.
6. Rozhkova D.V. Organic production as a priority direction for the development of a «green» economy // Vestnik NGIEI. 2019. № 2 (93). P. 59–68.

7. *Tereshina M.V., Onishchenko M.V.* Political and managerial barriers to «green» growth in the Russian Federation // South Russian Journal of Social Sciences. 2015. № 3. P. 50–74.
8. *Tetunashvili E.V., Shumilina V.E.* The concept of a green economy and its role in modern society // Young researcher Don. 2019. № 2 (17). P. 68–70.
9. *Trofimova N.N.* Key obstacles for the innovative development of Russian high-tech production // Problems of modern integration processes and the search for innovative solutions: a collection of articles of the international scientific-practical conference. Ufa, 2020, pp. 181–186.
10. *Trofimova N.N.* Modern aspects of corporate social responsibility as a means of sustainable development of enterprises // Business strategies. 2020. Vol. 8. № 9. P. 235–239.
11. *Trofimova N.N.* Modern trends in corporate risk management in the system of ensuring the economic sustainability of industrial enterprises // Management. 2020. Vol. 8. № 2. P. 30–38.
12. *Trofimova N.N.* Effective implementation of sustainable development principles in the business model of knowledge-intensive enterprises of the Russian economy // Innovative technologies of modern scientific activity: strategy, objectives, implementation: collection of articles of the international scientific-practical conference. Ufa, 2020, pp. 89–93.
13. *Khutorova N.A.* Green growth as a new vector of development of the Russian economy // Vestnik MGUL - Lesnoy Vestnik. 2015. Vol. 19. № 1. P. 190–198.

Туманян Гарник Вагинакович,
магистрант Института Экономики и менеджмента, Национальный исследовательский
Томский государственный университет, город Томск,
tumangar@mail.ru

ВАЖНОСТЬ «ОТКРЫТОГО ГОСУДАРСТВА» ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПАРТИСИПАТИВНЫХ ИНСТИТУТОВ И СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО (ГОСУДАРСТВЕННОГО) УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Рассматривается феномен Открытого государственного управления, которое является международным трендом. Внедрение «Открытого государства» или «Открытого правительства» является важнейшим приоритетом для развития систем современного публичного управления. Обостряется внимание на проблемах и сложностях во внедрении Открытого государственного управления, рассматриваются его цели и направления взаимодействия. Приведены результаты социологического исследования, которое проведено с целью выявления отношения граждан Российской Федерации к институту Открытого государственного управления. Итоги исследования говорят о низком уровне информированности граждан о функционировании различных механизмов «Открытого государства». Граждане слабо вовлечены в функционирование Открытого государственного управления, но готовы к такому участию. Респонденты склонны поддерживать Открытое государственное управление, но по ряду причин они в меньшей степени готовы к его внедрению на территории Российской Федерации. Можно говорить о том, что существующие социально-экономические проблемы и стереотипизация органов власти являются заметной преградой к внедрению Открытого государственного управления в РФ.

Ключевые слова: Открытое государство, Открытое правительство, государственное управление, менеджмент, граждане, партисипативность, вовлечение граждан, информационная открытость, прозрачность, подотчётность, государство

Garnik V. Tumanyan,
Master student, Institute of Economics and Management, National Research Tomsk State University, Tomsk,
tumangar@mail.ru

THE IMPORTANCE OF THE “OPEN STATE” FOR THE DEVELOPMENT OF PARTICIPATIVE INSTITUTIONS AND MODERN PUBLIC (GOVERNMENT) GOVERNANCE

Abstract. This article examines the phenomenon of Open Government, which is an international trend. The implementation of the “Open State” or “Open Government” is the most important priority for the development of modern public administration systems. We sharpen our attention on the problems and difficulties in the implementation of Open Public Administration, consider its goals and directions of interaction. The article presents the results of a sociological study, which was carried out in order to identify the attitude of citizens of the Russian Federation to the Institute of Open Public Administration. The results of the study indicate a low level of citizens’ awareness of the functioning of various mechanisms of the “Open State”. Citizens are poorly involved in the functioning of the Open Government, but they are ready for such participation. The respondents tend to support Open Public Administration, but for a number of reasons they are less prepared to implement it in the Russian Federation. We can say that the existing socio-economic problems and stereotyping of the authorities are a noticeable obstacle to the implementation of Open State Administration in the Russian Federation.

Keywords: Open state, Open government, public administration, management, citizens, participation, citizen involvement, information openness, transparency, accountability, state

Сегодня, очень важное значение для функционирования современного публичного управления и отдельных партисипативных практик, имеют принципы «Открытого государства» или «Открытого правительства» [1]. Набор механизмов Открытого государственного управления способствует увеличению доверия граждан к государственным институтам и их активному вовлечению в процессы публичного управления [2]. Принципы Открытого государственного управления поощряются и распространяются как национальными правительствами [3], так и международным сообществом [4].

Открытое государственное управление ориентировано на достижение таких публичных целей как [5]:

- инновационность;
- партисипативность;
- прозрачность;
- подотчётность.

Открытое государственное управление актуализируется благодаря активной интервенции электронных технологий, которые проникают во все сферы жизнедеятельности человека трансформируя их [6]. Выделяется разнообразный спектр электронных консультаций, электронных дискуссий и инициатив электронного участия, Интернет и информационно-коммуникационные технологии предоставляют гражданам возможности взаимодействовать с государственными институтами [7]. Следует отметить, что в данном случае они наиболее эффективны как коммуникационные и информационные средства. Хотя, исследователями отмечается, что несмотря на рост доступности информации и информационных инструментов, они всё ещё нуждаются в дальнейшем развитии в отношении взаимодействия, распространения и повторного использования различных решений [8]. Развитие перечисленных факторов жизненно необходимо для распространения Открытого государственного управления, ведь граждане нуждаются в официальной информации и хотят её получать в различных социально-экономических ситуациях. Исследователи отмечают, что информационные запросы граждан соответствуют проблемам, существующим на данный момент в государстве и вызывающим общественный резонанс [9], следовательно, различные государственные институты имеют возможность заблаговременно размещать в открытом доступе всю необходимую информацию.

Коммуникационные и информационные функции работают не в одностороннем направлении (от государства к гражданам), а формируют различные информационно-коммуникационные потоки. Можно выделить следующие направления взаимодействий в рамках Открытого государственного управления:

- «От государства к гражданам» – подразумевается поток от органов власти к гражданам, будь то

информирование граждан или сбор общественного мнения по тому или иному вопросу;

- «От граждан к государству» – подразумевается поток от граждан или их объединений к государственным институтам, может реализоваться в виде обращений, публичных писем и др.;

- «От граждан к гражданам» – в рамках данного потока происходит коммуникационный и информационный обмен между гражданами на площадках, созданных государством. Примером являются общественные обсуждения на публичных платформах или взаимодействие граждан в рамках формирования петиций;

- «От органов власти к органам власти» – данный поток чаще принимает форму информирования и заключается в распространении информации открытого характера через интернет источники. Реже, возможен и коммуникационный поток, к примеру, посредством вовлечения различных органов власти (которые являются стейкхолдерами по тому или иному вопросу) в публичные обсуждения;

- «От государства к государству» – отнесение данного потока к открытому государственному управлению может быть спорным. В рамках данного потока осуществляется публичная межгосударственная коммуникация, публикация открытых писем, либо информации, которая может быть использована в межгосударственных процессах.

Следует отметить, что в науке не существует окончательно сложившихся взглядов на концепцию «Открытого государства», интерпретации зависят от конкретных исследователей и их идей [10]. Различные авторы, могут рассматривать коммуникативные и информационные потоки в различных форматах, от чего будет различаться состав и разновидности направлений взаимодействия.

Принято выделять три возможных конфигурации для существующих платформ «Открытого государства» [11]:

- закрытая платформа, контролируемая организацией частного сектора;
- открытая платформа, контролируемая государственной организацией;
- открытая платформа, управляемая организацией гражданского общества.

Многое уже сказано о положительной роли «Открытого государства», именно поэтому, мы заострим своё внимание на проблемах и сложностях, возникающих в ходе внедрения и функционирования элементов Открытого государственного управления в жизни граждан. Профессор Нам из Университета Сонгюнгван приходит к выводу, что основной проблемой на пути внедрения Открытого государственного управления является необходимость крупных вложений со стороны государства в обеспечение зна-

чительного гражданского участия и систематического управления различными процессами [12].

«Выживаемость» платформ «Открытого государства» является важным вопросом на пути становления и развития принципов Открытого государственного управления. Причем, гражданские инициативы наиболее подвержены «вымиранию», тогда как платформы, основанные по инициативе государства, часто бывают довольно успешными. Данные высказывания подтверждаются исследованиями учёных из Германии, которые, проанализировав 465 платформ Открытого государственного управления из 87 различных стран, пришли к выводу, что сотрудничество, созданное по инициативе государства, имеет самый низкий риск прекращения [13].

Серьёзными проблемами, с которыми сталкивается внедрение Открытого государственного управления, являются нежелание государственных служащих внедрять качественные изменения [14], бюрократизация [15] и наличие разногласий во взглядах государственных служащих и лиц, формирующих государственную политику. Государственные служащие, которые занимаются публикацией информации в рамках «Открытого государства», часто испытывают сложности с поиском информации, форматом её публикации и самим содержанием, что вызвано слабой регламентацией такой деятельности со стороны государства [16], крайностью является инертность по отношению к необходимости публикации открытых данных [17]. В данном случае, необходимо помнить, что граждане чувствительно относятся к качеству предоставляемой информации, которая напрямую влияет на желание акторов пользоваться той или иной платформой [18]. Кроме того, граждане должны чувствовать доверие как к Сети Интернет, так и своему государству, ведь оба эти фактора влияют на пользование платформами «Открытого государства» [19]. Граждане обращают внимание на «сервисность» платформ «Открытого государства», их ориентацию на потребности и интересы граждан, простоту восприятия и дизайн [20]. Если углубляться в вопрос взаимосвязи доверия граждан и их partisипации в процессах «Открытого государства», можно отметить, что граждан волнует вопрос шифрования данных и безопасного нахождения в сети [21], что, в прочем, относится к более «продвинутым» пользователям, к молодёжи и оппозиционно настроенной части населения.

С целью выявления отношения граждан РФ к институту Открытого государственного управления, было проведено социологическое исследование в виде опроса. Исследование проводилось в период с 11.03.2021 по 28.04.2021. Была определена следующая выборка: опрошено 500 человек, из которых, мужчин – 210 человек, женщин – 290 человек. Возрастной состав участников исследования: молодёжь (18-35 лет) – 150 респондентов, акторы среднего возраста (35-60

лет) – 280 респондентов, акторы старшего возраста (60-80 лет) – 70 респондентов.

Исследование было поделено на несколько тематических блоков, которые отвечают поставленной цели. Блоки основаны на внутренних ощущениях акторов, их жизненном опыте, потребностях и ожиданиях. Можно выделить следующие задачи:

- выявление уровня информированности акторов о реализации практик Открытого государственного управления;
- выявление позиции акторов, относительно Открытого государственного управления;
- выявление уровня вовлечения акторов в практики Открытого государственного управления;
- выявление ожиданий акторов от участия в процессах Открытого государственного управления;
- выявление опасений акторов, связанных с участием в процессах Открытого государственного управления.

Специфичность исследования требовала некоего уровня знаний в области Открытого государственного управления, именно поэтому, перед проведением опроса, респондентам были разъяснены основные понятия и принципы, была раскрыта информация о функционирующих практиках.

Ниже, раскрыты результаты опроса и их анализ. Из Рисунка 1 видно, что граждане в большинстве случаев не информированы о реализации мероприятий по внедрению Открытого государственного управления в РФ. Полученные данные могут говорить о пассивности органов власти в вопросе информирования граждан о продвижении собственных инициатив.

Гражданам, которые дали положительный ответ на первый вопрос было предложено конкретизировать сферу Открытого государственного управления с которой они сталкивались. Из Рисунка 2 видно, что граждане чаще всего сталкиваются с информированием, реже, они могут быть вовлечены через различные partisипативные технологии в деятельность органов власти. Доля граждан, которые сталкивались с обоими перечисленными механизмами составляет всего 14%, что говорит нам о недостаточной работе органов власти по привлечению граждан в публичное управление, учитывая возрастающее желание граждан принимать участие в разработке и принятии публичных решений, нам остаётся говорить только о недостаточности механизмов, представляющих гражданам такие возможности.

Важно понять отношение граждан к самому феномену Открытого государственного управления. Ведь в случае, если оно не будет соответствовать потребностям и ожиданиям граждан, а также их видению развития публичного управления, то под вопрос будет ставиться эффективность предпринимаемых мер и их целесообразность в целом. Из Рисунка 3 мы можем сделать вывод, что тренды мировых социетальных

Слышали ли Вы о внедрении принципов
Открытого государственного управления в РФ?

Рисунок 1. Слышали ли Вы о внедрении принципов Открытого государственного управления в РФ?

В какой сфере Вы сталкивались с Открытым
государственным управлением?

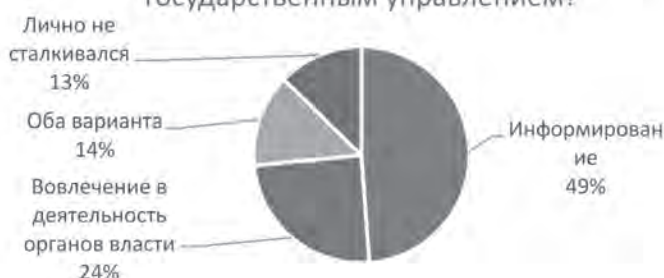

Рисунок 2. В какой сфере Вы сталкивались с Открытым государственным управлением?

трансформаций не обходят стороной Российский социум. Распространение антропосоциетальности при-
сутствует акторам новой социальности, которые готовы
участвовать в публичных процессах и более того, они
желают в них участвовать. Абсолютное большинство
респондентов (76%) положительно относятся к От-
крытому государственному управлению или коле-
блется, но склоняется к положительному ответу (14%).
«Скорее отрицательно» (7%) и «отрицательно» (4%) к
Открытому государственному управлению относятся
меньшинство респондентов, что подтверждает ска-
занное выше. Следует отметить, что отрицательное от-
ношение к Открытому государственному управлению,
чаще всего, показывают граждане старшего поколе-
ния, что может быть объяснено влиянием «Советской»
модели управления на их ментальность.

Интересные результаты были получены при об-
работке следующего вопроса, если абсолютное боль-
шинство респондентов показало положительное отно-
шение к Открытому государственному управлению, то
за внедрение его принципов на территории РФ выска-
залось меньшее количество граждан. Данные представ-
ленные на Рисунке 4 показывают отношение граждан к
необходимости внедрения Открытого государствен-
ного управления в РФ. Большинство респондентов, также,
положительно относится к Открытому государствен-
ному управлению, но цифра ощущаемо снижается («Да»
– 60%, «Скорее да» – 10%). С другой стороны, возрас-

тает количество респондентов, которые не видят необ-
ходимости во внедрении Открытого государственного
управления («Нет» – 15%, «Скорее нет» – 15%). Полу-
ченные данные можно объяснить низким уровнем доверия
граждан к органам власти и высоким уровнем стереоти-
пизации государственных институтов.

Следующий вопрос был открытого типа, мы мо-
жем сформулировать его следующим образом – Что
вы ожидаете получить от Открытого государствен-
ного управления? Ответы граждан были кластеризиро-
ваны и объединены в следующие группы:

- повышение благосостояния граждан;
- улучшение социальной обстановки;
- снижение уровня коррупции и превышения
должностных полномочий;
- улучшение предоставляемых государствен-
ных услуг;
- повышение информированности граждан;
- участие граждан в разработке и принятии пу-
бличных решений.

Полученные данные, в первую очередь, го-
ворят о более острых вопросах в сфере публичного
управления. Граждане надеются, что прозрачность
органов власти может привести к снижению уровня
должностных преступлений и, как итог, к повышению
благосостояния. Следует отметить, что «Участие граж-
дан в разработке и принятии публичных решений»
более всего поддерживают представители молодёжи,

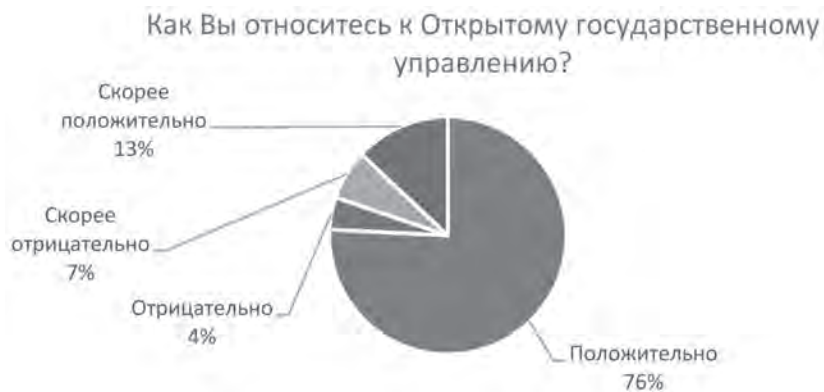

Рисунок 3. Как Вы относитесь к Открытому государственному управлению?

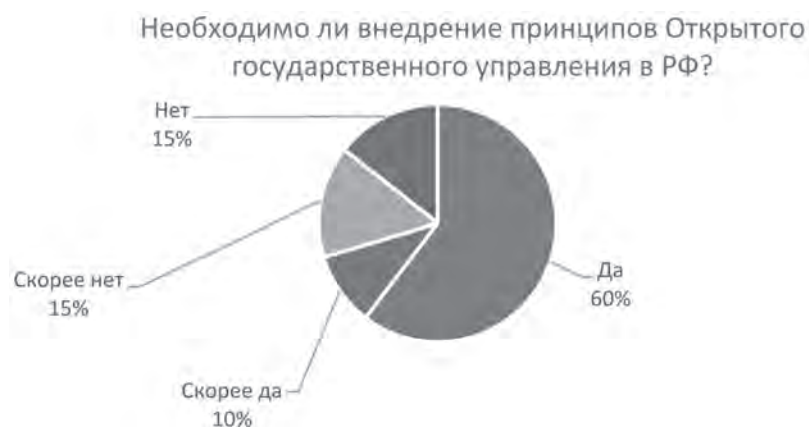

Рисунок 4. Необходимо ли внедрение принципов Открытого государственного управления в РФ?

что в очередной раз подтверждает активные социальные трансформации.

Респондентам было предложено выбрать между информационной открытостью и вовлечением граждан в деятельность органов власти как приоритетами Открытого государственного управления. Вариант ответа с одновременным выбором двух перечисленных приоритетов не был представлен респондентам, так как акторы склонны к максимизации предполагаемых выгод, а целью вопроса является определение приоритета граждан и, следовательно, формы взаимодействия в которой они готовы принимать участие. Данные представленные на Рисунке 5 говорят о практически равнозначном делении приоритетов граждан. За «информационную открытость» выступили 46% респондентов, а за «вовлечение граждан в деятельность органов власти» 54% респондентов.

Следующий вопрос был открытого типа, и мы можем сформулировать его следующим образом – Что может помешать активному внедрению Открытого государственного управления в РФ? Ответы граждан были кластеризированы и объединены в следующие группы:

- коррупция и превышение должностных полномочий;
- бездействие органов власти;
- неготовность граждан к «Открытому государству»;
- неготовность органов власти к «Открытому государству»;
- нехватка финансирования;
- нестабильная политическая обстановка.

Полученные данные, в первую очередь, говорят о более острых вопросах в сфере публичного управления. Граждане апеллируют к коррупции, превышениям должностных полномочий и бездействию органов власти. Также, респонденты считают, что на внедрение Открытого государственного управления может повлиять неготовность органов власти, нестабильная экономическая и политическая обстановка. Примечательно, что часть респондентов считает, что к внедрению Открытого государственного управления не готовы сами граждане.

Итоги опроса говорят о низком уровне информированности граждан о функционировании различных механизмов «Открытого государства». Граждане слабо вовлечены в функционирование Открытого государственного управления, но готовы к такому уча-

стию. Респонденты склонны поддерживать Открытое государственное управление, но по ряду причин они в меньшей степени готовы к его внедрению на территории Российской Федерации. Можно говорить о

том, что существующие социально-экономические проблемы и стереотипизация органов власти являются заметной преградой к внедрению Открытого государственного управления в РФ.

Список литературы/References

1. Cruz-Meléndez C., Ríos A.P. Public works electronic registration system and its contribution to transparency and accountability: Toward its recognition as an open government tool. // Revista Espanola De La Transparencia. 2020. № 10. P. 177-214. doi:10.51915/RET.56
2. Siadat S.H., Mahmoodi F.S., Sadeghi F.M.M. Open government evaluation in a public sector: A case study of Iran// Electronic Government. 2021. № 2. P. 129-143. doi:10.1504/EG.2021.114576
3. Yanga T., Wub Y. The maturity assessment of the recent open data development in the context of Taiwan e-government//Journal of Educational Media and Library Sciences. 2019. № 1. P. 7-44.
4. López-López P.C., Medina F.J.F., Sánchez E.G., Golán M.L., Rivera I.P. Transparency and open government indicators: Analysis of public information in chilean national television//RISTI - Revista Iberica De Sistemas e Tecnologias De Informacao. 2019. № 20. P. 63-75.
5. Gao Y., Janssen M., Zhang C. Understanding the evolution of open government data research: Towards open data sustainability and smartness//International Review of Administrative Sciences. 2021. № 1. P.1 doi:10.1177/00208523211009955
6. Baygi R.M., Introna L.D., Hultin L. Everything flows: Studying continuous sociotechnological transformation in a fluid and dynamic digital world//MIS Quarterly: Management Information Systems. 2021. № 1. P. 423-452. doi:10.25300/MISQ/2021/15887
7. Rossini P.G.C., de Oliveira V.V. E-democracy and collaborative lawmaking: The discussion of the political reform in brazil//International Journal of Communication. 2016. № 10. P. 4620-4640.
8. Korro Bañuelos J., Rodríguez Miranda Á., Valle-Melón J.M., Zornoza-Indart A., Castellano-Román M., Angulo-Fornos R., Ferreira-Lopes P. The role of information management for the sustainable conservation of cultural heritage // Sustainability (Switzerland). 2021. № . Article№ 4325 doi:10.3390/su13084325
9. Berliner D., Bagozzi B.E., Palmer-Rubin B. What information do citizens want? evidence from one million information requests in mexico // World Development. 2018. № 109. P. 222-235. doi:10.1016/j.worlddev. 2018.04.16
10. Wirtz B.W., Birkmeyer S. Open government: Origin, development, and conceptual perspectives // International Journal of Public Administration. 2015. № 5. P. 381-396. doi:10.1080/01900692.2014.942735
11. Meijer A., Boon W. Digital platforms for the co-creation of public value // Policy and Politics. 2021. № 2. P. 231-248. doi:10.1332/030557321X16115951032181
12. Nam T. Challenges and concerns of open government: A case of government 3.0 in korea // Social Science Computer Review. 2015. № 4. P. 556-570. doi:10.1177/0894439314560848
13. Cingolani L. The survival of open government platforms: Empirical insights from a global sample // Government Information Quarterly. 2021. № 1. Article № 101522 doi:10.1016/j.giq.2020.101522
14. Wirtz B.W., Daiser P., Thomas M., Schmoe M. Open government implementation: An exploratory survey of public administration officials // International Journal of Electronic Governance. 2018. № 4. P. 359-381. doi:10.1504/IJEG.2018.097262
15. Bagozzi B.E., Berliner D., Almquist Z.W. When does open government shut? predicting government responses to citizen information requests // Regulation and Governance. 2021. № 2. P. 280-297. doi:10.1111/rego.12282
16. Yang T., Wu Y. Looking for datasets to open: An exploration of government officials' information behaviors in open data policy implementation // Government Information Quarterly. 2021. № 2. Article№ 101574 doi:10.1016/j.giq.2021.101574
17. Donald Shao D., Saxena S. Barriers to open government data (OGD) initiative in tanzania: Stakeholders' perspectives // Growth and Change. 2019. № 1. P. 470-485. doi:10.1111/grow.12282
18. Mensah I.K., Luo C., Abu-Shanab E. Citizen use of e-government services websites: A proposed e-government adoption recommendation model (EGARM) // International Journal of Electronic Government Research. 2021. № 2. P.19-42. doi:10.4018/IJEGR.2021040102
19. Mensah I.K. Exploring the moderating effect of perceived usefulness on the adoption of E-government services // International Journal of Electronic Government Research. 2019. № 1. P. 17-35. doi:10.4018/IJEGR.2019010102
20. Zuiderwijk A., Reuver M. Why open government data initiatives fail to achieve their objectives: Categorizing and prioritizing barriers through a global survey // Transforming Government: People, Process and Policy. 2021. № 1. P.1. doi:10.1108/TG-09-2020-0271
21. Hewson E.C., Harrison P.S. Talking in the dark: Rules to facilitate open debate about lawful access to strongly encrypted information // Computer Law and Security Review. 2021. № 40. Article№105526 doi:10.1016/j.clsr.2020.105526

Авцинова Анна Александровна,

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой Социально-экономических наук, Липецкий казачий институт технологий и управления (филиал) Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), город Липецк, a.avtsinova@mail.ru

Anna A. Avtsinova,

Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Head of the Department of Social and Economic Sciences, Lipetsk Cossack Institute of Technology and Management (branch) Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University), Lipetsk

Акатов Александр Александрович,

студент 1 курса Юридического института, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, город Владимир, aka-alex1209@mail.ru

Alexander A. Akatov,

1st year student of the Law Institute, Vladimir State University A.G. and N.G. Stoletovs, Vladimir

Алиева Светлана Викторовна,

доктор социологических наук, заведующий кафедрой Менеджмента и предпринимательского права, Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, город Пятигорск, svet_al55@mail.ru

Svetlana V. Aliyeva,

doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Management and Business Law, North Caucasus Institute-Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Pyatigorsk

Бажанов Станислав Васильевич,

доктор юридических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств, полковник юстиции в отставке, город Москва, svb-1956@mail.ru

Stanislav V. Bazhanov,

Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Academician Peter's Academy of Arts and Sciences, retired colonel of justice, Moscow

Баканов Максим Александрович,

аспирант кафедры Теории и истории государства и права, Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, maksim.backanov@yandex.ru

Maxim A. Bakanov,

Postgraduate at the Department of Theory and History of State and Law, Moscow State University named after S.Yu. Witte, Moscow

Гостев Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра коммуникационных технологий и цифрового образования Московского государственного лингвистического университета, Москва, Gostevan@inbox.ru

Alexander N. Gostev,

Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Chief Researcher, Scientific and Educational Center for Communication Technologies and Digital Education, Moscow State Linguistic University, Moscow

Давитадзе Мевлуд Демуралович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ (Одинцовский филиал), Московская область, город Одинцово, md2063@mail.ru

Mevlud D. Davitadze,

Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch), Moscow Region, Odintsovo,

Делия Виктор Павлович,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры Туризма, Московский государственный университет спорта и туризма, Москва, deliav52@icloud.com

Viktor P. Delia,

Doctor of Economic Sciences, Docent, Professor at the Department of Tourism, Moscow State University of Sports and Tourism, Moscow

Демченко Татьяна Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью, Институт деловой карьеры, Москва, tstarshinova@mail.ru

Tatyana S. Demchenko,

Ph.D. of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Management, Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow

Долгова Ирина Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры Менеджмента и предпринимательского права, Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, город Пятигорск, orhid1@yandex.ru

Irina V. Dolgova,

Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Management and Business Law, North Caucasus Institute-Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Pyatigorsk

Дробот Елена Валерьевна,

кандидат экономических наук, доцент, ответственный редактор, Первое экономическое издательство, Москва, elenadrobot@mail.ru

Elena V. Drobot,

Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Executive Editor, First Economic Publishing House, Moscow

Егоров Вадим Алексеевич,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права, процесса и криминалистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, город Липецк, vadim.egorov.68@bk.ru

Vadim A. Egorov,

Ph.D. of Pedagogic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk

Жамборов Анзор Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Огневой подготовки,
Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России, город Нальчик,
Jamborow@mail.ru

Anzor A. Zhamborov,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Fire Training,
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik

Иванова Виктория Игоревна,

старший лейтенант юстиции, следственное управление МВД по городу Липецку, город Липецк,
Victoria I. Ivanova,

Senior Lieutenant of Justice, Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs
in the city of Lipetsk

Иваньшина Ольга Валерьевна,

аспирант кафедры Теории и истории государства и права, Московский университет
им. С.Ю. Витте, Москва,
olya-ivanshina68@yandex.ru

Olga V. Ivanshina,

postgraduate at the department of Theory and History of State and Law,
Moscow State University named after S.Yu. Witte, Moscow

Колесников Виктор Викторович,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента, рекламы
и связей с общественностью, Институт деловой карьеры, Москва,
wwkolesnikoff@mail.ru

Viktor V. Kolesnikov,

Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Management,
Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow

Кондратюк Сергей Викторович,

старший преподаватель кафедры Уголовного права и процесса, Тольяттинский
государственный университет, город Тольятти,
kondratyuk.serzh@mail.ru

Sergey V. Kondratyuk,

Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure Department, Togliatti State
University, Togliatti

Кубанов Эльдар Баширович,

начальник пункта полиции по Ногайскому району
Межмуниципального отдела МВД России «Адыге-Хабльский», Министерство внутренних
дел по Карачаево-Черкесской Республике, майор полиции, слушатель
Академии управления МВД России, Москва,
nogai0907@rambler.ru

Eldar B. Kurbanov,

Head of the police station for the Nogai district of the Inter-Municipal
Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Adyge-Khablsky", Ministry of Internal
Affairs of the Karachay-Cherkess Republic, Police Major,
student of the Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

Кульгачев Иван Петрович,

кандидат философских наук, доцент кафедры Индустрии гостеприимства, туризма и спорта, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, kulg-ivan@yandex.ru

Ivan P. Kulgachev,

Ph.D. of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Hospitality, Tourism and Sports, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Лебедев Никита Андреевич,

доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук, Москва, ieras@inecon.org

Nikita A. Lebedev,

doctor of Economic Sciences, Full Professor, leading researcher of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Лисова Екатерина Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Государственного и муниципального управления и конституционного права, Институт деловой карьеры, Москва, lisovaekaterina78@gmail.com

Ekaterina V. Lisova,

Ph.D. of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of State and Municipal Administration and Constitutional Law, Institute of Business Career, Moscow

Майстренко Анна Григорьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданско-правовых дисциплин, Российский университет нефти и газа имени И.М. Губкина, Москва, annamajstrenko@yandex.ru

Anna G. Maistrenko,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Gubkin Russian University of Oil and Gas, Moscow

Майстренко Григорий Александрович,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Москва, g.maistrenko@yandex.ru

Grigory A. Maistrenko,

Ph.D. of Juridical Sciences, Senior Research Officer, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow,

Макаров Иван Николаевич,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью, Институт деловой карьеры, Москва, excellennzz@gmail.com

Ivan N. Makarov,

Doctor of Economic Sciences, Docent, Professor at the Department of Management, Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow

Медик Ирина Николаевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, город Иркутск, m.irina.n@list.ru

Irina N. Medik,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of World Economy and Economic Security, Baikal State University, Irkutsk

Муртузалиев Али Муртузалиевич,

подполковник полиции, адъюнкт
Академии управления МВД России, Москва,
murtuzaliev_ali1974@mail.ru

Ali M. Murtuzaliev,

police Lieutenant Colonel, adjunct of the Academy
of management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow

Назаренко Владислав Сергеевич,

консультант отдела Стратегического планирования
и территориального развития, Управление экономического развития
Администрации Липецкой области, город Липецк,
vs_nazarenko@mail.ru

Vladislav S. Nazarenko,

Consultant at the Department of Strategic Planning
and Territorial Development, Department of Economic Development Administration
of the Lipetsk region, Lipetsk

Орлов Александр Александрович,

подполковник полиции, слушатель Академии управления МВД России, Москва,
aorlov48@mvd.ru

Alexander A. Orlov,

police lieutenant colonel, student of the MIA Academy of Management, Moscow

Романова Марианна Михайловна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Индустрии гостеприимства, туризма и спорта,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва,
rmm2002@mail.ru

Marianna M. Romanova,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Hospitality,
Tourism and Sports, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Салихов Борис Варисович,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Теории регионоведения,
Московский государственный лингвистический университет, Москва,
mgsusalikhov@yandex.ru

Boris V. Salikhov,

Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Theory
of region studies of the Moscow state linguistic University, Moscow

Тарасов Евгений Александрович,

кандидат технических наук, доцент кафедры
Строительной техники и инженерной механики, Воронежский государственный
технический университет, город Воронеж,
382652@mail.ru

Evgenii A. Tarasov,

Ph.D. of Engineering Sciences, Associate Professor at the Department of Construction machinery
and Engineering mechanics, Voronezh state technical University, Voronezh

Трофимова Наталья Николаевна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента наукоёмких производств, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург,
Tnn04@mail.ru

Natalia N. Trofimova,

Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Management of High-Tech Industries, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg

Туманян Гарник Вагинакович,

магистрант Института Экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет, город Томск,
tumangar@mail.ru

Garnik V. Tumanyan,

Master student, Institute of Economics and Management, National Research Tomsk State University, Tomsk

Фадеев Илья Александрович,

кандидат юридических наук, майор полиции, старший преподаватель кафедры Теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД России, Москва,
Ilya-fadeev@yandex.ru

Ilya A. Fadeev,

Ph.D. of Juridical Sciences, Police Major, Senior Lecturer at the Department of Theory and Public Administration methodologies, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

Филимонова Анастасия Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Теории и истории государства и права, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, город Владимир,
filimonova_ai508@mail.ru

Anastasia I. Filimonova,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Vladimir State University A.G. and N.G. Stoletovs, Vladimir

Шевелева Ксения Владимировна,

преподаватель кафедры Правовое обеспечение национальной безопасности, Российский технологический университет РТУ МИРЭА, Москва,
Kseniya_Sheveleva92@mail.ru

Kseniya V. Sheveleva,

lecturer at the Department of Legal Support of National Security, Russian Technological University of RTU MIREA, Moscow